

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – Х. М. ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Нина Емузова
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

4. 2018 ИЮЛЬ–АВГУСТ

ЕЩЁ РАЗ О БЕКМУРЗЕ (ко дню памяти Б. Пачева)

Многие письменные источники, собранные в основном в советский период, утверждают, что Бекмурза Пачев вышел из бедной крестьянской семьи, что он нигде не учился. Если так, тогда встают вполне резонные вопросы: «Каким образом он составил алфавит на основе арабских графических знаков и записывал свои произведения? Где он выучил арабский язык так, что мог использовать его фонемы применительно к звуковому ряду адыгского языка?». Эти и другие вопросы, связанные с жизнью и творчеством этого уникального человека, прадедушки моих детей, волнуют меня давно. Сегодня хочу

поделиться с читателями результатами моих поисков.

Академик Симон Джанашиа писал, что видел на столике Б. Пачева книги классика арабской поэзии, поэта с черкесскими корнями М. Самиль Баруди, на арабском языке, а также книги на турецком и азербайджанском языках. Бекмурза с гордостью говорил ему, что это его учителя. Общались Симон Джанашиа и Бекмурза Пачев на русском языке. Выходит, он владел арабским, турецким и русским языками.

В 1987 году, после моего концерта в Аммане (Иордания), организованного культурным обществом наших соотечественников «Адыгэ фыщӀэ хасэ», ко мне подошел симпатичный мужчина и представился как Мухамедхер Калемат (ПащӀэ). Минутой позже к нам присоединился Аднан ПащӀэ с супругой Шагирой, которые проживали там.

Я была безмерно счастлива, что нашлись однофамильцы, и, конечно же, при первой возможности оказалась в кругу родственников. Сначала расскажу о ветви Калемат (ПащӀэ). Мухамедхер рассказал о том, что дед его, Хаджимирза ПащӀэ, во время массового исхода адыгов ушел в Османскую империю с супругой и единственным сыном, Калематом, несмотря на уговоры брата-близнеца Бекмурзы. Жили они в Хышнии. ПащӀэ Хад-

жимирза после очередного хаджа в Мекку на поклонение пророку Магомеду вернулся Хаджимелимом. Сын его Калемат женился на прекрасной девушке из рода Хамуковых. От этого брака родились Ахмед, Фахлия и Мухамедхер. Все они стали носить имя своего отца как фамилию, то есть Калематовы. Таков тамошний порядок. Имя отца становилось фамилией.

Дед Хаджимирза был образованным человеком. Он окончил один из старейших университетов Востока Аль-Азхар в Каире. Вел переписку с братом Бекмурзой, который остался на родине в Нартане. «Мы видели эти письма, читали их, но, к сожалению, после его смерти они исчезли», – рассказывал мне его внук Мухамедхер Калемат.

Теперь, естественно, возник ещё один вопрос: «А был ли у Бекмурзы брат?». Ведь никто никогда об этом не говорил. В стихотворении о своей женитьбе Бекмурза делится с нами сокровенными мыслями и рассказывает, что когда ему становится очень тяжело, то излить свою душу, поделиться печалью он идёт к Мазановым.

Речь идёт о его сестре Хуже, которая была супругой Мудара Мазанова.

Итак, я возвращаюсь к Хаджимирзе и его потомкам, старшему сыну Калемата Ахмеду. Всевышний одарил его четырьмя сыновьями – Азми, Наджат, Гани, Гауни, и тремя дочерьми – Ганией, Сабах и Кефайей.

О Гании расскажу побольше, потому что мы с ней очень подружились. Её родной дядя Мухамедхер при первой же встрече набрал её телефон и связал меня с ней. Гания прекрасно владела кабардинским языком и изъявила желание увидеться со мной. Мухамедхер нанял для меня такси, и я из Аммана поехала в Дамаск.

Там меня встретили Гания и Лютфи, и я оказалась в их уютной квартире, наполненной весельем. Шесть её детей окружили меня и старались показать свои познания в кабардинском языке. Неделя, проведенная в этой семье, показалась мне одним мигмом. Я успела увидеться с её родной тетей Фахмией и её дочерью Диной, также приехали её братья Азми и Наджат с женами, сестра её Кефая с супругом Гайсамом Дугуж тоже нанесли визит. Настало время моего отъезда. Гания твердо пообещала мне прилететь на Родину.

Лютфи обожал свою Ганию за деток, которых она подарила их роду, за острый ум, за красоту и обаяние. Как-то за обедом Гания сказала, что ей очень хочется побывать в Нартане. Лютфи выслушал и втайне от нее, взяв её паспорт, отправился к тете Фахмие и, заручившись её согласием, взял паспорт её дочери Дины Джамбулат (Бейтуган) и купил два билета на рейс Дамаск–Нальчик, туда и обратно. Вернувшись домой, он положил билеты на колени Гании со словами: «Завтра утром ты со своей двоюродной сестрой вылетаешь на родину».

В то прекрасное утро Гания и Дина появились в нашей усадьбе, как два ангелочка, прилетевших к нам с небес. Это был подарок судьбы.

Первое, что сделала Гания, войдя в наш дом, – это, спотыкаясь, плача и причитая, бросилась к портрету Бекмурзы, целуя его глаза, руки, и спросила нас, откуда у нас портрет её прадеда Хаджимирзы? Тут я уже не сомневалась, что брат-близнец у Бекмурзы был, просто надо искать в архиве документы.

Любое желание Гании исполнялось незамедлительно. Лютфи часто со своей супругой появлялся на «Адыгэ хасе». Как-то позвонили Гании и сообщили, что молодая девушка-черкешенка из г. Кисьюи нуждается в срочной операции на сердце, которая стоит четыре тысячи долларов. Узнав об этом, Лютфи отвез нужную сумму в «Хасу».

Девушка была спасена. Слава Всевышнему, вышла замуж и теперь счастлива в окружении деток своих и заботливого супруга. Лютфи Сакка Амини обязательно перед пятничным намазом заказывал барана, фаршированного рисом, морковью и всевозможными восточными пряностями, чтобы верующие после намаза ещё и вкусно поужинали и пообщались. Причем он делал вид, что не знает, кто прислал им это угощение. Также ежемесячно к ним приходила одинокая женщина, которой он давал сто долларов.

Таков был наш любимый зять. Вскоре они выдали замуж старшую дочь Бушру, женили сына Гасана. Казалось, жить бы им и радоваться, ан нет. Благородный Лютфи, делая намаз в своей спальне рядом с Ганией, потерял сознание, и Всевышний забрал его чистую душу. О нем думаешь всегда с улыбкой. Он предстает перед взором с огромными пакетами со сладостями, говорящий на ломаном кабардинском: «Щхэ, щхэ, бжэмышх къаштэ» – «Угощайся, угощайся, бери ложку». Он радовался, как ребенок, что может произносить трудные слова на языке любимой спутницы жизни.

Но, как говорят в народе: «Пришла беда – открывай ворота». Соединенным Штатам захотелось установить демократию в очередной стране – в Сирии. Что из этого получилось, всем известно. Хочу подчеркнуть, что в этой стране никто не замыкал дверцы автомобилей, вера во Всевышнего не позволяла творить верующим «хьэрам» – то есть зло. Воровство, чревоугодие, сквернословие, прелюбодеяние напрочь отсутствовали в этой стране. Где-то в потаенных уголках моей души таилась надежда на то, что когда-то и у нас не будут в «моде» замки. Как-то мне пришло в голову оставить кошелек с деньгами возле скверика напротив дома Гании. С лоджии можно было свободно наблюдать за происходящим. Люди обходили кошелек. Утром я забрала свою вещь в целостности и сохранности. И в этой стране начался хаос! Как говорится: «Кому война, а кому мать родна». У Гании выкрали младшего сына и запросили выкуп в десять миллионов лир. Представьте себе, что творилось в душе моей бедной Гании. Потеря прекрасного супруга подорвала её здоровье, а тут новое потрясение. Пришлось выполнить поставленные бандитские условия и бежать. В Россию, на Кавказ, на историческую

родину. Хотя и были паспорта – дорога оказалась закрытой, так как все дети Гании, хоть и были образованны, не знали русского языка. Решили выехать в Египет, так как на тот момент там было более спокойно и не было языкового барьера.

Не так просто бросить все, что дорого сердцу, оставить дом, дальних родственников, друзей, родину и бежать в неизвестность, благородной Гании было суждено уйти в иной мир в Египте, в Каире. За упокой её души читали Коран в Сирии, Египте, Саудовской Аравии и у нас в Нартане.

Я ушла далеко от приезда к нам Гании и Дины, рассказала вам о судьбе, постигшей эту прекрасную семью. А сколько разбитых судеб, смертей и беженцев принесла война в Сирии? Так вот, после отъезда моих родных Гании и Дины, после упорных поисков я нашла в архиве документы, которые пролили свет на то, что брат-близнец Хаджимирза у Бекмурзы был.

Внук Хаджимирзы Мухамедхер с супругой и четырьмя детьми переехал из Аммана в Канаду. Благодаря Всевышнему они все живы и здоровы.

Внучка Хаджимирзы, мать Дины Джамбулат, к сожалению, покинула этот мир. Пусть её душа мирно покоится. Мечта прилететь на родину, на усадьбу деда своего Хаджимирзы и дяди Бекмурзы, так и не сбылась.

Расскажу об Аднане Пачеве (ПащӀэ) из Аммана. С этой семьей ранее встречался наш известный учёный Андрей Хакушев. Конечно, Аднан сказал ему, что он сын Мутхара, внук Бекмурзы, правнук Маши. Все сходилось, выходило, что он прямой наследник нашего Бекмурзы. У Аднана был родной дядя Гузер, у которого тоже были дети: Дин, Диаб, Мунира. Загвоздка была в том, что эта ветвь шла из селенья Дугулубгей. Об этом мне поведала стотринадцатилетняя ПащӀэ Таго, в замужестве Мамхегова, из Нью-Джерси. Предки Таго, Гузера и Мухтара были из Дугулубгей.

Уж очень все сходилось, да не мог наш Бекмурза одновременно проживать в двух странах. Дедушка Аднана Бекмурза безвыездно после переселения с Кавказа жил в Аммане.

Аднан Мухтарович – скромный, работающий человек. Всевышний ему и супруге его Шагире подарил семерых детей, они так и живут в Аммане.

Сын Гузера Бекмурзовича Пачева Дин вернулся на родину, супруга и дети не захотели менять США на Кавказ, а может, к тому времени Дин с супругой не находил общего языка. Приехав сюда, он нашел дальнего родственника, который, заметив его равнодушное отношение к алкоголю, помог ему пустить по ветру все доллары, а когда Дин стал прозревать, сделал так, что его отправили обратно в США без права возвращения в течение пяти лет.

Спустя пять лет он опять вернулся сюда и нашел меня. Полгода я обивала пороги миграционных служб и КГБ, чтобы добиться узакони-

вания его проживания на родине. К тому времени он встретил хорошую девушку, и они поженились. Вместе они построили добротный дом и живут счастливо с дочуркой Асаной, которой их наградил Всевышний.

Бекмурза гостил в поселении Хышния, где компактно жили адыги. Они показали ему поселения Барика, Биргаджам, которые были расположены у Голанских высот и чем-то напоминали им Кавказские горы. На что он им сказал: «Напоминают, но это не ваши Кавказские горы». На вопрос: «Будет ли земля эта родить, кормить их?», он ответил: «Дайте мне лопату, кирку и время. Я через сутки вернусь и расскажу вам все». Эту историю мне поведала Мадиха Пачева (ПашЦэ) из Дамаска, которая слышала её от своего дедушки.

КЪУДСИЯ

Къудсия... Какой незабываемый вечер подарила мне судьба в очередной раз, вечер новых знакомств с моими соотечественниками, проживающими в Дамаске, вечер воспоминаний. Гания – правнучка брата Бекмурзы Пачева, и ее старшая дочь Бушра сопровождали меня на хасу.

Тамада хасы Надим Кушха и молодежь с букетами цветов встретили нас у входа. За чашкой ароматного чая Надим читал свои полные любви к Родине стихи о Кавказе, я пела. После чая мы поднялись на крышу дома. Это было чудное зрелище. Под открытым небом, усеянным яркими звездами, которые окружили полную луну, мне предстояло петь для почитателей моего таланта.

Как всегда, я волнуюсь, как будто выхожу на сцену в первый раз. Начинаю концерт с приветствия и монолога «Матери адыгской земли» Нелли Лукожевой.

Народ оживился, когда зазвучали народные адыгские песни. Вот уже зрители подпевают мне, а на крышах соседних домов теперь уже слушают мое пение и арабы. Естественно, я исполняю несколько песен и на арабском языке.

После первого отделения звучат адыгские наигрыши Фейсала Жилехажа. Говорят, что в последнее время он реже берет свою гармонь. Фейсал – инженер и много времени отдает работе. Я покорена его игрой. Наигрыши уносят меня в Амман, где я впервые услышала игру чудесной гармонистки Абида Умар. Она играла кафы, которым уже от 250 до 500 лет. Бабушка и мама ее были из Терского района. Они ей и передали это мастерство. Какие необычные вариации, какие мелодии!

Только Фейсал пока может равняться с Абидой. Кстати, я исполнила песню «Кафа Абида». Эту песню обработал талантливый певец Владимир Барагунов, а текст написал Петр Кажаров. Они увековечили этим память Абида.

Утром мне предстоит очень интересная поездка по местам компактного проживания черкесов. Там когда-то, еще молодым, побывал Бекмурза Пачев у своих братьев, которых так и не смог уговорить вернуться на Родину.

Автобус из своего парка предоставляет нам зять Хасанби Пачева – Набиль Стас. Утром все родственники будут вместе.

Ехали мы туда с песнями, музыкой. Каждая хозяйка наготовила адыгэ хьэлывэ, кубэ, а Амаль – супруга Аймана Пачева, весь вечер возилась с моим любимым арабским салатом «Пабуле».

Сделали остановку на ферме Набиля. Я с большим удовольствием ходила по саду, осмотрела плантации с фулем (разновидность бобовых культур). Кстати, на днях весь фуль заберут в Арабские Эмираты. Ферма Набиля поразила чистотой. Оказывается, коров доят три раза в день, каждая дает по 30 литров молока в сутки.

Чем дальше мы отдаляемся от Дамаска, тем ближе заветные места. Уже совсем близко Голанские высоты, которые чем-то напоминают Кавказ.

Сохранилось предание о пребывании здесь Бекмурзы Пачева. Когда его спросили: «Ну, как тебе нравится здесь? Будет ли нас кормить земля?» Он ответил: «Да, красиво, но это же не Родина. А насчет земли, дайте мне сутки, и я постараюсь дать вам ответ». Отсутствовал он, как и говорил, сутки, а вернувшись, сказал ставшие впоследствии пророческими слова: «Может, полстолетия земля будет плодоносить, может немного больше, а потом, помяните мое слово, вся земля будет усеяна огромными валунами».

Удивительно, как этот мудрый человек мог предвидеть на столько лёт вперед. Сто шесть лет прошло с тех пор. Неимоверно печет солнце. Земля вся усеяна этими темными валунами, и кажется, где-то здесь, рядом со своими потомками, летает душа Бекмурзы.

Предсказания Бекмурзы, как видите, сбылись, но пришла беда похуже этих камней, которым черкесы нашли применение. Сначала они строили из этих камней ограды и фундамент и уже на очищенной земле высаживали оливковые деревья, они там называются «зейтун», и «фуль» – бобовое растение. Только черкесы зажили – Израиль аннексировал Голанские высоты, и им пришлось бежать из этих мест. Спустя десятилетия им вернули Барику, Биргаджам. Черкесы стали опять обустроиваться, и когда казалось, что, наконец, настал покой, появились игиловцы. Они изгнали черкесов и заселились туда семьями. Невольно обращаешься к Всевышнему: «О, Аллах! За что ты караешь народы Кавказа? Сколько им ещё скитаться по белу свету? Соберет ли их родина-мать когда-нибудь на Кавказе, пригреет ли под своим крылом?»

Шли годы. Стихи Бекмурзы уже переходили из уст в уста. Уже он начал записывать их на алфавите, пока понятном только ему самому. Позже

он ознакомил с алфавитом смышленого соседского паренька – Хажумара Келеметова. К тому же все стихи поэта он уже выучил и читал наизусть.

Академик Симон Джанашиа, а также наши известные учёные Адам Гутов и Хамиша Тимижев утверждают, что поэзия Бекмурзы Пачева сродни жанрам древневосточной поэзии и служит доказательством духовной близости поэта с культурой народов Востока.

Как отмечает профессор Хамиша Тимижев, произведение поэтического характера, в котором лирический герой как бы «ропщет на кого-либо или что-либо, и написанное эзоповым языком, восточные литературоведы выделяют в отдельный жанр – «хиджа». Многие бейты М. Сами аль Баруди написаны в этом жанре.

М. Сами аль-Баруди:

«УмыщІ псалъэ быдэ кыуитми уи фІэщ,
Дахэм пІалъэу ищІыр тхъэрыкъуэфщ»
Не верь обещаньям, хоть слова тверды,
Данный срок красавицей... завянет, как лопух.
(Перевод Х. Тимиже)

Б. Пачев:

«Иджырей щІалэхэм пащІр ягъэкІ,
Іуэху къалыкъуэкІым хуабэтхъэрыкъуэ орщ»
Современные юноши рано растят усы,
Но перед делом... увядают, как лопух на солнце.

Это примеры из монографии профессора Х. Тимижева, подтверждающие духовную близость двух великих адыгов: М. Сами аль-Баруди и Б. М. Пачева.

Можно провести некоторую параллель, если вообще возможно такое сравнение в переводе, – продолжает дальше учёный, подчеркивая, что диалог поэта с богом, природой часто встречается в арабской поэзии средних веков. В восточной литературе такой жанр, напоминающий элегию, называется «минувашшах». В нартских пшинатлях эта форма занимает особое место, правда здесь герои обращаются к языческим богам: Шибле, Псатхе, Тхагалечу, Тлепшу и др.

У Бекмурзы в роли «тхъэ» (бога) выступает «дунеижь» (старый мир, огромный мир) или «зэманьжь» (время недоброе, время жестокое). Как и у восточных поэтов, мир Б. Пачева многолик и многоцветен: «Уей, дунеижь мыгъуэурэ зи лъабжьэр мыф» («Эй, ты мир, громадный, сладостный как грудь феи») («Мир») и т. д.

«Хочу обратить внимание исследователей творчества кабардинской литературы „чудесного самородка“, – пишет далее Х. Тимижев. – Известный турецкий поэт, наш соплеменник Тевфик Фикрет, впервые использовал оригинальную форму стихосложения – „рису“. Он в одной строфе соединял два логически противоположных суждения. Каждое

2004 г. Открытие Дома-музея Б. Пачева, в центре Давид Кугультинов, справа министра культуры М. Х. Балкизов, А. Пачев, слева глава администрации Чегемского района М. Х. Мамбетов, член правления Союза писателей России А. А. Парпара.

суждение имеет собственную грамматическую основу, а вместе они образуют сложносочиненное предложение. Жанр сложный, рассчитанный на психологическое восприятие. Он был популярен у последователей турецкого литературного течения „Серветифюнун“ („Богатство наук“). У Бекмурзы Пачева мы находим стихи, которые можно отнести и к этому жанру:

Дэ тхэмыт кытхальхуэмэ, догуфІэ,
НэхьыфІхэр малІэри дэ допыхьэ.
Рождаются такие, которых нет среди нас – мы радуемся,
Уходят в мир иной лучшие из нас – мы печалимся („Мир“).

Перехожу к описанию документа Нальчикско-Клишбиевского Сельского правления 3-го участка Нальчикского округа Терской области от 29 августа 1891 г. (№ 927).

Бекмурза Пачев (в документе Пажев), 35 лет, просит позволения увидаться с родственниками, проживающими в Турции. Естественно, он не мог написать в своем заявлении, что цель его поездки – привести оттуда обращение адыгов и выходцев с Кавказа ко всем жителям, оставшимся на Родине. Он решил остановить исход людей с Кавказа, понимая, что это станет трагедией для всех северокавказских народов.

В Турции он объездил все поселения, где проживали махаджиры, поговорил с соотечественниками об их проблемах. Потом с письмом за подписями глав адыгских хас пустился в обратный путь. Дорога была долгая, трудная. Ему пришлось задержаться в Баку на семь месяцев. Здесь он ещё лучше проштудировал поэтов и писателей Азербайджана.

Дом-музей, подаренный мною государству, открылся к 150-летию поэта, где мы опирались на программу юбилейного концерта, посвященного 100-летию поэта, которое отмечалось в 1954 году.

Документ 3-го участка Нальчикского округа Терской области от 29 августа 1891 года гласит о том, что Б. М. Пажеву 35 лет. Значит, он 1956 г. р. Итак, разнится год его рождения, но это не столь важно.

Если бы в 2004 году, опираясь на первый документ, правительство КБР во главе с президентом В. Коковым не узаконили Дом-музей, то спустя два года навряд ли правительство во главе со следующим президентом вернулось бы к этому вопросу.

Знание турецкого языка пригодилось ему в Баку, и он не терял времени зря. Вот откуда в его стихах восточные мотивы!

Вернувшись, он активно стал вести пропаганду. С письмом соплеменников, лишившихся Родины, он объездил всю Кабарду и Балкарию. Потом он пустился в дальний путь к черкесам, а оттуда – к причерноморским адыгам. Шел 1893 год. В то время в Майкопе работал учителем-надзирателем школ города Эльдарханов Паштемир Эльжуркаевич.

П. Э. Эльдарханов родился 1 апреля 1870 года в селении Гехи Урус-Мартановского района, в семье крестьянина-середняка. Отец Таштемира Эльжурка был трудолюбивым человеком и пользовался среди односельчан большим уважением за свою справедливость. И своих детей он приучал быть честными и трудолюбивыми.

В семилетнем возрасте Таштемир был определен учиться в сельскую арабскую школу, после окончания которой он попросил отца отдать его в Грозненскую русскую школу. В Грозном мальчик проявляет исключительные способности в учебе и по окончании школы поступает во Владикавказское ремесленное училище. В годы учебы во Владикавказе Таштемир во время каникул приезжал в родное селение, бывал в соседних аулах. Ему больно было видеть неграмотность своего народа. В связи с этим по окончании Владикавказского ремесленного училища он решил стать народным учителем и деятельно готовил себя для поступления в Тифлисский учительский институт. В 1889 году Таштемир Эльдарханов поступает на 1-й курс. Годы учебы в институте не пропали даром. Он усиленно читает русскую и иностранную литературу, еще студентом занимается изучением чеченской народной словесности, много работает в архивах Тифлиса и Владикавказа, собирает материалы по истории и этнографии, а также записывает легенды и сказания чеченского народа. В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», изданном в 1900 году, он опубликовал свои переводы на русский язык чеченских сказок.

В 1893 году Эльдарханов успешно окончил Тифлисский учительский институт и получил звание народного учителя. Итак, сбылась его заветная мечта – Таштемир становится народным учителем. В том же 1893 году он назначается учителем-надзирателем горских школ города Майкопа, где практически изучает школьное дело, посещает уроки лучших учителей, много читает, совершенствует свое педагогическое мастерство. Под руководством Эльдарханова получили воспитание адыгейцы Сиюхов Сефербей Хацуевич и Нефляшев Хауд. В городе Майкопе Эльдарханов работает пять лет. В 1898 году его переводят в Грозненскую горскую школу учителем. Глубоким знанием дела и педагогическим мастерством Эльдарханов завоевывает авторитет среди учителей и учащихся, он являет собой редкий пример педагога, разумно сочетающего требования неуклонной школьной дисциплины с сердечным отношением к учащимся.

Итак, Таштемир вызвался сопровождать Бекмурзу в родную Чечню, Ингушетию, Осетию из Майкопа.

В Кабарде, естественно, они остановились у Бекмурзы. Хажумар Келеметов был самым близким другом поэта, поэтому он стал свидетелем этих событий. Знакомство с Таштемиром он запомнил на всю жизнь, а планы этих по духу схожих людей вызвали у него уважение

и благодарность. Они смело приступили к делу, которое считали справедливым, невзирая на то, что это было небезопасно. Неоценимую роль в прекращении массового исхода людей в пределы Османской Турции сыграли Бекмурза и Таштемир.

В 2010 году вышла книга убыха Нихада Берзедж «Изгнание Черкесов. Причины и последствия». На стр. 224 он пишет «Именно благодаря Б. Пачеву многие черкесы, узнав правду, отказались от рокового выбора и оставили мысль о переселении на чужбину»¹.

СУДЬБА НУР

Закончился священный месяц Рамадан – самый почитаемый праздник в Кабарде. Три дня двери открыты у всех для родных и друзей.

Род Абазовых из Хапцей уже готов к отбытию в Турцию. То, что это решение совпало с окончанием уразы, вселяет в них большие надежды. «Куда иголочка, туда и ниточка», – гласит пословица. Все четыре снохи Хамиши согласны следовать за своими мужьями. Только вот как отреагирует на их отъезд единственная дочь Нур? По большой любви она вышла замуж за Ахмедхана Бориева из соседнего аула Болатей, у них подрастает сын Лостанбек. Четыре года назад, вот в такой же погожий праздничный день после уразы, решила судьба Нур.

В это утро солнышко, казалось, встало раньше обычного! Первой вышла во двор младшая сноха Нахуна, урожденная Кодзокова.

Следом за ней появилась Нур. Ее расшитая золотом и украшенная серебряными узорами шапочка была покрыта косыночкой.

Поверх нарядного платья с серебряными нагрудником и поясом был наброшен летний халатик.

Нур принялась мести двор. Нахуна с ведром, медным гуагуаном с водой и полотенцем направилась доить коров. Легкая, как лань, Нур привела в порядок парадный и хозяйственный дворы, убрала за воротами и, снова умывшись, направилась на кухню помогать матери.

Здесь уже варилась баранина. На столе стояли до блеска начищенные чаши с тестом для тхъурыжь и хьэлуэ. Поприветствовав мать в честь окончания уразы, Нур принялась хлопотать. Два огромных блюда со сладостями, будто распустившиеся розы с тонкими лепестками, выросли на столе. Их подают холодными. Потому остывать этому вкусному великолепию еще час. Адыги пекут такие лакомства по большим праздникам. В основном рацион их состоит из кукурузной муки: мэрэ-мысэ, хьэтыкъ, мэжаджэ, хьэламе цыртI, цывынэ. Это легко усваиваемая пища. По-

¹ «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М. 1967. Т. 1. С. 424, 425.

этому желудочно-кишечными заболеваниями никто не страдает, а зубы даже у почтенных стариков в полном порядке.

Через окно Нур увидела, что во двор въехали молодые люди. В одном из них узнала Ахмедхана. Сердце девушки забилося сильнее, она быстрыми шагами отошла от окна. Младший брат Жираслан сказал, что чай и сладости можно подать минут через десять. Захватив кумган с водой и полотенце, пошел к гостям. Укладывая яства на поднос, Нур краешком глаза наблюдала в окно, как тщательно мыл руки ее возлюбленный. Все в нем притягивало ее, как магнит: сильный, мужественный, статный, для мужчины не в меру красивый, Ахмедхан был любимцем всех юных привлекательных особ Джыльэхъстней.

С появлением в гостиной светлоокой Нур, все наполнилось ею. Молодые джигиты, будто сговорившись, встали, самый младший из них, взяв у нее поднос, поставил его на стол-треногу. Они по очереди выразили девушке свое почтение. Когда дошел черед до Ахмедхана, он взял ее слегка подрагивающую ладонь в свои сильные руки и на некоторое время задержал. Нур, смущаясь, не могла поднять на него глаз. Пауза затягивалась. Выслушав приветствие, она все же взглянула на него, и в глазах девушки Ахмедхан все прочитал...

Четыре года супружества пролетели, как миг. Подрастал малыш Лостанбек – красивый, смышленный и крепкий мальчик.

Визит отца Нур внес смятение в души дочери и зятя. Сообщение о том, что Абазовы на днях покидают Родину и отправляются в Турцию, ранило в самое сердце. Нур была вольна решать, с кем ей быть – ехать или оставаться с мужем. Безумно любившая родных, гордившаяся братьями, привязанная к младшей снохе Нахуне, она должна была выбирать между ними и Ахмедханом. Наутро, после бессонной ночи, Нур поседела. «За последнее десятилетие большая половина моего народа осталась без Родины. О Аллах, за что такая кара?» – шептала она, обливаясь слезами. Потихоньку одевшись, вышла во двор. Было свежо. Прохладный горный ветерок доносил аромат цветущих абрикосов и вишен, кружил голову. Раскидистый орех стоял посреди двора. Он был красив и крепко сросся с землей могучими корнями. «Мой Ахмедхан такой же сильный, как это дерево. Он так же крепко прирос к своей земле», – подумала она. Теперь она знает, что скажет ему: она всюду будет с ним, перенесет разлуку с родными ради их большой любви. Чего бы ей это ни стоило. Как будто спохватившись, что проспал рассвет, на всю округу заголосил петух, отвлекая Нур от теплых воспоминаний. Прошли годы, но любовь крепла. И никакая сила не могла разлучить их.

На следующий день приехали братья за ответом. Нур решила: «Если уеду с ними, то умру от тоски по Ахмедхану и сыну. Если останусь, то умру, тоскуя по родным. Лучше умереть на родине».

Расставание было тяжелым. Прощаясь, мать шепнула ей: «Всякий раз при появлении луны знай, что в этот миг я молюсь Аллаху о тебе и твоей семье. Надеюсь, в этот миг наши сердца будут вместе».

Четыре запряженные волами арбы отъезжали от аула Хапцей. Ахмедхан с волнением наблюдал за Нур. Она беззвучно плакала. Когда обоз поравнялся с околицей, Нур, опустив маленького Лостанбека на землю, побежала вслед за родными. С последней арбы соскочила супруга брата – Нахуна. Она со слезами бросилась навстречу любимой подруге и единственной золовке: «Ну что мне сделать, чтобы ты не страдала?». Неожиданно лицо ее просветлело и, достав из сумочки ножницы, она отрезала свою длинную роскошную косу: «Пусть частица меня будет всегда с тобой. Обещай сохранить ее».

Так и стояла Нур с косой в руках, глядя вслед удаляющимся точкам на горизонте, пока не подошли Ахмедхан с сыном и горько плачущая Гурана, младшая сестра Нахуны.

Разлука давалась тяжело. Нур целыми днями занималась хозяйством, пытаясь отвлечься от гнетущих мыслей. Как только начинало смеркаться, у нее учащенно билось сердце. Появление луны действовало магически. Взирая на нее, Нур представляла себе скорбные глаза любимой матери. Как там родные на чужбине? Добрались ли до Трапезунда? Люди говорят, многие адыги на берегу моря умерли от чумы и холеры. А оставшиеся в живых ютятся на самых непригодных для обживания каменистых землях. Сердце Нур сжималось от тоски. Ни любовь и внимание супруга, ни маленький сын не могли отвлечь ее от постоянной тревоги и боли. Она чахла на глазах.

Зачастила в дом Гурана, младшая сестра снохи, оставаясь обычно на несколько дней. Малыш Лостанбек души не чаял в общительной и ласковой девушке. По вечерам Гурана купала мальчика, а также его любимых нану и даду. Нур с благодарностью наблюдала за тем, как молодая родственница порхала по двору, управляясь по дому. Особенно теперь, когда стала чувствовать себя хуже и хуже. В мыслях зрело решение. Пятый день Нур неподвижно лежала у окна на своей кровати. За луной можно было наблюдать только в момент, когда та проплывала за окном. Силы покидали Нур. Ссылаясь на отсутствие аппетита, она отказывалась от еды, с нетерпением ждала возвращения из Дагестана Ахмедхана. А он, как никогда, спешил из поездки домой. Хотел порадовать жену серебряными украшениями, которые обменял на пшеницу у кубачинских мастеров. Пояса, нагрудники, браслеты, кольца предназначались любимой Нур. Он мечтал увидеть блеск в ее глазах. Нур перестала улыбаться после того, как у них родилась мертвая девочка. Казалось, уже ничто не может порадовать молодую женщину. Несчастье тихо вошло в дом Ахмедхана. Он был не в силах отвести беду, которая стояла на пороге их дома.

«За что Всевышний покарал наш народ? Уж сколько лет идет война. Народ в изнеможении. В поисках лучшей доли он покинул Родину. Сколько загубленных жизней, раненых сердец? Одна из них – моя Нур», – размышлял Ахмедхан. Он вспомнил сход в ауле накануне отъезда в Дагестан. Перед глазами облик мужчины, который не забыть. Ему 45–50 лет. Строен и высок. Ладно сшитая черкеска подчеркивает тонкий стан и широкие плечи. Коротко стриженная борода и усы смотрелись необыкновенно на его лице. Живые умные глаза завораживали. Говорили, что он из аула Клишбиевский. Недавно вернулся из Турции. Он держал в руках обращение от адыгов, покинувших Родину. Они взывали к разуму своих соотечественников, умоляя не покидать отчизну. Бекмурза Пачев, так его все называли, рассказывал об увиденном собственными глазами. «Их поселили на самых неплодородных землях, а райские кущи, которые сулили – это обман: ведь надо же было нас как-то выманить отсюда. Эмиссары султана хорошо выполнили поставленную задачу. От исхода адыгов выигрывают и Турция, и Россия. Армия турков пополняется нашими отважными джигитами, а в их гаремах от самых красивых черкешенок будут рождаться здоровые дети. Русскому царю теперь легче подавить оставшийся малочисленный народ. Тем, кто все-таки решится покинуть Родину, говорю: «Выжить в Турции можно, имея несметные богатства. Остановитесь, адыги, одумайтесь». Потом он прочитал свое стихотворение «Стамбул».

После того схода многие семьи раздумали покидать Родину. А Бекмурза, говорят, верхом обскакал все аулы Кабарды и остановил махаджирство.

У ворот своего дома Ахмедхан столкнулся со знахаркой Хуракан, которая, завидев его, потупила взор и сказала: «Как хорошо, что ты вернулся. Нур очень хочет видеть тебя». Не распрягая телегу, Ахмедхан бросился к Нур. Та попыталась приподняться, но не совладала с собой и бессильно уронила голову на подушки. Подхватив ее хрупкое тело, он крепко прижал его к себе. «Как я спешил к тебе, родная. Какие украшения привез, моя ненаглядная. Все на этом свете происходит по воле Аллаха. Живы твои родные, вот увидишь, скоро мы получим от них весточку», – шептал он ей ласково.

«Как я ждала тебя, любимый! Тоска по родным забрала мои силы. Теперь я умираю. Прошу, выполни последнюю просьбу. После моей смерти женись на Гуране. Она достойная девушка. К тому же любит нашего Лостанбека и никогда не обидит его». Нур зашептала Альхам. Ахмедхан нежно целовал похолодевшие кончики ее пальцев. «Ты не можешь вот так уйти от нас, слышишь, родная? Не уходи, молю тебя», – кричал вне себя Ахмедхан. Нур была не в силах ответить. Ее ресницы трепетно дрогнули в последний раз и застыли.

Ахмедхан тяжело перенес смерть любимой супруги. Маленький Лостанбек не мог понять, отчего его мать не возвращается. Гурана часто забирала мальчика домой и баловала, как могла. Прошел год. Однажды она попросила Ахмедхана отдать ей косу своей сестры. Тот медлил с ответом, размышляя, как сообщить Гуране о последней воле жены. Девушка, казалось, была готова к такому предложению. Преданно взглянув Ахмедхану в глаза, она, будто давая клятву, произнесла: «Завещание Нур для меня свято. А маленькому Лостанбеку я буду хорошей матерью. Я люблю вас обоих и сделаю все, чтобы душа Нур была спокойна».

Жизнь продолжается. Никто не знает, что стало с семьей Абазовых. По сей день от них нет вестей.

Теперь мы знаем, что с двенадцати лет Бекмурза и Хаджимирза говорили и читали на арабском языке. Помимо Корана они привозили из Мекки сочинения арабских поэтов и писателей того времени. Конечно, это счастье – познавать новое, недосыгаемое для остальных, а с другой стороны – горе, что не можешь ни с кем поделиться своими новыми познаниями. По этому поводу хорошо сказал Грибоедов:

*Судьба, проказница-шалунья,
Предначертала так сама!
Всем глупым счастье от безумья,
Всем умным горе от ума!*

Никак человек даже с большими познаниями не может быть счастлив, когда общество, в котором он живет, не имеет даже своего алфавита и все пользуются устным творчеством, передаваемым из уст в уста от поколения к поколению.

Бекмурзе стало ещё тяжелее, когда в конце июля 1906 года его единственный брат Хаджимирза ушел в Османскую империю с супругой и сыном Калематом, коему было лет четырнадцать.

Конечно, они переписывались, но теперь уже Бекмурза был очень одинок, и его все чаще стала посещать мысль составить алфавит на основе арабской графики, над чем он и стал работать. Попутно он изучал русский язык.

В приговоре № 16, копию которого я прилагаю, мы видим подписи участников съезда, в том числе Закирея Пачева, Хаджимирзы Пачева, – Бекмурза Пачев написал свою фамилию и имя на русском языке полностью. Значит, к тому времени он уже изучал русский язык.

После «открытия» Таштемира Эльдарханова я связалась с председателем Союза писателей республики Ичкерия Кантой Ибрагимовым. Он незамедлительно приехал в Нартан, в Дом-музей Б. Пачева. С ним был его зять Сабиев Султан. Они очень внимательно выслушали мои

рассказы о Бекмурзе, а когда я показала документы о связи Бекмурзы и Таштемира, были удивлены и очень рады этому открытию.

Канта Ибрагимов подарил книги о художнике Захарова – чеченце. Канта потратил на издание этих книг десятки лет. Дорогой подарок преподнес Дому-музею Б. Пачева Канта Ибрагимов. Он пожелал, чтобы сквер, аллея Б. Пачева и землянка были воплощены в жизнь. «Будем работать над тем, чтобы стихийная свалка «Жэмыжыко» превратилась в место отдыха и паломничества туристов. Не теряйтесь, Елена, это благородное дело, и я думаю, у вас появятся сподвижники», – заверил он меня. Да, надежда умирает последней. Мечта последних двадцати лет, надеюсь, станет реальностью.

Дом-музей Б. Пачева открыт с 2003 года. На основании Распоряжения Правительства № 496-РП от 17 сентября 2004 года образован филиал Национального музея Бекмурзы Пачева в с. Нартан Чегемского района, ул. Б. Пачева, 240, с 1 января 2005 года. Ведение дел музея Б. Пачева возложить на семью Пачевой Елены Халидовны, согласно п. 4 распоряжения № 496-РП.

2017 год объявлен годом экологии. Двадцать лет идёт борьба за то, чтобы внутри села не творилось безобразие, в частности у нас в Нартане, в «Жамыжыко». В этом году нас, надеюсь, включат в федеральную целевую программу «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. на период до 2020 г.

Итак, дорогие читатели, мы провели с вами экскурс в далекое прошлое нашего мудрого старца Бекмурзы Пачева и открыли для себя, что у него:

- была возможность уже с 12 лет знать арабский и турецкий языки;
- убедились, что у него был брат-близнец Хаджимирза, эмигрировавший в Турцию;
- познакомились с потомками Хаджимирзы;
- узнали, что Мухтар и Гузер Бекмурзовичи действительно проживали в Аммане, и отец их, Бекмурза Машевич, был родом из Дугулубгей, и после эмиграции Бекмурза Машевич безвыездно проживал в Аммане.
- открыли для себя Таштемира Эльдарханова, который смело, рядом с Бекмурзой, агитировал народы Кавказа не покидать Родину.

Выражаю глубокую признательность профессору Хамише Тимижеву, который помог мне описать мои поиски, терпеливо и внимательно перечитывая мои рукописи.

Об авторе

Ершов Виталий Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра стратегии и аналитики Московского государственного областного университета, почетный академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук

Окончил Московский историко-архивный институт и Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Сфера научных интересов: история и историография русского зарубежья, российская военно-политическая эмиграция 1920-1970 годов, современные российские диаспоры стран СНГ, Русский мир в глобальном интеллектуальном пространстве, северокавказская эмиграция XIX – начала XXI века.

Автор более 130 научных работ, в том числе ряда монографий: «Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг.» (М., 2000), «Россия и Беларусь. На пути строительства Союзного государства» (Волгоград, 2007), «Российская художественная эмиграция во Франции в 1920–1930-е гг.» (М., 2008) и др., а также серии статей по истории северокавказского зарубежья.

Член правления Российского общества историков-архивистов (РОИА) и Российского военно-исторического общества (РВИО).

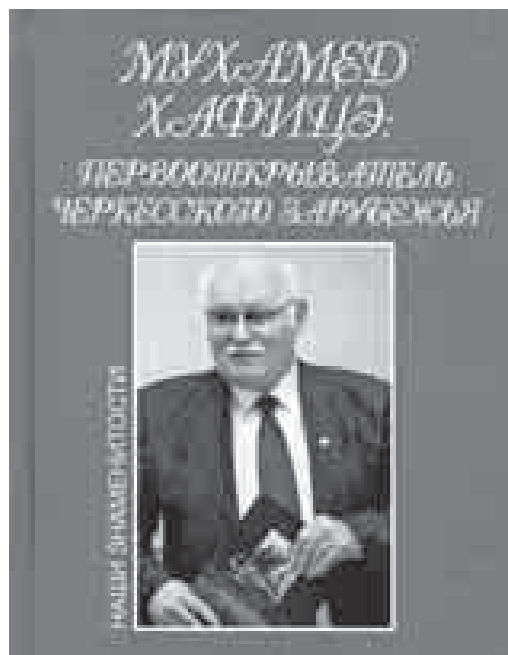
ИСТОРИЯ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ УЧЕНОГО, ПУБЛИЦИСТА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ М. М. ХАФИЦЭ

В настоящее время черкесский мир стал значимым для мировой культуры и общественной жизни трансграничным феноменом, утверждающим исторические традиции народов Северного Кавказа в международном интеллектуальном пространстве. На фоне развивающейся информационной глобализации, частью которой является негативная тенденция исчезновения уникальных исторических культур, языков, религиозных ценностей и других компонентов цивилизационного многообразия современного мира, все более активным становится движение противодействия этому процессу – стремление многих государств и народов сохранить свою самобытность и историческую память, сделав их основой для движения в будущее. Важным фактором международной

жизни XXI века стала концепция многополярности мира, способствующая конструктивному диалогу культур и цивилизаций.

Российская Федерация последовательно отстаивает многополярный принцип мироустройства в своей внешней политике, опираясь на собственную историческую традицию этнокультурного многообразия, создающего платформу для единого российского цивилизационного пространства. «Российский опыт государственного развития уникален. Мы многонациональное общество, но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной. Дает колоссальные возможности для развития во многих областях», – отмечает президент России В. В. Путин в своей концептуальной статье «Россия: национальный вопрос». Ярким примером многообразия культур, имеющих общую цивилизационную матрицу, является Северный Кавказ, этнокультурное наследие которого составляет огромную ценность не только для проживающих здесь народов, но и для всего человечества. Красота природы, традиции и искусство Северного Кавказа оказали значительное влияние на российскую, европейскую и мировую культуру, в том числе благодаря существующим в различных странах Европы, Ближнего Востока, в Северной Америке и других регионах планеты черкесским, аварским и другим северокавказским общинам.

Неотъемлемой частью российского цивилизационного поля является многоликий мир зарубежных соотечественников, связанных с Россией исторической памятью своих семей и народов, национальными языками, а также русским языком, роль которого как средства международного общения становится все более значимой в современном глобальном информационном пространстве. Согласно Федеральному закону от 24 мая 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», российское зарубежье представляет собой многонациональное сообщество, в которое входят постоянно проживающие за рубежом лица, «относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации». К данной категории принадлежит мир черкесского (адыгского) зарубежья, который имеет не только исторические корни в российском государстве XVI – начала XX веков, но и живые, многообразные связи со своей прародиной. Растущий взаимный интерес северокавказских диаспор и республик Северного Кавказа, развитие между ними культурных,

деловых, семейных контактов, движение за возвращение черкесских соотечественников на историческую родину, позволяет рассматривать черкесское зарубежье как часть многонационального Русского мира за рубежом.

Одним из важнейших условий реализации потенциала общественного развития, которым обладает полиэтничная российская цивилизация, является творческое взаимодействие ученых, деятелей культуры и искусства субъектов Российской Федерации, формирование единого интеллектуального пространства, включающего широкий спектр исторической информации, образы культуры и искусства, многообразие языков и традиций народов России. Председатель правительства Российской Федерации Д. А. Медведев подчеркивает, что нашей общей целью является «сделать жизнь на Северном Кавказе привлекательной, естественно, безопасной и стабильной». Интеллектуальный диалог, сотрудничество ученых, в том числе историков, вносит важный вклад в решение этой стратегической задачи. В данном контексте существенную роль играет исследовательская и просветительная деятельность научной общественности республик Северного Кавказа, направленная на изучение истории и культуры его народов, включая зарубежный черкесский мир, освещение вклада адыгов в общероссийскую и мировую цивилизацию.

Выступая на открытии XI Конгресса Международной Черкесской Ассоциации в Нальчике 19 сентября 2016 г., Глава КБР Юрий Коков отметил имеющиеся значительные достижения в области изучения и популяризации истории и культуры адыгов и призвал ученых продолжать эту работу, имеющую большое значение для всего черкесского мира: «Опубликованы сотни новых исследований, изданы учебные пособия по истории, проведены различные просветительские мероприятия. Необходимо продолжить работу в этом важнейшем направлении, больше писать о наших соплеменниках, в том числе зарубежных».

К настоящему времени создан крупный комплекс научных исследований по широкому кругу проблем истории, этнографии, политологии Северного Кавказа. В том числе внимание отечественных и зарубежных ученых все чаще привлекает социально-культурный феномен северокавказского зарубежья, его значение в мировой истории и культуре XIX–XX веков. Преимущественное внимание исследователей уделяется черкесским, дагестанским и другим диаспорам в Турции и странах Ближнего Востока. В исследовательской литературе рассматриваются история и современное состояние северокавказских зарубежных общин, проблемы сохранения ими языковой и культурной идентичности. Ряд публикаций посвящен влиянию процессов глобализации на зарубежный Черкесский мир и его диалог с исторической родиной.

Важной особенностью интеллектуального процесса в данной сфере является плодотворное творческое сотрудничество адыгских и русских

ученых, которое осуществляется в рамках деятельности исследовательских структур Российской Академии наук (РАН) и ведущих российских университетов – МГУ им. М. В. Ломоносова, Российского университета дружбы народов (РУДН), Московского государственного областного университета (МГОУ), Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ), Адыгейского государственного университета (АГУ), Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ) и др. В изучении историко-культурного наследия адыгских народов принимают участие Российское историческое общество (РИО), Российское военно-историческое общество (РВИО), Союз журналистов России и другие научные, культурно-просветительные и творческие объединения.

Самостоятельный центр научных исследований и популяризации истории и культуры черкесов представляет собой Адыгская (Черкесская) Международная Академия наук (АМАН), созданная в 1992 г. как независимое сообщество ученых из разных стран мира. В ее состав входят представители черкесской научной общественности из Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Москвы, Санкт-Петербурга и других субъектов Российской Федерации, а также представители адыгских диаспор Турции, Иордании, Израиля, Голландии, США и других государств. К 2011 г. в работе АМАН участвовало более 300 российских и иностранных ученых, в том числе 2 академика и 3 члена-корреспондента РАН, академик Академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, представители двадцати отраслевых государственных и общественных академий. Президентом Адыгской (Черкесской) Международной академии наук (АМАН) является всемирно известный ученый, доктор физико-математических наук, профессор Адам Нахушев. Первым вице-президентом АМАН в течение многих лет был доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Кубани и Адыгеи Батырби Берсиров. В 2017 г. на этот ответственный пост был избран доктор философских наук Адам Тлеуж. В общих собраниях и расширенных заседаниях президиума академии принимают участие представители зарубежного черкесского сообщества. Деятельность АМАН способствует, с одной стороны, развитию интеллектуальной среды международного черкесского мира, с другой – вносит важный вклад в процесс интеграции северокавказского научного сообщества в академическую и университетскую среду России. Как отмечает президент академии профессор А. М. Нахушев, главными задачами АМАН являются «всемерное содействие развитию науки, координация, интеграция научных исследований, возрождение интеллектуальной культуры адыгов, разработка научно обоснованной концепции возрождения и развития адыгских традиций, обычаев, культурных и духовных ценностей, способствующих научно-техническому прогрессу, расцвету искусства, просвещению общества, гармонизации межнациональных отношений».

В структуру АМАН входят девять отделений по областям и направлениям науки, а также Адыгейский, Карачаево-Черкесский, Краснодарский, Московский научные центры, зарубежные представительства в Иордании и Израиле, Международный институт математики, нано- и информационных технологий АМАН. Большинство членов АМАН составляют специалисты в области точных, естественных и медицинских наук. Однако в настоящее время заметно возрастает роль гуманитарного направления деятельности академии, играющего важную роль в продвижении объективных научных данных по истории, культуре и современной жизни Черкесского мира в российском и глобальном информационном пространстве. Центральным проектом, в рамках которого реализуется данная задача, стало издание многотомной энциклопедии «Черкесика», которое осуществляет Институт адыгской энциклопедии под руководством вице-президента АМАН Мухамеда Хафицэ.

М. Хафицэ получил признание в Кабардино-Балкарии, на Северном Кавказе, во всей России и в международном черкесском сообществе как автор многочисленных публикаций, посвященных истории и культуре адыгского народа, прежде всего – зарубежным соотечественникам. Среди них книги: «Моя надежда – моя ладья» (1982), «Вся жизнь на виду» (1984), «Адыгские мамлюки» (1994), «Разбросаны адыги по белому свету» (2000), «Черкесы в Израиле» (2000), «Наследие» (2004), «Звезды бледнеют на чужбине» (2006), «МЧА: три года испытаний» (2015) и др. Произведения Мухамеда Хафицэ опубликованы в Москве, Санкт-Петербурге, Турции, Германии, Франции, США и др. Не менее значителен вклад М. М. Хафицэ – заслуженного работника культуры РФ, заслуженного журналиста КБР, Адыгеи, КЧР в литературную и общественно-политическую журналистику. Еще в годы учебы на филологическом факультете КБГУ он редактирует газету «Университетская жизнь», позднее газету «Советская молодежь», журнал «Точка зрения» и др. С 1997 г. М. М. Хафицэ возглавляет редакцию газеты «Адыгэ псалъэ» – издание Парламента и Правительства КБР, руководит изданиями Международной Черкесской Ассоциации (МЧА) – газетой «Нарт» и журналом «Черкесский мир». В 1992 году он учредил газету «Черкесское зарубежье». Многогранная творческая и общественная деятельность видного адыгского просветителя М. М. Хафицэ стала отправной точкой для написания настоящей статьи, поскольку сквозь призму литературных и издательских трудов Мухамеда Мусабиевича можно наглядно показать наиболее значимые достижения и тенденции развития интеллектуального пространства современного адыгского мира.

В начале 1990-х гг. в республиках Северного Кавказа происходит заметный рост общественного интереса к миру зарубежных соотечественников: отделения общества «Родина» в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Дагестане принимают новые программы сотрудничества с северокавказским зарубе-

жьем; творческие союзы и молодежные организации КБР проводят встречи с адыгскими соотечественниками, восстанавливаются родственные связи. 21 мая 1991 г. в Нальчике состоялся Первый Всемирный съезд адыгов, на котором была создана Международная Черкесская Ассоциация (МЧА). В те дни в периодической печати Кабардино-Балкарии был опубликован целый ряд материалов, посвященных черкесскому зарубежью. Среди них привлекает внимание интервью М. М. Хафицэ газете «Кабардино-Балкарская правда», в котором отразилась гражданская позиция писателя, его любовь к родному краю и надежда на воссоединение адыгов, проживающих за рубежом, с исторической родиной. Видение М. М. Хафицэ этой темы было построено на его собственном уникальном журналистском опыте – встречах с соотечественниками в Сирии, Иордании, Турции в конце 1960-х – 1980-е гг. Во время этих поездок рождается главная тема творчества М. М. Хафицэ, нашедшая отражение в уже ранних книгах писателя «Моя надежда – моя ладья» (1982), «Звезды на небе и на земле» (1984) и др. Это образы конкретных людей – простых тружеников и выдающихся сынов и дочерей адыгского народа: их судьбы, творчество, духовная красота.

Заслугой Мухамеда Хафицэ, наряду с открытием для широкого читателя исторической панорамы адыгского зарубежья – от яркого мира средневековых черкесских мамлюков до повседневной жизни современных адыгов в странах Востока и Запада – является персонификация интеллектуального и творческого пространства адыгского зарубежья XIX – начала XXI века. Подобный подход позволил М. М. Хафицэ не только ввести в научный оборот большой объем ценных библиографических данных, но и существенно дополнить представления о вкладе адыгской интеллигенции (писателей, поэтов, философов, художников) в литературу и искусство Арабского мира, Турции, Западной Европы. Эта тема прозвучала, в частности, в журнальных и газетных публикациях М. М. Хафицэ 1990-х гг., посвященных «эмиру арабских поэтов», египтянину черкесского происхождения Ахмеду Шауки, талантливой певице из Иордании Амаль Бженика (Таруб), писателю и журналисту, классику турецкой литературы Ахмеду Мидхату (Хагур). Большой интерес читателей вызвал составленный М. М. Хафицэ сборник произведений французских и английских авторов, посвященных Аиссе (Хайшет) – черкешенке, получившей известность во Франции, а затем и во всем европейском образованном обществе XVIII столетия, благодаря необычной судьбе и выдающемуся писательскому таланту. Необходимо упомянуть также о подготовленном М. М. Хафицэ научно-публицистическом издании, в котором раскрывается творческая личность выдающегося деятеля современного изобразительного искусства, скульптора кабардинского происхождения Михаила Шемякина (Карданова).

Труды М. М. Хафицэ в области литературоведения направлены на увековечение творческого наследия выдающихся черкесских писателей и

поэтов, деятелей науки и культуры разных эпох. Среди них – поэт, прозаик и мемуарист Алим Кешоков, поэтесса и переводчица Инна Кажешева, народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии Исхак Машбаш и др. Неизменно присутствует в исследовательской работе М. М. Хафицэ и тема зарубежной адыгской литературы.

Историко-биографические исследования занимают одно из центральных мест в издательской деятельности Института адыгской энциклопедии АМАН, созданного по инициативе М. М. Хафицэ. Работа Института выводит на новый, более масштабный уровень идею, которая нашла свое воплощение в издании большого фолианта «Адыгская (Черкесская) Энциклопедия», подготовленного в 2006 г. творческим коллективом под руководством профессора М. А. Кумахова в Кабардино-Балкарском Институте гуманитарных исследований РАН. В данную книгу, в частности, вошли статьи Б. Н. Березгова, А. В. Кушхабиева, М. М. Хафицэ и ряда других авторов, посвященные жизни адыгских общин в Турции, странах Ближнего Востока, Северной Африке, Европе и США. В настоящее время Институтом адыгской энциклопедии разработана и реализуется программа масштабного научно-справочного издания, насчитывающего до 150 томов, – энциклопедия «Черкесика». Первые издания, выпущенные под эгидой Института адыгской энциклопедии, подготовлены в рамках метода персонификации и представляют читателю биографии и творчество выдающихся деятелей Черкесского мира – исторического и современного. Так, в серии «Черкесика» была издана книга о выдающемся юристе, государственном и общественном деятеле Юрии Хамзатовиче Калмыкове. Во второй том вошли кавказские поэмы М. Ю. Лермонтова и их перевод на кабардино-черкесский язык, блестяще выполненный народным поэтом КБР и КЧР Русланом Ацкановым. Третья книга также включает известные памятники черкесско-русского литературного наследия – исторический роман Баграта Шинкуба «Последний из ушедших» и историческая повесть Михаила Лохвицкого (Аджук-Гирéя) «Громовый гул», посвященные драматической эпохе исхода адыгских общин за пределы родины. Издания выпущены на высоком полиграфическом уровне и проиллюстрированы работами русских и зарубежных живописцев XIX–XX веков, а также современных черкесских художников Теучежа Ката и Анатолия Жилова. Четвертый том «Черкесики» включает историческая диалогия Владимира Ворокова «Амышев аул». Готовы к изданию работа писателя и просветителя, репатрианта из Сирии Мамдуха Кумыка, повествующее о больших и малых войнах, революциях на Северном Кавказе, в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, исследование Хачима Кауфова «Лучи «Маяка» не угасли в тумане века», посвященное черкесской газете «Гъуазэ» («Маяк»), которая издавалась в Стамбуле в начале XX века, и труд М. М. Хафицэ «Разбросаны адыги по белому свету». Одновременно под

руководством М. М. Хафицэ ведется подготовка к выпуску очередных томов «Адыгской энциклопедии» по классическому алфавитному принципу. Предварительные результаты этой работы вводятся в информационное пространство на страницах научных журналов и сборников, а также в форме «Адыгского перекидного настольного календаря», который выходит на русском и кабардино-черкесском языках и включает тысячи статей, посвященных персоналиям и событиям истории черкесов. В настоящее время многие ценные издания, вышедшие в Нальчике, Майкопе, Черкесске и других научных центрах Северного Кавказа, являются библиографической редкостью в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России. Проект «Адыгская энциклопедия» призван показать черкесский мир как феномен отечественной и мировой культуры, в том числе сделать уникальный научно-информационный комплекс доступным для исследователей и широкого читателя по всей России, что будет способствовать развитию интеллектуального взаимодействия на всероссийском и международном уровне, позитивным общественным процессам в рамках этнокультурного и межконфессионального диалога.

Широкая исследовательская и издательская деятельность М. М. Хафицэ дополняется интересными культурно-просветительскими проектами, среди которых – идея создания в Кабардино-Балкарской Республике музея «Черкесское зарубежье» с филиалами в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Краснодарском крае и Абхазии. Музеи и архивы Северного Кавказа станут центрами собирания адыгских реликвий по всему миру. «Ведь практически в каждой семье сохранились редкие предметы, фотографии, книги, рукописи известных писателей – реликвии, которые могут быть интересны всем без исключения, людям, которым близка культура родного народа, – подчеркивает Мухамед Мусабиевич. – Нужно продумать и вариант, при котором будут созданы стационарные государственные музеи или выставочные залы, куда люди без боязни будут отдавать предметы, имеющие историческое и культурное значение. Например, несколько лет назад в Стамбуле, в одной семье я видел адыгскую гармошку, которой насчитывалось три сотни лет! Старая женщина, владевшая ею, никогда не отдаст подобный раритет в частные руки, а родине предков для сохранения государством, вполне возможно, подарила бы». М. М. Хафицэ многие годы создавал личную коллекцию памятников истории и культуры адыгской диаспоры, которая шесть раз представлялась на выставках «Нас издавна черкесами зовут», «Черкесское зарубежье», «Выдающиеся адыги второго тысячелетия», организованных при поддержке Международной Черкесской Ассоциации и «Адыгэ Хасэ» КБР, Культурной автономии адыгов России в Нальчике и Черкесске. В залах Национальных музеев КБР и КЧР демонстрировалось более тысячи экспонатов, составляющих лишь небольшую часть уникального собрания М. М. Хафицэ. Тематические разделы выставок были посвящены известным ученым, общественно-по-

литическим, государственным, военным деятелям черкесского зарубежья. Широко представлено было многоплановое художественное наследие адыгской диаспоры – портреты, живописные полотна на исторические темы, гравюры, литографии, скульптуры. В коллекции М. М. Хафицэ имеются тысячи фотографий и документов, пластинки с записями народной музыки, книги на арабском, турецком, английском, французском языках, иврите, написанные авторами черкесского происхождения или посвященные истории адыгского народа.

Собирательская и просветительная деятельность М. М. Хафицэ и его единомышленников коррелирует с государственными программами и общественными инициативами в области сохранения родной истории и культуры, которые реализуются в республиках Северного Кавказа: Днем Адыгов (Черкесов), Международным Фестивалем адыгской (черкесской) культуры в Майкопе, Международным молодежным проектом «Маяки дружбы. Башни Кавказа», который проводится в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, Северной и Южной Осетии.

Таким образом, важной частью интеллектуального и культурного процесса начала XXI века является воссоединение черкесской диаспоры с исторической родиной – Северным Кавказом, которое происходит при участии широкого круга ученых, журналистов, общественных деятелей России и зарубежья. При этом формируется единое пространство черкесской (адыгской) культуры, включающее историко-культурное наследие как республик Северного Кавказа, так и зарубежных диаспор адыгских народов, которое, в свою очередь, интегрировано в уникальный по своему этническому и языковому многообразию мир Северного Кавказа и всей исторической и современной цивилизации нашей Большой Родины – России.

Научное изучение и популяризация истории и культуры черкесского зарубежья, которое осуществляется учеными и творческой интеллигенцией Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, имеют существенное значение не только в контексте модернизации социально-культурной и образовательной сферы Северокавказского региона, но и выходят на общероссийский уровень, способствуя расширению сферы гуманитарного знания, формированию объективных представлений о мировом значении адыгской культуры.

Интеграционные процессы в интеллектуальной сфере, реализация научных и издательских проектов, в том числе тех масштабных начинаний, которые инициированы М. М. Хафицэ и его коллегами в рамках деятельности Международной Адыгской Академии наук (АМАН), призваны внести важный вклад в сохранение историко-культурных традиций и развитие уникального российского цивилизационного пространства XXI века.

г. Москва

**«ДУША СКУЧАЕТ ПО РОДНОМУ КРАЮ:
РАЗБРОСАНЫ ПО МИРУ ЗЕМЛЯКИ...»**

*Стихи поэтов черкесского зарубежья
в переводе Владимира Мамишева*

Черкесское зарубежье – это 10 миллионов наших соотечественников, живущих в странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, в Малой Азии, на Балканах, в Западной Европе, США, Канаде, Австралии, а также в республиках бывшего Советского Союза.

Черкесская (адыгская) диаспора за последние девять веков вырастила многих правителей мамлюкской династии, славных полководцев, государственных и политических деятелей, известных писателей, поэтов, драматургов.

В их числе – неоклассик египетской поэзии Махмуд Сами аль-Баруди (Наурзоко), «эмир арабских поэтов» Ахмед Шауки, классик турецкой прозы Ахмед Мидхат (Хагур), классик мировой литературы Омер Сейфеддин, лауреат Нобелевской премии 2006 года Орхан Памук и другие.

Редакция газеты «Черкесское зарубежье» предлагает вниманию читателей «ЛКБ» стихи современных поэтов адыгской диаспоры.

*Мухамед ХАФИЦЭ,
главный редактор
газеты «Черкесское зарубежье»*

Амин АФАСИЖ

Истребляют мой народ

Не звучит больше в семьях адыгская речь,
Забывается хабзэ¹ и сердце скудеет.
А над теми, кто хабзэ мог в сердце беречь,
Никнут травы и ветер кладбищенский веет.

Истребляют адыгский народ,
Разбросав по дорогам чужбины.
Слава – в прошлом, что в будущем ждет?
Горе – если не будем едины!

¹ Свод традиционных морально-этических норм адыгов.

Старый конь мои ребра копытом пробил,
Пёс плешивый на сердце набросился рьяно,
Хитрый кот мою кровь без остатка допил,
И теперь на рогах я тупого барана ¹.

Истребляют адыгский народ,
Разбросав по дорогам чужбины.
Слава – в прошлом, что в будущем ждёт?
Горе – если не будем едины!

Турция, Чорум

Рафик ТХАГАЗИТ

День и ночь

Солнце светит одним, а другие в тени,
В ночь сливаются все мои жалкие дни,
Злоба душит свободу, у власти – порок,
День уходит в окно, ночь идет на порог.

Кто укушен змеей, тому страшен аркан,
Даже месяц на небе скрывает туман.
Я чужак, но не кланяюсь здесь никому,
Потому-то мой день так походит на тьму.

¹ *Конь, пёс, кот, баран* – символы политических партий Турции.

Я теряю язык, вековой этикет,
Забывает мой день яркий солнечный свет.
Если все же смогу путь назад превозмочь
Мне на родине днем станет каждая ночь!

Родится звезда

Однажды, я знаю, нас выберет путь,
Стирая изгнанья печать,
Чтоб к нашим горам вековечным вернуть.
Отваги нам не занимать.

Закончится долгих ночей череда.
Началом счастливого дня –
На утреннем небе родится звезда,
От нартского вспыхнув огня.

И этому свету мы будем под стать,
Мы в душах его берегли,
О нем не забудет адыгская мать,
Детей ожидая вдали.

Всадники возвращаются

На гривах кабардинских скакунов,
Подобных крыльям горного орла,
Летят цветные ленты наших снов
В страну, куда надежда позвала,

Где был потушен дедовский очаг
Нашествием неистового зла.
Сверкают звезды в дерзостных очах,
Когда копыта скрадывает мгла.

Сколь долго ни продлится этот путь,
Не повернем и не сойдем с седла,
Пока не сможем родине вернуть
Весь свой запас сердечного тепла.

Тяжелая дума

Наслаиваясь тяжестью песка,
Как в шахте измельченная порода,
В моей душе, крепчая год от года,
Скопилась безысходная тоска.

И вязкая, безрадостная дума,
Уже по горло затянув меня,
Не позволяет видеть красок дня.
Не слышу я и птиц беспечных шума.

Остались мы на разных берегах,
А в Черном море – странников юдоли –
Все прибывает горечи и соли
От влаги в наших выцветших глазах.

Одним живу, вверяя лишь надежде
Твой образ, бесконечно дорогой, –
Придет тот день, и станет жизнь другой,
Когда я обниму тебя, как прежде.

Турция, Бурса

Зульфикар АНСОКО

Песня детства моего

Как счастлив я бываю иногда,
И с радостью встречаю новый день я,
Когда твой лик увижу, Кабарда,
Пусть даже кратким чудом сновиденья.

И сердце рвется к легким облакам,
Чтоб с ними улететь к родному краю.
Душою припадаю к родникам
И мысли, как янтарь, перебираю.

Где б ни был я – Каир, Багдад, Амман,
Всегда в груди разрыв щемящей ноты.
Немало видел я заморских стран,
Но что скитальцу чуждые красоты.

Мне нравится шумливая река
Бескрайнего стамбульского базара:
Бывает, звук родного языка
Услышу там, и – нет прекрасней дара!

И, как ребенку малому, глаза
Мне застилает радужная влага.
В укор ли будет взрослому слеза,
Что к родине стал ближе на полшага.

Небесной птицей слышится привет
В звучании живой адыгской речи.
Адыгственность¹ – чему подобья нет –
Поднимет взгляд мне и расправит плечи.

Я пожимаю руки землякам,
Течет беседа звонким водопадом.
В минуты эти кажется всем нам,
Что родина оставленная – рядом.

И просветлеет сумрачный Босфор,
Затем в тумане, старце седоусом,

¹ *Адыгагъэ* – адыгственность – синоним благородства.

Покажутся вершины дальних гор, –
Звезду свою увижу над Эльбрусом.

Мне с этим светом не страшна беда,
Как с песней, согревающей нам души,
Что повторяю с детства: «Кабарда,
Мой мир, мой свет...» В тебе мой день грядущий.

Турция, Сивас

Эргун БАБУГ

Просьба

О Всевышний, о милости лишь об одной
Я прошу, много видевший в жизни земной,
Чтобы раньше, чем грянет последний мой час,
Я увидел Кавказ!

Мы, подобно осколкам, живем там и тут, –
Дай увидеть, как дома адыги живут,
Я пешком доберусь через сотни преград,
А потом – хоть и в ад!

На чужбине рожден, я живу чужаком,
И с печалью изгнанников с детства знаком.
Исчезает народ мой, как речка в песках, –
Помоги нам, Аллах!

Пока держится мир, сотворенный Тобой,
Не желая смириться с жестокой судьбой,
Я прошу: закалив среди бед и невзгод,
Поддержи мой народ!

Небо хмуро и реки все с мутной водой,
Голова поседела, хоть я молодой.
Твою ношу не в силах я больше нести
В безысходном пути.

О Всевышний, не дай обессилеть ногам, –
По дну моря пойду я к родным берегам.
Лишь на склоне холма, где стоял мой аул,
Я б душой отдохнул.

Не лишай меня зрения, прежде чем я
В майском цвете увижу родные края,
Посмотрю, как танцуют лихой «Исламей»
На отчизне моей!

Вопрос

По кругу не раз уже солнце вернулось,
И месяц вернулся из тьмы.
И речка бурливая снова проснулась
К исходу суровой зимы.

Гуляет по белому свету свобода,
Что хуже тюрьмы и сумы.
Нет родины, стало быть – нет и народа.
Скажи, а вернемся ли мы?

Адыгский воин

*Посвящается погибшим
на Русско-Кавказской войне*

С архангелом на краешке седла
Гарцует на гнедом своем коне
Адыгский воин.
Все, с кем его нелегкая свела,

Узнают, сколь опасен на войне
Адыгский воин.

Сражен противник, проклиная час,
Когда увидел, как летит с клинком
Адыгский воин.
Со смертью лютой он шутил не раз,
И страх ему постыдный не знаком, –
Адыгский воин.

Забавой он считает ратный труд,
А конь под ним – игривая река, –
Адыгский воин.
Расскажут те, что целыми уйдут:
Как молния, быстра твоя рука,
Адыгский воин.

Ты против сотни выходил один,
Не гнулся в тяжелейшей из годин, –
Всех почестей и памяти достоин
Адыгский воин.

Если я не достигну желанной отчизны
И в дороге умру, на чужой стороне,
Не тому, кто сюда меня вез, укоризны,
А тому, кто отсюда дал выбраться мне.

Но когда на чужбине, в слезах, как на тризне,
Все твержу без конца: «Я адыг, я адыг...» –
Проклянет меня тот, кто в далекой отчизне
Выживает и знает родной свой язык.

Турция, Анкара

Метин МЕРЕТУКО

Не проходит печаль

Услышь меня, малая птаха,
В душе моей холод и мрак,
Хочу, чтоб, не ведая страха,
Над взглядами сонных зевак,
Над гладью морского пролива,
Взвилась ты, неся мой рассказ
Горам, что стоят горделиво,
Возвысив родной мой Кавказ.

Поведай, свободная птица,
Живущим в том славном краю,
Как здесь, на чужбине, томится
Душа, не привыкнув к житью
Изгнанников пришлых... Лети же
С ладони моей в высоту.
Теперь мне и родина ближе, –
Лети, догоняя мечту!

Во всем друг на друга похожи,
Проходят и ночи, и дни.
С мольбой, но без суетной дрожи,
Я к небу взываю: «Верни
Посланницу бедного сердца,
Крылатую радость мою!»
В лачуге распахнута дверца,
А сам у окошка стою.

Ну где же ты, быстрая птаха,
В горах ли, над морем, в лесу?..
«Вернись, если в воле Аллаха, –
Клялась ты, – и весть принесу».
День-ночь – облетают страницы
Настенного календаря.
Я жду возвращения птицы,
Закат за окошком, заря?..

Прекрасная фиалка

Черкешенка, прекрасная фиалка,
Ты очаруешь Запад и Восток,
Любых сокровищ для тебя не жалко,
В тебе единой – жизненный исток.

Ты свято чтишь обычаи народа,
В твоих словах есть мудрости печать,
В движеньях – легкость, грация, свобода...
Но все-таки в глазах твоих – печаль.

Ты промолчишь, но все равно я знаю
Причину этой сумрачной тоски:
Душа скучает по родному краю,
Разбросаны по миру земляки.

Дарю тебе любовь, она безмерна
И к родине моей обращена.
Придет любовь, исчезнут ложь и скверна,
И в очагах огонь зажжет она.

Моя родина

На земле моих предков, мечтою влеком,
Я хотел бы расти ярко-красным цветком,
Отразиться в реке, где плывут облака,
И душа бы спокойна была и легка, –

Чтобы все разделить мою радость могли
У подножия гор моей древней земли,
Где прохладу подарит чистейший родник,
Где бы вечности свет в мое сердце проник.

Голландия, Гронинген

Зейн КАНДУР

Окно

Какие б ни настали времена,
Сквозь призму жизни ты на все смотри,
А если окружит тебя стена,
Найди окно и в мир свой отвори.

Один лишь бог преодолет дух.
А справишься ли ты, а сможет он?
Ответ предельно прост: одно из двух.
Скажи мне, докажи, что ты силен.

Твоя улыбка лжива, и слова...
Весь мир погряз в невежестве и лжи.
Лишь очевидность явная права, –
Окно свое распахнутым держи.

Иордания, Амман

*В оформлении подборки использованы
графические миниатюры Германа Паитова*

Задин МАРЕМОВ,
лауреат конкурса Союза журналистов КБР

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА РЕПАТРИАНТА ИЗ СИРИИ ШАМИЛЯ БАЛКАРА И ЕГО СЕМЬИ

Очерк

Шамиль Балкар

Вот уже двадцать первый год репатриант из Сирии, наш соотечественник Шамиль Балкар, кровный родственник живущих в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии представителей разветвленного адыгского рода Балкаровых, работает в нашей районной больнице ведущим офтальмологом.

Предки Шамиля относятся к несчастным черкесам (кабардинцам), которые вынуждены были в первой половине девятнадцатого века покинуть родной Кавказ, чтобы не погибнуть от рук царских колонизаторов в ходе столетней Кавказской войны. Дед и отец Шамиля со многими другими изгнанниками с Кавказа подвергались и со стороны турецких властей постоянным гонениям, пока, на-

конец, не осели в Сирии, которая в то время была частью Османской империи.

Из истории мы знаем, что тем нашим соотечественникам, которые после распада империи избрали своим постоянным местом жительства Сирию и Иорданию, больше повезло, чем тем миллионам черкесов, которые остались жить в Турции. Сирийские и Иорданские адыги в этих двух странах получили больше прав и свобод для своей жизни и развития, чем в Турции. Это подтверждает, в частности, и жизнь семьи и родных героя сегодняшнего нашего рассказа Шамиля Балкара. Его отец, Омар, получил на своей новой родине соответствующее образование и занял неплохо оплачиваемую работу госслужащего.

Все трое детей Омара и Бахиджи Балкар, старшим из которых был Шамиль, получили возможность в Дамаске, где жила семья, приобрести среднее образование, хотя трудился только Омар, а мать, как почти все мусульманки, не работала, была домохозяйкой.

– Наше детство, – вспоминает Шамиль, – совпало с периодом, когда в Сирию стали часто приезжать наши соотечественники из Советского Союза: писатели, артисты, государственные деятели, делегации от общества «Родина». Из их уст мы узнавали о положении адыгов на Кавказе, о феноменальных успехах в развитии культуры, образования, науки и т. д.

Мы радовались тому, что были устранены все политические и идеологические препятствия, которые мешали нам вернуться в Советский Союз к своим соотечественникам на постоянное место жительства.

Сначала с помощью кабардино-балкарского отделения общества «Родина», первым из семьи, в 1989 году приехал старший из детей – Шамиль, в качестве студента КБГУ. Его зачислили на полное государственное обеспечение на весь период учебы. Но так как к моменту приезда в нашу страну молодой выпускник средней школы в Дамаске Шамиль хорошо владел кабардинским, арабским и английским языками, но не знал русского, его направили на годичные курсы изучения русского языка в Махачкалу.

Здесь парень выявил в себе большие способности к учебе, и в течение 1989 года он овладел языком настолько, что получил возможность успешно учиться в Кабардино-Балкарском государственном университете, студентом которого он стал в 1990 году. Шамиль вскоре занял место в ряду самых лучших студентов медицинского факультета.

Большие природные способности, усидчивость, упорное стремление быть всегда в числе лучших сделали свое дело: уже на втором-третьем курсах он ни в чем не уступал в учебе своим сокурсникам из коренных жителей КБР и других областей и краев СССР, владевших русским языком с малых лет.

Так же успешно, как и учился, окончил Шамиль Балкар университет в 1996 году. В следующем, 1997 году, к сожалению, покойный ныне Анатолий Азретович Хацуков, известный в стране талантливый организатор одной из лучших глазных клиник на Северном Кавказе – в Чегеме, по рекомендации руководителя Кабардино-Балкарского отделения общества «Родина» К. К. Эфендиева принял молодого сирийца Шамиля Балкара на работу по специальности. Прежде чем оформить его на работу, Хацуков справился о молодом выпускнике у сотрудников медфака КБГУ, которых он знал давно и хорошо. И все они в один голос охарактеризовали Шамиля как одного из самых способных выпускников, который овладел в стенах университета глубокими знаниями по всем предметам, обладая при этом большой природной работоспособностью.

И впоследствии Шамиль Балкар полностью оправдал на деле все эти лестные отзывы. А к ним, за двадцатилетний период его самоотверженной работы на одном месте, добавились многочисленные благодарности от его пациентов, которым он помог избавиться от болезней зрения как с помощью точно подобранных медикаментов, так и путем сложнейших микроопераций глаз. Постоянное повышение знаний, успешное овладение всеми новейшими научными методами лечения глазных болезней, высокая настойчивость в работе помогли Шамилю заслужить звание одного из лучших офтальмологов КБР.

Это неизменное стремление к высотам знаний в 2007 году привело неутомимого доктора Шамиля в аспирантуру Ростовского медицинского

университета. Здесь, продолжая успешную работу в родной клинике, Шамиль затратил на сдачу полного кандидатского минимума и написание диссертации всего два года. А защитил он эту диссертацию во всемирно известном Московском научно-исследовательском медицинском институте имени Гельмгольца в 2009 году и получил степень кандидата медицинских наук.

Полученный в аспирантуре в дополнение к вузовским знаниям научный багаж дает Шамилю широкую возможность добиваться больших успехов в лечении самых сложных и распространенных болезней зрения. Операции на глазах, которые он проводит два раза в неделю в установленные дни, ничем не уступают тем, которые осуществляются в известных учреждениях микрохирургии глаза в Краснодаре и даже в Москве. И после хирургического вмешательства доктора Шамиля Балкара почти все его пациенты покидают больницу с возвращенным им зрением, ярким светом в глазах. Его авторитет среди больных, и не только в нашем районе, но и за пределами Кабардино-Балкарии, настолько высок, что ежедневно в приемные дни десятки граждан всех возрастов с утра выстраиваются в очередь на прием к нему. И добрый доктор Шамиль никому не отказывает в помощи.

Таков наш земляк, относительно молодой Шамиль Балкар, которому всего сорок семь лет от роду, но за его плечами двадцатилетний опыт самоотверженного труда на благо людей.

Понятно, что после окончания КБГУ, обретения специальности и успешной работы на родине предков у него не возникал вопрос о возвращении в Сирию, давшую ему очень много хорошего в жизни, но все же являющуюся для него и тысяч его соотечественников чужбиной. Наоборот, получив гражданство в России, Шамиль перевез на свою настоящую родину – в Кабардино-Балкарию – всю свою семью, состоящую из родителей, брата и сестры. Последние тоже получили у нас высшее образование, а брат уже успел создать свою семью и отделиться от родителей.

Прекрасная семья и у Шамиля, который после вуза женился на Марианне Тутовой, подарившей ему дочь и сына. Старшая из них, Сантья, с золотой медалью окончила среднюю школу № 32 в Нальчике, три года тому назад успешно сдала вступительные экзамены и стала студенткой одного из лучших медицинских университетов города Москвы. А сын, Джамбулат, пока является одним из лучших учеников девятого класса средней школы.

Со своим старшим сыном Шамилем счастливо, в полном достатке живут пенсионеры – отец Омар и мать семейства Бахиджа – балкарка по национальности, из рода Баппинаевых, предки которых тоже были во время Кавказской войны выселены на чужбину. Там в молодости соединили свои жизни Омар Балкар и Бахиджа Баппинаева. И их судьба оказалась намного счастливее, чем судьба их предков-изгнанников, влачивших жалкое существование на чужбине.

НАШ ЗАДИН МАРЕМОВ

1 июня Задин Матанович отметил 59-ю годовщину своей непрерывной работы в журналистике, его общий непрерывный трудовой стаж составляет 62 года. 45-й год он трудится в Чегемской районной газете «Голос Чегема» («Красное знамя»), редакцию которой возглавлял в качестве главного редактора 20 лет, сейчас он – руководитель отдела.

З. М. Маремов 56-й год является членом Союза журналистов СССР (РФ), он – самый пожилой человек среди работающих сегодня журналистов КБР, может, даже всей Российской Федерации.

Задин Матанович награжден 62-мя Почетными грамотами почти всех государственных, партийных органов и общественных организаций КБАССР, Парламента и Правительства Кабардино-Балкарской Республики. В частности, за доблестный труд ему вручали Почетные грамоты Президиум Верховного Совета КБАССР, областные комитеты КПСС и ВЛКСМ, Союз журналистов республики (три раза), Министерство по печати (три раза), здравоохранения КБР, Парламент и Правительство, Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии, Чегемская районная администрация (два раза). Задин Матанович удостоен Почетных грамот Совета ветеранов КБР, Чегемского района, многих сел района, МВД Российской Федерации и т.д.

Имя З. М. Маремова занесено в Книги Почета Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ и Всероссийского общества «Знание».

Задин Матанович достойно несет звания «Почетный гражданин с. п. Нартан» и «Почетный гражданин Чегемского района».

*Кашиф УНЕЖЕВ,
доктор философских наук, профессор,
академик АМАН,
заслуженный деятель науки КБР*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ)

В истории многих ныне живущих и давно исчезнувших народов были периоды взлетов и падений. Собственно говоря, любой этнос проходит в своей многовековой истории три стадии: становление, развитие и закат. Такова логика любого явления, в том числе истории рода человеческого. Каждый народ на протяжении своего жизненного пути также оставляет потомкам определенный след как в материальной, так и в духовной культуре.

При этом следует отметить, что все народы не в одинаковой степени делают вклад в эту общечеловеческую «копилку». И чем дольше этнос существует во временном пространстве, тем больше он имеет возможности проявить весь свой талант. Особенно это было важно в доисторические времена, когда эпохи менялись медленнее, сама жизнь шла не такими темпами, какими она меняется в современной цивилизации. Другими словами, в далеком прошлом познание мира природы и мира самого человека шло более медленно, чем сейчас.

Если раньше на одно гениальное открытие тайны природы и человека уходили столетия, то сейчас такие открытия делают за десятилетия, а то и за более короткий период времени.

В этом плане любопытно будет, на наш взгляд, оглянуться назад на некоторые эпизоды истории адыгов (самоназвание – адыгэ. – К. У.), чей возраст исчисляется тысячелетиями.

Адыги – общее название современных кабардинцев, адыгейцев (абадзехов, бжедугов, темиргоевцев, жанеевцев и др.) и черкесов. Все они имеют единое происхождение, общую традиционную культуру и близкородственные языковые связи. Самоназвание *адыгэ* является синонимом этнонима *черкесы*. По мнению многих ученых это название восходит к *керкетам* – одним из древних предков адыгов. Названия «адыги» и «черкесы» употребляются как равнозначные этнонимы всех современных адыгов. Исключение составляло использование названия «черкесы» в узком, вторичном значении – применительно к адыгам, проживающим в Карачаево-Черкесской республике. Употребление термина «черкесы» в последнем значении – изобретение большевиков.

Адыги (черкесы) находятся в тесных генетических связях с убыхами (их язык уже мертвый – *К. У.*), абхазами и абазинами.

По оценке специалистов, в Турции проживают от 3 до 7–8 млн черкесов. Численность адыгов (черкесов), проживающих на своей исторической родине – в Российской Федерации, составляет чуть более 700 тыс. человек¹.

Они более компактно проживают в Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике и Республике Адыгея. Они также проживают в Ставропольском, Краснодарском краях, в Северной Осетии (Алании) и т. д.

Адыгов (черкесов) за рубежом немало в Сирии, Иордании, Египте, Германии, США, Израиле и других странах.

Говоря о возрасте нашего этноса, еще в 1854 году, Лондонский иллюстрированный журнал Глисона, не без основания писал, что «Черкесы – один из наиболее древних народов мира. Их история столь продолжительна, что за исключением Китая, Египта и Персии, история любой другой страны не более чем рассказ о вчерашнем дне... Черкесы интересны ещё и тем, что представляют собой единственный народ на поверхности земного шара, который столь далеко в прошлое может проследить независимую национальную историю. Они не многочисленны, но их регион столь важен, а их характер столь поразителен, что черкесы хорошо известны древним цивилизациям. Упоминания о них в обилии встречаются у Геродота, Веррия Флакка, Помпония, Мелы, Страбона, Плутарха и других великих писателей.

Их предания, легенды, эпос представляют собой героическое повествование о свободе, которую они сохраняют по меньшей мере в течение последних 2300 лет перед лицом самых могущественных в человеческой памяти правителей»².

Теперь приведем некоторые примеры о вкладе адыгского (черкесского) народа и их предков в общечеловеческую культуру.

Ученые отмечают, что еще с IV–III тысячелетий до нашей эры, Северный Кавказ являлся северной периферией древневосточной цивилизации³:

На огромном пространстве от Малой Азии до Северного Кавказа, восточного и южного побережья Черного моря в то далекое время проживали близкородственные племена – древнейшие предки абхазо-адыгов⁴.

Ими были в Малой Азии хатты и каски, на Северном Кавказе синдо-меотские племена (тореты, псессы, керкеты, дандарии, фатеи, синды, ахейцы, зихи и т. д.). Позже из них сложились адыгские племена и близкородственные им убыхи, абхазы, абазины. Они все составляли единую группу племен, имевших общее наименование, общий язык, общую культуру в целом. Поэтому их историю и культуру древности необходимо рассматривать вместе.

Адыги (черкесы) и их далекие предки вошли в историю многими гениальными открытиями как в материальной, так и в духовной культуре. Например, хатты впервые получили железо из руды, что совершило настоящую революцию в истории человеческой цивилизации. Не случайно «железо» по-адыгски называется словом «гъущI», которое состоит из двух адыгских слов: «гъуэ» – «гъуабжэ» (коричневый) и «щIы» (земля). Или «метал, полученный из коричневой земли». Это соответствует действительности, если учесть, что железная руда имеет коричневый цвет.

Они также впервые начали использовать военную колесницу со спицами в колесах (колесницы других народов были с плоскими колесами, что делало их значительно тяжелей – *К. У.*). Более того, хатты также передвинули ось колесницы с ее конца на середину, что значительно облегчило нагрузку на лошадей. Хатты также были первыми, кто использовал колесницы во время битвы с экипажем из трех воинов, а у других в колесницах было только по два человека. Неслучайно древнегреческие цари посылали своих родственников в страну Хатти, чтобы они там научились управлять колесницами⁵. Хатты внесли огромный вклад в обучение и использование лошадей во время военных действий.

Они были одними из первых народов, кто начал использовать партизанский метод войны. Хатты и каски были также одними из первых, кто начал строить различные оборонительные сооружения и использовать всевозможные приемы в наступательных операциях и при взятии крепостей противника. По утверждению норвежского путешественника Тура Хейердала, хатты были первыми мореходами в мире.

Они были одним из первых народов, которые перешли к оседлому земледелию (VI–V тысячелетия до н.э.), к скотоводству и гончарному производству⁶. Древние адыги также одними из первых народов перешли к отгонному скотоводству.

По мнению многих авторитетных ученых, адыги были первыми, кто окультурил многие плодово-ягодные растения. Далеко за пределами нашей страны известны знаменитые черкесские сады, которые были созданы адыгами (черкесами). Один из авторитетных в прошлом ученых-пловодов академик Петр Михайлович Жуковский убедительно показал, каких успехов достигли адыги в области садоводства. Он доказал, что именно Северный Кавказ является прародиной основных плодовых культур всей Евразии. В частности он отмечал: вряд ли Средиземье имеет приоритет в происхождении культурных форм груши, наоборот все данные свидетельствуют о том, что именно Кавказ явился ареной эволюции груши – как дикой, так и культурной... Ни древность народа Греции, ни ее естественные грушевые ресурсы, ни опыт населения не могут идти даже в отдаленное сравнение с таковыми на Кавказе. Он далее утверждал, что в Средиземье баски знали о прививках задолго до эллинов, т. е. греков. Как известно, баски вышли в свое время с Кавказа и

имеют родственные отношения с адыгами. Если быть более конкретным, то можно утверждать, что адыги научили греков садоводству. Таким образом, адыги, по признанию многих авторитетных ученых, в том числе академика П. М. Жуковского, обладали самой совершенной технологией селекции плодово-ягодных культур на планете. В глубокое научное исследование этой и других проблем истории и культуры адыгов сделали большой вклад такие крупные адыгские ученые, как Н. А. Тхагушев, Самир Хатко и др.

Следует также отметить, что задолго до открытия официальной медициной вакцины от оспы и бешенства адыги умели лечить эти распространенные в прошлом болезни.

Адыги и их предки сделали, таким образом, значительный вклад в земледелие и скотоводство. Ярким подтверждением этому является то, что они вывели несколько сортов сельскохозяйственных культур и пород домашних животных. В частности, они выращивали шесть сортов проса, некоторые из которых выдерживали низкие температуры и могли противостоять сорнякам⁷. Некоторые авторы, например, М. А. Меретуков, указывают даже на 9 сортов проса, которые были выведены адыгами⁸. Они также вывели по 8 сортов яблок и груш, которые отличались высокими вкусовыми качествами и не боялись вредителей. Широко было развито у наших предков террасное земледелие. До сих пор сохранились следы этого древнего способа земледелия во многих местах проживания древних адыгов (черкесов) еще с доисторических времен.

На протяжении своей многовековой истории они вывели несколько пород лошадей (адыгэш), знаменитую породу овец (адыгэ мэл). Правда, по вине наших современных ученых и чиновников их пытаются присвоить себе другие. Лошадь была не просто вечным его «спутником», но адыг (черкес) не представлял себе жизнь без этого благородного и преданного животного. Поэтому он его называл «братом». «Шы» по-адыгски переводится как «брат», «кьуэш», «шы-нэхьыжь» – «старший брат», «шынэхьыщІэ» – «младший брат». Это все говорит о том, какое значение придавал черкес лошади. И она тоже отвечала ему взаимностью.

Наши предки также вывели в свое время особую породу медоносных пчел (адыгэбжьэ). Сейчас эта порода называется «кавказская». Были даже у адыгов свои породы коз (адыгэ бжэн) и коров (адыгэ жэм), которые были приспособлены к местным условиям⁹. Адыги (черкесы) вывели несколько пород собак. Одна из них – черкесская гончая, а вторая – черкесский волкодав. Рост последнего достигал более 80-ти см¹⁰. Кстати сказать, многие российские чиновники и генералы держали у себя как охотничью собаку черкесскую борзую. К ним относятся, например, А. А. Столыпин, генерал А. В. Жихарев и многие другие. Именно черкесскую гончую они предпочитали другим породам собак. А что касается породы собак под названием «Самыр», которая часто встре-

чается в адыгском (черкесском) нартском эпосе, наряду с орлом, – это тоже «изобретение» наших далеких предков.

Адыги также вошли в историю своими военными доспехами, конской сбруей, формой верхней одежды и др. Например, «адыгэ уанэ» (адыгское седло), «адыгэ афэ джанэ» (адыгская кольчуга), «адыгэ фащэ» (адыгская форма одежды), «адыгэ щIакIуэ» (адыгская бурка), «адыгэ цей» (адыгская черкеска) и другие изобретения адыгов (черкесов) прочно вошли в жизнь многих других народов Кавказа и за его пределами. Таким образом, многие из них были заимствованы не только всеми горцами Кавказа, но и донскими, кубанскими и терскими казаками, русскими офицерами. Даже русские цари носили адыгскую черкеску.

По признанию многих авторитетных специалистов, черкесская кавалерия была самой сильной в мире. Мировому сообществу известен вклад черкесских мамлюков в развитие науки, архитектуры, экономики, военного дела Египта. Они правили им около 140 лет. Военная машина черкесских мамлюков наводила ужас на неприятеля. Сам Наполеон высоко оценил их смелость и отвагу, которую они проявляли на поле боя. Однажды он сказал: «Дайте мне 20 тысяч черкесских кавалеристов и я завоюю весь мир». Эти слова он произнес, когда ему доложили во время египетской кампании, что 40 черкесских всадников уничтожили 370 его солдат. Поэтому, по признанию специалистов, черкесская кавалерия считалась самой сильной в мире.

Многие адыго-абхазские слова перешли в языки многих народов. Например, «псэ» – душа (греческое – «псюхе» – душа), Тхьэ – бог (греческое – theos – бог, древнесемитское – anatha – богиня Мать и т.д.). Таким образом, адыгское слово «Тхьэ» лежит в основе названия бога многих древних народов, начиная от египтян до индусов. Или, например, слово «паша» перешло от адыгов к туркам, а от них во все языки мира. Это слово состоит из двух адыгских слов: «ипэ» – *вперед*, «шэн» – *вести, то есть тот, кто ведет за собой людей, или предводитель*. Весь мир перенял такие слова адыгов, как «тхамадэ» (тхьэмадэ – тхьэм ида, то есть «богом принятый»), «черкеска», название некоторых видов клинкового оружия («сэшхуэ» – шашка, («нарзан» – минеральная вода), (нарт – санэ), «газыри» от адыгского слова «хьэзыр», то есть «готовый», «быть готовым», «паста» – по-адыгски «пIастэ», и многое другое. Но об этом будет сказано ниже. Можно предположить, что в основу международной дипломатии легли принципы гостеприимства наших далеких предков. История дипломатии свидетельствует, что первый мирный договор между двумя государствами был заключен между древними предками адыгов (черкесов) – хеттами (хаттами) и египтянами после знаменитого сражения между ними при Кадеше, которое произошло в 1274 г. до н. э. Этот мирный договор между Рамсесом II и Муваталии II был назван «вечным миром» и текст этого договора является первым в истории

международной дипломатии. Таким образом, можно с определенной долей вероятности утверждать, что древние предки адыгов (черкесов) заложили первыми основы международной дипломатии и юриспруденции.

Гениальным творением предков адыгов является знаменитый нартский эпос. Много его сюжетов и персонажей перенято другими народами, в том числе древними греками. Один из разделов данной работы будет посвящен этой проблеме.

Далекие предки абхазо-адыгов создали на Северном Кавказе знаменитую дольменную культуру, которой восхищается до сих пор мировое сообщество. А великая Майкопская археологическая культура, созданная предками абхазо-адыгов, является гениальным творением людей бронзового века.

Одним из важных достижений адыгов в области культуры был знаменитый адыгский этикет («Адыгэ хабзэ»), проблеме которого тоже посвящен отдельный раздел данной работы. Он был у нас не только сводом неписаных законов, но был и своеобразной религией. Если бусидо было у японцев «путем воина», то у адыгов (черкесов) «Адыгэ хабзэ» был «путем проявления себя» для всех адыгов, от ребенка до старика, во всех жизненных ситуациях, будь это на войне, на производстве, за столом, в играх и т.д.

Адыгэ хабзэ для настоящего адыгэ – это его духовная Вселенная, его философия. Адыгэ хабзэ – это образ жизни и образ мышления адыга... Можно надеяться, что придет время, когда исследуют этот феномен в полном его объеме. Этот список можно было бы продолжить. Любой народ имеет право на прошлое, в том числе и мы, молодежь должна гордиться достижениями наших далеких предков и быть достойной продолжательницей их великих дел.

Нас не может не беспокоить то положение, в котором оказались адыги как этнос. Много в нашей неповторимой культуре мы потеряли навсегда и безвозвратно. На это были свои объективные и, не в меньшей степени, и субъективные причины.

Прежде всего, необходимо отметить, что Кавказская война унесла из жизни основного носителя нашей культуры. Самое дееспособное население нашего народа погибло на войне, либо изгнано в Османскую империю, а затем расселено по всему земному шару. Вследствие чего более 95% всех ныне живущих черкесов оказалась за пределами своей исторической родины – Кавказа.

Теперь немного об освоении древними предками адыгов (черкесов) тех территорий, которыми они владели с доисторических времен.

Как полагают ученые, предки современного человека-кроманьонца впервые появились в восточной Африке. Древнейшие люди покинули ее через Аравийский полуостров, Ливан, Восточную Анатолию и расселились на Кавказе и по всей Евразии. Процесс ее заселения проходил

несколькими волнами. Этот путь был длинным и трудным. Впервые человек появился на Кавказе примерно 1,7-1,6 млн. лет назад. А первичное заселение Северного Кавказа началось 700-600 лет назад.

В эпохи среднего (80-35 тыс. лет т.н.) и позднего палеолита (35–30 до 12-10 тыс. лет т. н.) происходил процесс массового заселения древнейшими людьми Северного Кавказа¹¹. Таким образом, Малая Азия и Кавказ были не только местом обитания различных племен и народов с древнейших времен, но они были теми регионами, через которые шли многочисленные племена и расселялись по всей Евразии.

Еще в первой половине XX века многие ведущие кавказоведы нашей страны доказывали на основе палеонтологических находок, что на Кавказе жизнь человека зародилась в самой глубокой древности, что отдельные регионы Закавказья даже входили в зону, где протекал процесс очеловечения особых развитых обезьян. Следы деятельности древних людей были открыты во многих районах Кавказа, в том числе в его северной части¹². Памятники материальной культуры всех трех этапов палеолита были открыты во многих регионах Северного Кавказа. Одним из таких ярких памятников археологической культуры является Ильская стоянка, которая относится ко времени переходному от среднего к верхнему палеолиту.

Именно в этот период человек в суровой борьбе с природой научился добывать огонь¹³. Он совершил настоящую революцию в истории человечества.

В эпоху позднего палеолита в основном завершился процесс формирования человека современного типа – неантропа. Об этом свидетельствуют те многочисленные памятники материальной культуры, которые обнаружены в различных регионах Северного Кавказа¹⁴. Здесь следует отметить, что неандертальцы Европы и *homo sapiens* – крома-ньонцы, предки которых вышли из Африки, встретились друг с другом около 100 тысяч лет тому назад. Они не просто жили по соседству, но и вступали в близкие отношения. Об этом свидетельствуют данные ДНК. Дело в том, что в генах современных евразийцев обнаружен неандертальский след: от 1% до 4% генов неандертальцев. Последние проживали в Евразии 30–24 тыс. лет тому назад. В процессе эволюции неандертальцы вымерли, а потомки крома-ньонцев живут и поныне, но «со следами» неандертальца¹⁵.

Кавказ сыграл в глубокой древности огромную роль не только в расселении народов по планете Земля, но и определяющую роль в формировании индоевропейцев. Недаром последних еще называют кавказской расой, то есть всех людей белой расы относят к кавказской. Вообще, впервые термин «кавказская раса» был введен в научный оборот в 1795 г. немецким антропологом, профессором Иоганном Фридрихом Блюменбахом. Некоторые ученые утверждают, что он его позаимство-

вал у другого немца Кристофора Мейнерса, который издал в 1785 году работу: «Схема истории человечества».

И. Ф. Блюменбах в своей работе «О природной разновидности человечества» отмечал, что «кавказский регион производит самую красивую расу людей». По его мнению, все европейцы и народы Азии происходят с Кавказа и, соответственно, являются результатом пигментных трансформаций исходной белой кавказской расы.

Г. В. Ф. Гегель называл всех европейцев «кавказской расой». Он в частности писал: «Только в кавказской расе дух приходит к абсолютному единству с самим собой, – только здесь дух вступает в полную противоположность с условиями природного существования, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, вырывая из постоянного колебания туда и сюда, от одной крайности к другой, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю. Монголы отличаются по своему характеру бурной деятельностью, стремящейся только к проявлению вовне, которая действует только разрушающе, но ничего не создает, не приводит ни к какому прогрессу во всемирной истории. Прогресс осуществляется только благодаря кавказской расе»¹⁶.

Такие отрасли научной мысли, как генетика, лингвистика и другие, свидетельствуют о том, что в доисторический период, после распада праязыков примерно в XV–XII тыс. лет. до н.э. образуются языки индоевропейцев – славян, англичан, греков, итальянцев и других. К моменту их создания они были очень близки, если не идентичны языку, на котором говорят сейчас адыги (черкесы), абазины¹⁷. Этому мнению придерживается и Джон Коларуссо¹⁸.

При этом следует отметить, что больше всего индоевропейских генов сохранилось в более чистом виде у адыгов (черкесов).

К этому выводу пришли ученые из Канады и США, после проведения ими соответствующих анализов на уровне ДНК.

Например, они обнаружили необычайно высокую концентрацию специфической Y-хромосомы (ген, передающийся только по мужской линии), характерной для людей, говорящих на индоевропейских языках на Северо-Западном Кавказе, а именно у адыгов (черкесов).

Такие же открытия были сделаны при изучении генов, передающихся только по женской линии, то есть больше всего генов индоевропейцев было обнаружено у адыгов (черкесов)¹⁹.

Сохранение такого высокого уровня генов индоевропейских народов у адыго-черкесов – не случайное явление. Как было отмечено, Кавказ был долгие годы не только местом передвижения народов, он также был одним из центров становления человеческой цивилизации.

Недаром и в Библии, и в Коране сказано, что после Всемирного потопа ковчег Ноя причалил к горам Кавказа и оттуда пошло расселение людей и животных по всему миру.

Таким образом, наука неопровержимо доказывает, что на Кавказе люди проживали с древнейших времен. И сохранение в более чистом виде генов индоевропейцев у многих автохтонных народов Кавказа, в первую очередь у адыгов (черкесов), закономерно. Они, занимая самые важные в стратегическом отношении и плодородные земли Северного Кавказа, долгие годы жили, не смешиваясь с другими народами, которые приходили в этот край в различные исторические эпохи, и сумели сохранить в более чистом виде свои гены.

На Северном Кавказе в настоящее время проживает немало народов, численность которых не превышает миллиона человек, но предки которых жили здесь с доисторических времен.

Вообще, слово «Кавказ» связывают с одним из древнейших предков адыго-абхазов – «казказ» (касков, кашков), которые жили в Понтийских горах и на южном берегу Черного моря.

Таким образом, этимология слова «Кавказ» имеет давнюю историю, и она непосредственно связана с предками абхазо-адыгов – касками, кашками. Последние, в свою очередь, имели генетическое родство с касситами, которые правили Вавилоном 500 лет – с 1600 по 1100-е гг. до н.э. Они заняли юго-западный берег Каспийского моря, которому дали своё имя – касситы сами же называли себя каспами, жителями страны Каспиана. Границы их территории простирались до Главного Кавказского хребта вплоть до горы, получившей название Каспий (нынешний Казбек).

Каспы и каски положили начало некоторым древним названиям гор, рек, морей, городов и племён. Генетическое родство протоадыгов с касситами, их тесное и продолжительное взаимодействие лежит в основе множества древних – античных и средневековых – названий северо-восточной ветви адыгских племён: кизы, кисы, касы, каскуны, касконы, камаки, касахи, касоты, джаркасы, черкесы. Учёные отмечали, что язык касситов и касков был одним из древних кавказских языков, и неслучайно морфема «кас» входит в состав целого ряда тононимов и этнонимов на Кавказе, в Малой и Центральной Азии: Кавказ, Каспийское море, древнее название хеттского города Куссара, город Кас – название Древнего Хорезма, Современный этноним Казах, название Касхов или Касогов, то есть адыгов.

Поэтому Северо-Кавказская область, населённая адыгами, была известна под названием Касахия (Камахия, Кесек, Касы) по названию её жителей – Касов, Касаков, Кашаков, Касогов, и само название Каспийско-Черноморского горного перешейка – Кафкас, что означает буквально «Гора Касов» или «Касские (черкесские) горы»²⁰.

Впервые слово «Кавказ» встречается в письменных источниках у древнегреческого драматурга Эсхила в его трагедии «Прикованный Прометей». Это слово перешло от греков к римлянам, а затем ко всем

европейским народам. По другим версиям, слово «Кавказ» происходит от санскритского (древнеиндийский язык – *К. У.*) «каз» – блестять.

Небезынтересным является объяснение слова «Кавказ», которое дал ученый из Майкопа А. М. Гадагатль. Он в частности связывал этимологию этого слова со словом «Одиссея». Он полагал, что Кавказ имеет более древнее название «Одисс» (Гуэдыш – Одыщ). Слово «Одисс» Одыщ – двух-сложное исконно адыгское слово, первый компонент которого «О» – Гуэ, Гуащхьэ означает «высота», «гора», «курган», «Гуащхьэмахуэ». Второй компонент «дисс» (дыщэ) – «золотая». Исходя из этого, адыгское слово «Гуадыщхьэ» – одыщ на современном адыгском языке означает «гора золотая», а Гадагатль отмечает, что «Одыщ» – в греческой транскрипции, возможно, воспринято как «Одисс». Таким образом, по его мнению, слово «Одиссея» происходит от древнеадыгского «Одисс» (одыщ)²¹.

В тех географических пространствах, которые являлись местом передвижения различных народов, всегда происходил интенсивный диалог их культур. Такими регионами были Малая Азия и Кавказ. Многие их обитатели имели одинаковые корни и были связаны генетически. Ими были хатты, каски Малой Азии и синдо-меотские племена, которые проживали на Северном Кавказе. Свидетельством этому являются самые разнообразные данные археологии, лингвистики, этнологии и многое другое. Все эти племена были предками адыго-абхазов.

Прежде чем проследить те глубокие процессы, которые произошли в этнической истории древних предков адыго-абхазов, проживавших в районах Малой Азии и Кавказа, необходимо, на наш взгляд, показать, как произошло обособление основных праязыков еще в глубокой древности. Лингвисты предполагают, что обособление праязыков произошло на Ближнем Востоке примерно в XV–XII тысячелетиях до н.э. Именно в этот период три таких обособленных праязыка – сино-кавказский, ностартический и афразийский – разделились на три зоны: восточную, западную и северную. Именно западные сино-кавказцы были предками бурушасков, басков и хатто-хурритов.

В IX–VIII тысячелетиях до н.э. предки басков мигрировали в Западную Европу через ее центральную часть. Протобаски жили в регионах, где сейчас находятся Испания, Франция, Италия и Британия. Здесь они жили совместно с палеолитическими обитателями данного региона. Часть сино-кавказцев в VII тысячелетии до н.э. эмигрировала в Китай, Тибет, а оттуда в VI–V тысячелетии кеты заселили бассейн Енисея. В этот же период атабаски обосновались на Аляске и Канаде, хопи и новахо заселили Калифорнию. Следует здесь отметить, что этим миграция сино-кавказцев не ограничилась. Часть из них в VII тысячелетии до н.э. заняла Среднюю Азию, а оттуда мигрировала в сторону Индии. В частности, в Кашмире обосновались бурушаски, в Центральной Индии – нахали, а в Гималаях – кусунда.

Оставшиеся в Малой Азии сино-кавказцы разделились в VI тысячелетии до н.э. на хатто-ашуйскую и хуррито-урартскую группы. Хатто-ашуйцы изначально жили в северной части Малой Азии и на востоке Балканского полуострова. Ученые зафиксировали на Днепре топонимы северокавказского происхождения. Носители празападно-кавказского языка проникли в IV–II тысячелетии до н.э. на Балканы через Северное Причерноморье, оставив поселения на Дону и в Крыму. Об этом говорят те многочисленные параллели, которые имеются в археологии и Западного Кавказа.

На Дону и в Крыму хатто-ашуйцы впоследствии смешались с индоевропейскими племенами. Они антропологически были понтийцами, но у них фракийский язык с адыго-абхазскими элементами²².

В дальнейшем одна из ветвей хатто-ашуйцев участвовала в формировании нижнедунайского и византийского типов понтийской ветви, которая расселилась вокруг Черного моря. Хатто-хурритская семья языков Малой Азии в IV тысячелетии до н.э. разделилась на хаттскую (современные адыго-абхазы) и хурритскую (современная нахско-дагестанская) группы²³. Как было сказано выше, до середины II тысячелетия до н.э. адыги, убыхи, абхазы (абазины) составляли единую группу племен, которые имели единое наименование с единым языком, единой культурой, традициями, обычаями. Но в последующем они разделились на самостоятельные племена. Еще пять тысяч лет назад они занимали обширную территорию, которая охватывала центральные и западные части Северного Кавказа – самые плодородные земли с богатой флорой и фауной, всё восточное и южное побережье Черного моря, с такими же благоприятными условиями, а также значительную часть Малой Азии.

В этногенезе адыгов (черкесов), в его этнической истории, то есть в их исторической эволюции, хатты и каски Малой Азии и синдо-меотские племена Северного Кавказа сыграли главную и определяющую роль. Хатты, каски и синдо-меотские племена были не только родственными племенами, но и поддерживали между собой тесные экономические и культурные отношения. Не исключены случаи их миграции с юга на север и наоборот. К такому выводу пришли в различные годы многие авторитетные кавказоведы. Западный и Центральный Кавказ и прилегающие области Восточной Анатолии с древнейших времен населяли родственные племена. Но это не мешало в те или иные периоды продвижению с юга на север племенных массивов хаттов и касков²⁴.

Этот миграционный процесс мог произойти не в эпоху бронзы, а гораздо раньше, в конце каменного века. В этот период образовалась обширная восточно-причерноморская этнокультурная область, лежавшая в основе хатто-абхазо-адыгского древнего единства²⁵.

Учёные предполагают, что культурно-языковая общность абхазо-адыгов, хаттов и касков сложилась ещё раньше бронзового века – до

последнего глобального потепления и таяния ледников, то есть около 10–8 тысяч лет назад.

Акватория Чёрного моря тогда занимала меньшую территорию, и общение родственных племён Малой Азии и Кавказа было более доступным и свободным. В конечном итоге, в результате изменения природно-климатических условий, этно-демографической и политической ситуации в регионе разделился прото-абхазо-адыгский или хаттский массив.

Примерно в III тысячелетии до нашей эры сформировалось три субкультуры: хатто-анатолийская (прото-хеттская) – в Малой Азии, хатто-прото-абхазская – на юго-восточном побережье Черного моря и хатто-прото-черкесская – на Западном и Северном Кавказе.

Генетическое родство с хаттами, касками и синдо-меотскими племенами имеют киммерийцы, язык и культура которых во многом совпадают с первыми. На рубеже 11–1 тысячелетия до н.э. киммерийцы выступили связующим звеном между населением Кавказа и Юго-Восточной Европой. Они образовались в результате смещения переселившихся на Северный Кавказ скотоводов и земледельцев Северного Причерноморья с местным населением²⁶.

Таким образом, киммерийцы были протомеотскими племенами, испытавшими на себе влияние иранцев²⁷. Об этом говорит близость их культуры с кобанской культурой Центрального Кавказа, создателями и носителями которой были предки абхазо-адыгов²⁸.

Л. Я. Люлье отмечал, что в период раннего Средневековья, потомки киммеро-меотских племен вошли в состав Черкесии под названием кэмгуий – кемгуй, или темиргоевцев. Затем, князь Болеток (Болатоко. – К. У.) разделил владение кемгуев на три удела: собственно Темиргой, Хатукай и Хетак²⁹.

Хатты и каски не только поддерживали тесные экономические, культурные контакты со своими родственными племенами на Северном Кавказе, но их отдельные группы, продвигаясь на северо-восток, включались в состав индо-европейских племен. Они, в частности, обосновались среди германских племен, и среди них не случайно были хатты и хаттуарии как племя. Слово «хаттуарии» буквально означает «арийские хатты» или «хатто-арийцы»³⁰.

По мнению ученых, обоснование хаттов среди германских племен произошло в III тыс. до н.э.³¹

Сами хатты подразделялись на несколько подгрупп, или племен, которые обосновались среди германских племен. К ним относятся батавы, хаттуарии, ландоуды, маттиаки, нертерианы, никтрены, каннинефаты и др.

Любопытные факты о хаттах и их родственных племенах приводили Корнелий Тацит, Плиний Старший и другие авторы древности.

В частности, К. Тацит отмечал, что из всех германских племен самыми доблестными были батавы, которые обитали на берегу реки Рейна и образуемом ею острове. Он писал, что эта народность, бывшая некогда ветвью хаттов, из-за внутренних распрей перешла на новые места обитания, где подпала под власть Римской империи. Но батавам по-прежнему воздается почет, и они продолжают жить на положении давних союзников: они не унижены уплатою податей и не утесняются откупщиком; освобожденных от налогов и чрезмерных сборов, их предназначают только для боевых действий. Он также говорит и о других хаттских племенах, которые обосновались среди германских племен. Например, Тацит говорит, что «столь же послушно нам и племя маттиаков (одно из ответвлений хаттов – К. У.). Они помыслами и душой всегда с нами; во всем остальном они схожи с батавами»³². Что касается самих хаттов, то Тацит о них пишет следующее: «За ними (маттиаками – К. У.) вместе с Герцинским лесом начинаются поселения хаттов... Этот народ отличается особо крепким телосложением, сухощавостью, необыкновенной непреклонностью духа. По сравнению с другими германцами хатты чрезвычайно благоразумны и предусмотрительны: своих военачальников они избирают, повинуются тем, кого над собою поставили»³³. Он высоко ценил их храбрость и умение воевать с врагом. По этому поводу он говорил, что «если остальные германцы сшибаются в схватках, то о хаттах нужно сказать, что они воюют»³⁴. Вообще хатты занимали центральную часть Германии, и их название сохранилось в топонимике этой страны. В частности, Гессен (Hessen) происходит от слова «хатт». Уже около 700 г. н. э. встречается слово Chatti-Natti-Hessi. А с 738 г. н. э. впервые встречается слово Hassen, то есть Гессен. И в настоящее время Земля Гессен находится в центре современной Германии.

Плиний Старший подразделял германские племена на пять групп, и к четвертой группе он отнес гермундуrow, хаттов, херусков, батавов и каннефатов (каннинефатов). Как видно из этого списка, большинство из них хаттские племена.

Здесь необходимо отметить, что Тацит указывал на то, что основное население этой страны местные, но некоторые германские племена являются пришлыми. В этой связи он писал: «Что касается германцев, то я склонен считать их исконными жителями этой страны, лишь в самой ничтожной мере смешавшимися с прибывшими к ним другими народами и теми переселенцами, которым они оказали гостеприимство, ибо в былое время старавшиеся сменить места обитания передвигались не сухим путем, но на судах»³⁵. Вот этими переселенцами и были хатты, но вопрос в том: каковы были причины миграции представителей этого древнего народа – хаттов?

Примечательно и то, что предки адыгов (черкесов) мигрировали вместе с арийцами в сторону Индии.

Об этом говорят предания адыгов (черкесов), что они уходили в восточные края, в том числе в Индию (ИндыпакІэ), и возвратились обратно, обогащенные новыми знаниями и опытом³⁶. Как было сказано выше, вообще сино-кавказцы еще примерно с VII тысячелетия до н.э. обосновались в Центральной Индии, в Кашмире и Гималаях. Интересно и то, что в процессе миграции древних предков адыгов (черкесов) на Дальний Восток, они с собой несли многие элементы своей культуры, в частности мифологии, эпоса, религии. Следы культурного диалога между племенами Индии и адыгами сохранились у обоих социумов. Например, в адыгском языке сохранилось много слов, связанных с Индией: Индыл – название реки Волга, Индар (Идар) – личное имя, Индароко – кабардинская фамилия, Индыш – название притока Кубани в ее верхнем течении, синдо-меотское племя, Сантыкъ – кабардинская фамилия, Сындыкъ – кабардинская фамилия, и т. д.³⁷

В индийских сказаниях есть легенда о сбрасывании стариков со скалы. Как известно, такая легенда есть у адыгов. Кстати сказать, она перешла от индусов и к японцам. Она у последних называется «Убасуте» или «Оясуте» – дословно «отказ от старухи». Но об этом будет сказано ниже. А что касается имени основателя буддизма, то мы здесь находим следы религии адыгов. Речь идет об имени основателя одной из трех мировых религий – буддизма.

Он при рождении получил имя Сиддхаттха Гаутама, или Сиддхартха Гаутама, или, по другой версии, Сарвартха Сиддха, что означает «тот, кто добился своей цели». Как видно, во всех трех произношениях присутствует «Тхэ», то есть – по-адыгски – «Бог». Мы полагаем, что это не случайно. Как будет показано ниже, адыгское слово «Бог» перешло в другие языки мира.

Таким образом, с полной уверенностью теперь можно утверждать, что благодаря глубоким научным исследованиям крупных специалистов доказана принадлежность хаттов и касков к кавказской и, прежде всего, к абхазо-адыгской культурно-языковой общности. Это положение уже закреплено во многих фундаментальных изданиях по истории Древнего мира. В частности, в вузовском учебнике «Истории Древнего мира», выпущенном еще в 1979 г., сказано, что древнейшим этническим субстратом, на основе которого сложился хеттский народ, были «хаты, или протохетты, говорившие на языке абхазо-адыгской группы, и, по всем данным, тесно связанные с Кавказом»³⁸. Такие крупные специалисты, как: Б. Грозный³⁹, И. М. Дунаевская⁴⁰, И. М. Дьяконов⁴¹, Г. А. Меликишвили⁴², Иванов Вяч. Вс.⁴³, В. Г. Ардзинба⁴⁴, Р. Ж. Бетров⁴⁵, Инал-Ипа Ш. Д.⁴⁶, Г. Г. Георгадзе⁴⁷, Т. В. Гамкрелидзе⁴⁸, Касьян А. С.⁴⁹, Старостин С. А.⁵⁰ и другие, исследовав различные аспекты этой проблемы, неопровержимо доказали генетическое родство хаттов, касков и абхазо-адыгов.

Таким образом, на Северном Кавказе проживали синдо-меотские племена – одни из древнейших предков адыго-абхазов (тореты, керкеты, псессы, досхи, дандарии, зихи, ахейцы и другие), а в Малой Азии другие предки адыго-абхазов – хатты, каски.

Как сказано выше, в III–II тысячелетиях до н.э. последние достигли значительных успехов в экономике, политической жизни и культуре, особенно в металлообработке. Как было отмечено выше, хатты впервые получили из руды железо, которое, как известно, совершило настоящую революцию в технологии и экономике всего человечества⁵¹.

Уже в III тысячелетии хатты находились на стадии сложения ранней государственности с крупными городами. В этот период военных вождей хаттов называли царями. Например, в документах, относящихся к 2236–2200 гг. до н.э. упоминается царь Хаттии по имени Памба, имя которого сравнивают с современными абхазскими именами Памба и Пемба⁵².

В III–II тысячелетии до н.э. образовались на Востоке Малой Азии города-государства хаттов, такие как Пурусханда, Амкува, Куссара, Хатгуса, Каншас, Аниту. Но во II–I тысячелетии до н.э. эти города-государства были захвачены индоевропейскими народами анатолийской группы, и, объединив их, они создали единое государство⁵³. Дело в том, что в этот период в Анатолии появляются народы индоевропейской языковой семьи – неситы, лувийцы, палайцы. По утверждению одних ученых, они пришли с Балкан, а другие полагают, что они проникли в Малую Азию через Кавказ с Юго-Востока. Они постепенно проникли в среду хатто-хурритов Малой Азии. Все же в ее центральном регионе хатты сохранили за собой свое название «хатты», но ученые называют их «хетты».

Здесь следует отметить одно обстоятельство по поводу понятий «хатты» и «хетты». Дело в том, что племена-пришельцы, которые расселились с конца III тысячелетия до н.э. среди хаттов, в XIX веке ошибочно учеными были названы «хеттами». Но, когда в начале XX века эта ошибка была обнаружена, было поздно, и это слово прочно закрепилось за неситами. В Библии более шестидесяти раз упоминаются хетты. В частности, в Ветхом завете они фигурируют как одно из племен Палестины, с которыми встретились израильтяне, когда последние пришли на землю Обетованную. То есть хетты уже жили в Палестине. В книге Бытия перечисляются следующие племена: кенеи, кенезеи, кедмонеи, хеттеи, хананеи и т. д.⁵⁴ О хеттах как об исконно палестинском племени говорится и в других местах Ветхого завета: Авраам покупает пещеру Махпелу около Хеброна у сынов Хетта⁵⁵. Исав берет в жены хеттянок⁵⁶. Далее сказано, что Ханаан родил Хетта, Иерусалим – незаконный отпрыск Аморрея и хеттеянки. В Библии также указано, где именно в Палестине проживали хетты: «Амалик живет на южной части земли, хеттеи, иевусеи и аморреи живут на горе, хананеи же живут при море

и на берегу Иордана». Здесь также говорится о «хеттских» женах Соломона⁵⁷. В Ветхом завете и египетских текстах народ хатты и хетты представлены как один и тот же народ. Сирия была известна ассирийцам как «страна Хаттии» со столицей в Каркемише⁵⁸.

Еще в Библии упоминаются хетты (hittim) – «хетты» или bəne hēt – «сыны Хетта». Слово «bəne» (бын) по кабардино-черкесски переводится «дети», по абхазски – басын, род⁵⁹.

Из вышеприведенных фактов видно, что хатты проживали не только в Центральной и Северо-Восточной части Малой Азии, но они занимали и территорию Палестины и Месопотамии, то есть были две Хаттии – Верхняя и Нижняя⁶⁰. О двух Хаттиях знаем даже из устных преданий предков адыгов. В частности в старинной колыбельной песни «гушэкь-ууэрэдхэр» сказано о двух Хаттиях:

«Из двух Хаттий наши предки,
Из старых народов, история свидетельствует.
Царство двух Хаттий за большим морем виднеется,
Слава о нем простирается.
Свои границы к Египту царство двух Хаттий приблизило,
Рамсес восстал против этого и затеял войну.
Знания царство двух Хаттий по всем сторонам продолжает,
Египетский царь Фараон (Фирхьяун – по-адыгски – *К. У.*) Рамсес
К царству двух Хаттий приходит, договор письменный заключают,
Породнились оба тем самым»⁶¹.

Действительно, многочисленные документы свидетельствуют о том, что Хеттское царство, в котором основное население составили хатты, имело теснейшие контакты с Египтом еще с XV века до нашей эры. Народ хетты (хаты – *К. У.*), со своими многочисленными союзниками, сражался против Рамсеса II в знаменитой битве при Кадеше на реке Оронт.

Армии Египта и Хеттского царства встретились у Кадеша в 1274 г. до н.э. В 5-й год царствования Рамсеса II. Несмотря на то, что египтяне утверждали, что они одержали победу в этом сражении, именно хетты (хатты) победили в этой войне. Позже при растущей угрозе Ассирии, Египет и Хеттское царство, которые раньше соперничали и воевали друг с другом, теперь значительно сблизились. Эти отношения стали такими дружественными, что в 1269 г. до н.э. был заключен между ними знаменитый договор, который гарантировал им мир и безопасность. Более того, через 13 лет этот договор был скреплен браком хеттской принцессы с фараоном Рамсесом⁶².

Сведения о знаменитом сражении войск Египта и Хеттского царства при Кадеше в 1274 г. до н.э. сохранились в устном народном творчестве адыгов (черкесов). В частности, в одной старинной адыгской песне есть такие слова:

Дэ дызышыщыр умыщІэмэ,
Сэ кьызыэупщІи бжесІэнщ,
Рэзэсышхуэр джатапэкІэ
Бгым щызыдзахэм дарейщ.

Примерный перевод звучит следующим образом:

Если ты не знаешь, кто мы,
Скажу тебе, если спросишь,
Рамсеса Великого которые
Сбросили с горы,
Это мы.

Эти слова подтверждают, что не только хетты (хатты) одержали победу над египтянами, но свидетельствуют о том, что хатты наши предки.

Во II тысячелетии до н.э. в союз хеттов входили собственно хатты, хурриты, неситы, лувийцы и палайцы. Они все переняли множество элементов хаттской культуры – культов, социальной организации, обрядов, имен, терминов, и многое другое. Это все говорит о том, что, во-первых, численность населения хаттов была более значительной по сравнению с остальными, которые входили в хеттский союз народов, и во-вторых, культура хаттов занимала доминирующее положение в хеттской империи, и она явилась основой всей ее культуры.

Хаттские слова «zahhiya» (сражение, воевать), «zahhai» (война, битва) были переняты хеттами⁶³. А эти слова свободно переводятся на адыгский язык. Например: «zahhiya» – на «зэхэуэ», «zahhai» – на «зауэ», (стычка, перестрелка и т. д.) Адыгские слова – «шуххьати» – «распорядитель всадников», «джэгу хьатым», «хьэтияклуэ» – «распорядитель игрища на адыгских торжествах, и многие другое, перенято хеттами. В адыгском языке, в том числе в фамилиях, сохранилось много слов с корнем «хьэтт»⁶⁴. Все это является лишним доказательством того, что хатты, каски были одними из древнейших предков адыго-абхазов. Именно от хаттов переняли хетты технологию получения железа. Долгое время они держали ее в секрете.

Неситами и другими народами, которые обосновались в Малой Азии, были также заимствованы многие слова хаттского языка. Примеров тому предостаточно. В частности, хаттское название железа – «harwalki» было перенято хеттами, а от них это слово проникло через хурритов дальше в западно-аккадский, европейские и другие языки. Хаттский бог-кузнец Хасамил стал у хеттов Хасамили. Они также переняли у хаттов титулы придворных жрецов, царя (табарна), царицы – таваннана (сравни адыгское слово «нэнэ», «анэ») и другие. Переняты также атрибуты царской власти – особое копьё, посох, ритуальный трон («халмасунта» – то, на чем сидят), элементы верхней одежды и т. д.

У хаттов были заимствованы принципы взаимоотношений царя со знатью, в том числе дарение им земельных участков царем за несение

службы (сравни дарение адыгскими князьями земель своим дворянам (уоркам)). И таких примеров много.

После распада Хеттской империи в XII в. до н.э. с Балкан на восток начинают продвигаться фригийцы (их аккадцы и лувийцы называли «мушхи»). Они дошли до Армянского нагорья, осели в верховьях Евфрата. От них произошли армяне. А на южном Причерноморье обосновались протоабхазские и протогрузинские племена, известные впоследствии как «халибы» или «халды». На месте Хаттии появляется новое государство – Фригия. Но в VIII веке до н.э. в Малую Азию приходят племена: с Балкан – траки («фраки»), с северо-востока – кавказские – киммерийцы. Они захватили Фригию в 675 г. до н.э. и правили там в течение 20 лет, пока в Малую Азию не вторглись скифы и не разгромили их.

Многие ученые отмечают, что киммерийцы и фраки имеют родственную связь с адыго-абхазами. В частности, киммерийцев отождествляют с одним из адыгских племен – «кемиргой» (кӀэмыргуей). Их разные народы называли по-своему: например, греки – «киммериой», ассирийцы – «гиммирай», персы – «гимири», армяне – «гамира» и т.д.

Киммерийцы были древнейшими из известных племен, населявших Северное Причерноморье.

Они имели много общего в материальной и духовной культуре с племенами кобанской культуры, при создании которой принимали участие и предки адыгов.

В VII в. до н.э. киммерийцы были вытеснены скифами из Северного Причерноморья и обосновывались на его южном берегу в районе Синопа. Часть из них поселилась в Крыму и стала называться таврами.

Как было отмечено выше, киммерийцы имели родство с фракийцами, синдами, хаттами, касками⁶⁵. В свое время киммерийцы основали свое государство «Гамира», на территории, где проживали каски – одни из предков адыго-абхазов. Такие же параллели можно проследить и между адыго-абхазами и фракийцами.

Таким образом, в конце II – начале I тысячелетия до н.э. по всему побережью Черного моря – Анатолия (Андола – по-адыгски – *К. У.*), Колхида, Северное Причерноморье, Фракия, Крым, Северо-Западный и Центральный Кавказ – проживали родственные племена, которые являлись непосредственными предками современных адыго-абхазов. Они были единым этническим массивом, то есть родственными племенами⁶⁶.

В гомеровское время, то есть в эпоху бронзы, основное население Трои (Илион) составляли фракийцы и иллирийцы. Рядом находилось Хеттское государство, основным населением которого были хатты – предки адыго-абхазов. Таким образом, они проживали почти по всей территории Малой Азии⁶⁷. Исходя из этого, можно предположить, что в Трое не только проживали предки адыго-абхазов, но они принимали уча-

стие и в Троянской войне. В союзе с троянцами в борьбе против древних греков – ахейцев, данайцев – выступали соседние с Троей государства, в том числе Хеттское царство, в которых проживало множество племен. У Гомера в поэме «Илиада» мы читаем:

«Много союзников с нами (троянцами – К. У.) в великой столице Приама,

Разный язык у различных племен многочисленных этих...

Пейрос-герой с Акамантом вели за собою фракийцев...

Войско ликийцев вели Сарпедон с безбоязненным Главком

Из отдаленной Ликии от водоворотного Ксанфа».⁶⁸

Ближайшими соседями и родственными племенами хаттов были каски или кашки. Они упоминаются в хеттских, ассирийских и урартских источниках на протяжении II и начале I тысячелетий до н.э. Они занимали огромную территорию от южного побережья Черного моря от устья реки Галис до западного Закавказья, включая и Колхиду. Каски оказали заметное влияние на историю Малой Азии. Они состояли из 9–12 близкородственных племен и были очень воинственными. Они не раз совершали военные походы на соседние племена и государства. Касков в ассирийских источниках называли «абешла» или «апешлайцы». Они совпадают с древним названием абхазов (апсилы – по греческим источникам, апшилы – в древнегрузинских записях), а также с их самоназванием «апсуа». Ученые предполагают, что не позже III тысячелетия до н.э. часть хаттов и касков, в результате складывания классового общества в Малой Азии и активного проникновения на их территорию индоевропейских племен – неситов, происходит относительное перенаселение, что создало предпосылки переселения их в сторону юго-восточного побережья Черного моря, включая Западную Грузию, Абхазию и далее на север – до Прикубанья и Центрального Кавказа, где проживали родственные им племена. В этот период на Северном Кавказе эти племена создают яркую и самобытную Майкопскую культуру. Уже во второй половине III тысячелетия до н.э. древние предки адыго-абхазов в восточном направлении расселились до границ современного Дагестана. Одной из причин дальнейшего освоения менее заселенных районов центральной части Северного Кавказа в направлении к востоку являются и противоречия, которые имели место между различными племенными объединениями внутри абхазо-адыгской языковой группы. Особую роль в этом процессе сыграли племена, строившие для своих умерших дольмены. Они не только частично смешались с племенами Майкопской культуры, но и оказывали давление на них. Это ускорило продвижение «майкопцев» на восток, в бассейн р. Терек, где проживали родственные им племена. Сами же строители дольменов тоже продвигались на восток до районов современной Кабарды за племенами Майкопской культуры.

Все это говорит о том, что уже в III тысячелетии до н.э. племена абхазо-адыгской языковой группы занимали огромную территорию, начиная от Малой Азии, до центральной части Северного Кавказа⁶⁹.

Занимая такую огромную территорию, отдельные племена, которые входили в этот союз родственных племен, с течением времени обособились. Именно с III тысячелетия до н.э., а может и раньше, происходит постепенное размежевание абхазо-адыгской единой общности на собственно абхазские, убыхские и адыгские племена. Позже последовал распад древнеадыгского языка на западно-адыгский (адыгейский) и восточный (кабардинский)⁷⁰.

В древней истории адыгов (черкесов) наступает новый этап с образованием Боспорского царства, после крушения Киммерийской империи в районе Причерноморья. Из греческих городов, основанных греками в I тысячелетии до н.э., образовалось Боспорское царство. Его основу составляли фракийцы, киммерийцы, которые являлись родственными синдо-меотским племенам – предкам адыго-абхазов. Босфор достигает значительных успехов в своем развитии с приходом к власти спартакидов, и при них важную роль играют в государстве древние адыги (черкесы).

Уже при Парисаде I основным населением Боспорского царства становятся именно они, то есть адыги. В середине IV века до н.э. Парисад II правил всеми землями синдов, меотов, торетов, псессов и других адыгских (черкесских) племен. Позже в это царство вошли и ахейцы, нынешние хакучинцы, гениохи и саниги (нынешние жанеевцы). Но некоторые адыгские племена сохраняли свою автономию, например, синды (женджи) и дандарии. Автономия синдов была настолько велика, что они имели собственную монету и проводили самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику⁷¹. Вообще в пятом веке до н. э. было создано Синдское рабовладельческое государство.

С древнейших времен адыгские племена имели широкие экономические, культурные и политические связи со многими народами, особенно с греками. Но следует отметить, что эти контакты предков адыгов (черкесов) с протогреками установились еще в период наивысшего рассвета хаттов и касков. Именно с этих далеких времен начался широкомасштабный культурный диалог между греческими племенами и последними, которые в этом диалоге чаще всего выступали «дающей стороной». Следы такого культурного диалога, который проходил между древними адыгами и греками на протяжении веков, остались в мифологии, религии, языке, традициях, обычаях и других сферах жизни этих народов.

Наличие такого множества параллелей в культуре древних греков и адыгов (черкесов) является не случайным явлением. Но вопрос в том, кто из этих народов был «отдающей», а кто «принимающей» стороной?

Однако следует отметить, что проблема параллелей в традициях и обычаях древних греков и адыго-абхазов является предметом специального исследования. И чему посвящается отдельный раздел данной работы.

Примечания

- 1 Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 7.
- 2 Черкесы-Адыги в мировой культуре. Нальчик, 2013. С. 3.
- 3 Адыгская (Черкесская) энциклопедия, М., 2006. С. 62.
- 4 Там же. С. 81.
- 5 *Унежев К. Х.* История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005. С. 20.
- 6 *Ловпаче Н. Г.* Мировоззрение древних сетыхов, хаттов. // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 24, 25.
- 7 Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 62, 81.
- 8 *Меретуков М. А.* Хозяйство адыгов. // ТАНИИ. Вып. 3. Майкоп, 1980. С. 36.
- 9 *Пафова М. Ф.* Хозяйственно-культурные типы адыгов и их отражение в системе питания. // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 21–43.
- 10 *Самир Хатко.* Цивилизация Кабарды. С.-Петербург. 2008. С. 538–540.
- 11 Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 55, 60.
- 12 *Замятнин С. Н.* Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937; *Он же.* Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. Сборник МАЭ, Т. XII, 1949.; *П. П. Ефименко.* Первобытное общество. Киев, 1953; *Г. К. Никорадзе.* Палеолит Грузии. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V. 1931.
- 13 *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 22, 23.
- 14 *Чеченов И. М.* Краткий очерк первобытной археологии Северо-Западного и Центрального Кавказа (каменный век и энеолит) // Археология и этнология Северного Кавказа. Выпуск 1. Нальчик, 2012. С. 5–14.
- 15 Наука и жизнь. № 2, 2016 г.
- 16 *Гегель Г. В. Ф.* Философия духа. Энциклопедия философских наук в 3-х томах. М., 1977, том 3. С. 6–408.
- 17 *Элеонора Маремукова.* Белая кавказская раса. Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2015. № 1. С. 175.
- 18 Там же.
- 19 Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2015. № 1. С. 174, 175.
- 20 *Бгажноков Б. Х.* Следы элемента Кас в античных названиях адыгов на Северном Кавказе. // «Древняя и Средневековая культура адыгов. // Материалы международной научно-практической конференции» (Нальчик, 16–20 октября 2015 г) С. 5–9.
- 21 *Гадагатль А. М.* Героический эпос Нарты и его генезис. Краснодар, 1967. С. 170–173.
- 22 *Савойский А. В.* Малая Азия и Кавказ в древности. М., 2008; Сино-Кавказская макросемья. [www. Randavu-zip.narod.ru](http://www.Randavu-zip.narod.ru); www. Randavu.nm.ru.
- 23 *Яковлев Н. Ф.* Древние связи языков Кавказа, Азии и Америки. // Труды института этнографии. М., 1947, том 2. С. 196–204; *Климов Г. А., Алексеев М. Е.* Типология Северокавказских языков. М. 2005. С. 304.

- 24 Руслан Бетров. Этническая история адыгов. Нальчик, 1996. С. 96.
- 25 Он же. Адыги: Возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998. С. 101.
- 26 Бгажноков Б. Х. О роли миграций в этногенезе адыгов. // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конференции (Нальчик, 16–20 октября 2013 г.) Нальчик, 2014. С. 11.
- 27 Там же. С. 11.
- 28 Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984.
- 29 Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 12.
- 30 Страбон. География. VII. 1. 3, 4; Тацит. Аналлы.
- 31 Бгажноков Б. Х. О роли миграций в этногенезе адыгов. // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конференции (Нальчик, 16–20 октября 2013 г.) Нальчик, 2014. С. 20.
- 32 Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том первый. Анналы. Малые произведения. Л. 1969. С. 365.
- 33 Там же. С. 366.
- 34 Там же.
- 35 Там же. С. 354.
- 36 Адыгэ Гуэрыгуатэхэр (Адыгский фольклор), Нальчик, 1969. Т. 2, С. 19–22.
- 37 Бгажноков Б. Х. О роли миграций в этногенезе адыгов. // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конференции (Нальчик, 16–20 октября 2013 г.) Нальчик, 2014. С. 20.
- 38 История древнего мира. М. 1979. Ч. 1. С. 185, 186.
- 39 Грозный Б. Доисторические судьбы Передней Азии // ВДИ, М., 1940 г.
- 40 Дунаевская И. М. О структурном сходстве Хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. М. Л. 1960 г.
- 41 Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М. 1967.
- 42 Меликашвили Г. А. К изучению древней восточно-малоазиатской этнонимии // ВДИ № 1 (79), 1962.
- 43 Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северокавказским // Древняя Анатолия. М. 1985. Он же. Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурроситские) этимологии. М. 2008. Он же. Индоевропейские корни в хеттском языке. М. 2007. Том 1.
- 44 Ардзинба. В. Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник. История и философия древнего Востока. М. 1979. Вып. III. Он же. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М. 1982.
- 45 Бетров Р. Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998.
- 46 Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы энтокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
- 47 Гиоргадзе Г. Г. К вопросу локализации и языковой структуры Касках их этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М. 1961. Вып. 1.
- 48 Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Том 1, Тбилиси, 1989.

- 49 *Касьян А. С.* Хаттский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М. 2010.
- 50 *Старостин С. А.* Индо-европейско-северокавказские изголосоы // Древний Восток: этнокультурные связи. М. 1988.
- 51 *Иванов Вяч. Вс.* История названия металлов в славянских и балканских языках. М. 1983. С. 119.
- 52 Адыгская (черкесская) энциклопедия. М. 2006. С. 81.
- 53 *Савойский А. В.* Малая Азия и Кавказ в древности. М. 2008.
- 54 Библия. Ветхий Завет. Бытие. Гл. 15.20.
- 55 *Там же.* Гл. 23.3
- 56 *Там же.* Гл. 36.2.
- 57 Библия. 3-я Книга Царств. Гл. 11.1.
- 58 *Герни О. Р.* Хетты. М., 1987. С. 4, 5.
- 59 *Шомахова Т. М., Пхитиков Х. М.* Хатты в древних языках и культурах. М., 2015. С. 42–45.
- 60 *Там же.* С. 36.
- 61 *Там же.* С. 40, 41.
- 62 *Герни О. Р.* Хетты. М., 1987. С. 34, 35.
- 63 *Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 80.
- 64 *Бгажноков Б. Х.* О роли миграций в этногенезе адыгов. // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конференции (Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. С. 22.
- 65 *Тресков И. В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963. С. 162–164.
- 66 *Хавжого Шаукат.* Герои и императоры в Черкесской истории. Нальчик, 1994. С. 34, 35.
- 67 *Хакуашев А. Х., Хакуашева М. А.* Греко-адыгские античные связи: конкурирующие гипотезы. // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 384, 385.
- 68 *Гомер.* Илиада, М.: Л., 1949. С. 61–63.
- 69 Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 81, 86, 87; *Дьяконов И. М.* «Предыстория армянского народа». Ереван. 1968. С. 13.
- 70 Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 87.
- 71 *Трахо Р.* Черкесы. Нальчик. 1992. С. 9–11.

Саадула КАНУКОВ

ДЕВОЧКА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Главы из романа

Находка

Наступали предзимние холода. Домик, где жили Арина Павловна и Рая, был ветхий, глиняная штукатурка снаружи вся растрескалась, осыпалась, и в прошлую зиму в доме было очень холодно. Старый Ахмет помог Арине Павловне и ее внучке, насколько это было возможно, поправить домик. Теперь надо было сделать хоть небольшой запас топлива на зиму.

В воскресный день старик поехал с Раей в лес за дровами. Фатимат вызвалась помочь подруге. Девочки, в ватных стеганках, раздобытых Дагалиной у полицаев за две бутылки самогона, сели в двухколесную арбу.

Грохоча по мостовой, подвода выехала за город. Вдали бело-серыми громадами высились горы. Когда солнце выглядывало из-за облаков, вершины их сверкали ослепительным золотисто-белым светом. Со склонов гор на всхолмленную равнину сбегал лес. Там и тут виднелись следы недавних боев за город. Валялись обгоревшие остовы машин: автомобилей, танков, бронетранспортеров; разбитые орудия, пулеметы. Темнели лошадиные трупы.

А вот и ручей, на берегу которого Рая участвовала в бою. Виднелись остатки проволочных заграждений, развороченные снарядами и разутюженные вражескими танками пулеметные гнезда, траншеи, одиночные окопы. Вон там, где стоит весь простреленный и искалеченный старый тополь, был их окоп, в самом центре поля боя...

Арба переехала ручей, за ним начинался лес. И тут, видно, шли бои. Одни деревья стоят с верхушками, срезанными осколками снарядов, другие с корнем выворочены из земли. Вон наш танк, с сорванной башней, без гусениц.

Кругом него видны воронки от снарядов и расщепленные деревья. Наверное, когда танк был подбит, его превратили в дот и дрались до последнего.

– Дедушка, давайте посмотрим, что в танке, – сказала Рая.

– Мы тут и остановимся: видите, сколько сухого валежника? Одним духом заготовим полную арбу, – согласился Ахмет.

Старик стал распрягать лошадь, а девочки бросились к танку. Рая взобралась на корпус, заглянула внутрь. Там было все разворочено: наверное, взорвались боеприпасы. Виднелся клоч обгоревшей материи

и что-то круглое, белое, похожее на кость. Рая поспешно спрыгнула на землю.

– Ничего нет, – глухим голосом сказала она.

Девочки пошли обратно. Фатимат вдруг придержала подругу.

– Смотри! – Она показала на дно оврага. – Человек!

Рая подошла к самой кромке.

– Правда... Кто же это такой? Может, наш танкист? Наверное, документы у него остались. Давай спустимся, посмотрим. А?

– Давай.

Поддерживая друг друга, девочки спустились по крутому склону на дно оврага. Еще издали – по зеленой шинели и каске – они догадались, что это фашист, и подходили так осторожно, будто и мертвый он мог причинить им зло.

Убитый лежал навзничь, распластав руки.

– Смотри, пистолет! – шепнула Рая. – Давай возьмем.

– А зачем он? Ты можешь из него стрелять?

– Научимся! Я в спортивной школе из мелкокалиберной стреляла.

Рая подняла пистолет. Он был совсем маленький, умещался на ладони. Рая взяла из кобуры и запасную обойму – пригодится! – спрятала все за пазуху.

Девочки поспешно выбрались из оврага. Ахмет уже нарубил несколько охапок дров.

– Где вы запропалились? Я уж хотел искать...

– Мы пить ходили к ручью, дедушка, – не моргнув глазом, сказала Рая и склонилась к дровам.

Работа шла споро: Ахмет рубил, а девочки носили дрова к арбе. Часа через два воз был готов, и они отправились домой.

Неожиданная встреча

Холодное дыхание зимы с каждым днем становилось все ощутимее. Дули ледяные ветры. Под их напором трещали деревья, хлопали ставни, калитки. Временами шел снег – жесткий, колючий. Немецкие патрули ходили по городу, приподняв воротники шинелей и втянув голову в плечи.

В один из таких дней Рая шла по заданию комиссара Фролова к Дагалине. Навстречу ей шагал немецкий офицер. Но все в нем было что-то страшно знакомое: и невысокий рост, и вскинутый вверх подбородок, и бесцветные глаза, и белесые брови. И шел он не как немец – неторопливо, не ежась, словно мороз ему был совсем нипочем.

Поравнявшись с Раей, он взглянул на нее и раскинул руки, загоразживая дорогу.

– А-а-а! Старая знакомая! Лиля... Женья... То есть Рая! – воскликнул он на чистейшем русском языке, и Рая узнала в нем лейтенанта Слепцова, которого видела в Харькове на вокзале с военным корреспондентом Упрямовым и военврачом Калашоковым. – Кто бы мог подумать, что снова встретимся!..

Рая неприязненно скользнула взглядом по его фуражке с высокой тульей, по шинели.

Слепцов снисходительно улыбнулся:

– Да, прямо скажем, не очень приятно носить такую форму. Но... что поделаешь! – Он развел руками в щегольских замшевых перчатках. – Вы тут с бабушкой? А об отце что-нибудь слышно? – Он как-то вкрадчиво посмотрел на девочку.

Рая молча отрицательно покачала головой.

– Да-а? – Слепцов задумался, потом приподнял обшлаг рукава шинели – на запястье сверкнули маленькие (явно дамские) золотые часики. – Я тороплюсь, а мне надо сказать тебе очень важное... Может, немного пройдешься со мной?

Рая настороженно посмотрела на Слепцова, но все же согласно кивнула.

– Пошли! – сказал он и зашагал в сторону немецкой комендатуры. – Так вот, когда я был в командировке в Москве, зашел в «Красную звезду». Навестить знакомого – Игоря Упрямова. Ты, конечно, помнишь его – военный корреспондент. Так вот он мне рассказал... Пришлось это как-то так, к случаю – вспомнили Харьков, Мамеда Калашокова, потом вас с бабушкой... Игорь мне сказал, что отец твой... – он пропустил повстречавшегося немецкого офицера, отдав ему честь, и закончил фразу: – ...попал в окружение под Смоленском и...

Рая вскинула на него глаза.

– Но я не верю, чтоб погиб весь полк, – продолжал Слепцов. – Хотя немцы действительно устроили там нашим ужасный котел. Но в таких случаях наши просто сдаются без боя. А некоторые даже переходят на сторону немцев. Так что не исключена возможность, что твой отец...

Рая приостановилась и, не спуская со Слепцова глаз, с ужасом ждала, что он скажет дальше.

– ...попал в плен, – закончил фразу Слепцов. – И это, честно говоря, было бы очень хорошо. Все равно нам против немцев не устоять. Уже вся Европа у их ног.

Рая ничего не сказала.

Несколько шагов они прошли молча. Потом Слепцов спросил:

– Ну, а вы как живете тут? Наверное, трудно? Я бы мог кое-чем помочь вам. Баночку-другую консервов подбросить, сухого молока... И об отце узнать, если он жив... если в плену. Можно даже связаться с ним... – Он снова взглянул на часы и тут же остановился, сказал торопливо: – Я уже опаздываю... Давай договоримся так: сегодня у меня опера-

тивное совещание у шефа. Завтра тоже буду занят. А вот послезавтра... или как-нибудь на днях ты зайдешь ко мне на службу, и мы поговорим обо всем. Хорошо?

Рая, не поднимая глаз, кивнула.

Слепцов козырнул и, задрвав подбородок, торопливо зашагал в комендатуру.

Как только он скрылся за поворотом, Рая со всех ног бросилась бежать. Скорее, скорее к тете Дагалине! Рассказать ей об этой неожиданной встрече...

И вдруг страшная мысль сдавила сердце, перехватило дыхание. Она остановилась...

Да, как он сказал? «Некоторые переходят на сторону немцев... Не исключена возможность, что твой отец...» Правда, он добавил: «...попал в плен». И все же он ясно намекнул на другое. А может, он точно знает? Может, Игорь Александрович скрыл от нее, а Слепцову сказал?..

Она стояла около давно не работающего киоска «Мороженое», не ощущая ни пронзительного, ледяного ветра, ни мелкого колючего снега, бьющего в лицо, сыплющегося за воротник стеганки. Во рту пересохло, и она припала горячими губами к валику снега, накопившегося на стойке киоска... Перед глазами встал отец – добрый, честный, смелый...

«Нет, нет и нет! – решительно воскликнула она про себя. – Если бы папа был жив, он обязательно прорвался бы к своим, как те, о которых говорил Игорь Александрович». Она стряхнула с себя снег, подбила под платок разметанные волосы, запахнула стеганку, глубоко засунула в карманы окоченевшие руки и пошла тем не по-детски твердым шагом, каким идет человек, принявший бесповоротное решение.

Вот и знакомый дом. Рая открывает дверь и переступает порог.

Из кухни выходит Дагалина, в белом переднике, руки – в тесте.

– А, Раечка! – воскликнула она, подошла к девочке, поцеловала в щеку. – Ой, ты холодная как ледышка! Сейчас же раздевайся, разувайся – вот тебе тапочки – и на кухню. Будем греться и есть оладьи: я пеку их по рецепту твоей бабушки. Она у тебя удивительная мастерица.

За чаем Рая рассказала о встрече со Слепцовым.

Оказывается, Дагалина знает его: он работает в комендатуре переводчиком. Очень тщеславный, старается выслужиться. При допросах сам бьет задержанных. На ее глазах выбил одному молодому человеку зубы.

– Когда убираю его кабинет, меня так и подмывает вцепиться ногой в горло и задушить прямо в кресле!

Дагалина не сомневалась в том, что Слепцов, приглашая Раю в комендатуру и обещая помочь им с бабушкой, преследует какую-то корыстную цель.

И вдруг Дагалину осенила счастливая мысль: ведь и они могут использовать знакомство Раи со Слепцовым в свою пользу, как используют доверие и расположение комендантских служащих к ней, Дагалине.

– Раечка, послушай, дорогая... Мне кажется, очень хорошо, что Слепцов пригласил тебя в комендатуру, – сказала она девочке. – Тебе непременно надо сходить к нему... Непременно, понимаешь?!

Рая сразу уловила тайный смысл ее совета и была рада, что она поручает ей новое задание.

– Я обязательно схожу, тетя Дагалина. И потом все, все расскажу вам.

– Договорились!

Но случилось так, что Рая не сама пришла в комендатуру – ее привели туда...

Сильно простудилась бабушка. Еще с утра она почувствовала недомогание, а вечером ее свалил жесточайший жар. Она то впадала в забытие и бредила, разговаривала со своим сыном Николаем, звала внука Вову, то открывала глаза и спрашивала сидящую у ее изголовья Раю, что сейчас – утро или вечер.

– Вечер, бабуля. Скоро – одиннадцать.

– О, уже ночь! Иди, детка, ложись. Дай мне попить и ложись.

Рая поднесла к ее воспаленным губам чашку. Арина Павловна отпила несколько глотков, сказала:

– Как-то Ахмет говорил, он умеет готовить отвар из полыни и еще каких-то трав. Очень хорошо помогает от простуды. «Я, говорит, только и спасаюсь им».

– Бабушка, что же ты молчала?! – воскликнула Рая. – Я сейчас же схожу к нему.

– Нет, нет, внучка, поздно уж... Неудобно беспокоить в такое время старого человека.

– Ничего, бабушка. Дедушка Ахмет не обидится...

Из подвала поднялся комиссар Фролов. Опираясь на палку, он подошел к кровати.

– Добрый вечер, Арина Павловна! Ну, как вы чувствуете себя?

– Жар большой.

Комиссар приложил руку ко лбу старушки, затем послушал пульс.

– Рая, завтра же надо сообщить Дагалине. Возможно, удастся пригласить врача.

– Александр Алексеевич! Дедушка Ахмет умеет готовить отвар из полыни. Говорит, как рукой простуду снимает!

– Да, народное средство иногда бывает очень действенным.

– Я сейчас схожу к нему. А вы попросите Хабаса, чтобы посидел с бабушкой.

– Я сам побуду с нею... Только прошу, Рая, будь осторожна, избегай встречи с патрулями.

Домик Ахмета находился на противоположной стороне города. Рая пробиралась окраинными улочками и дошла благополучно, не встретив ни одной души, кроме бродячих собак.

Старик еще не спал, чинил сбрую и не очень удивился приходу девочки в столь поздний час: он уже привык к полуночным посещениям тайных «гостей».

Узнав, зачем пришла Рая, Ахмет вышел в сени, принес щепок, развел огонь в железной печурке, поставил на нее котелок с водой. Снял со стены какие-то крохотные мешочки, и когда вода закипела, засыпал в котелок по щепотке из каждого мешочка. Скоро по дому распространился горьковатый запах полыни и еще каких-то трав или кореньев. Старик дал покипеть снадобью, затем снял, процедил через ситечко в миску, вынес в сени остудить. Потом слил в бутылку, закупорил ее.

– Держи! Пока идешь, холодком обдаст, и будет в самый раз. Сейчас пусть выпьет чашку, потом утром. А потом еще на ночь, и вся хворь ко второму утру сойдет через пот.

– Спасибо, дедушка Ахмет! – Рая сунула бутылку за пазуху и убежала из дома.

Чтобы скорее напоить бабушку целительным отваром, решила сократить путь, пробираться не окраиной, не в обход, а прямо, через центральные улицы.

Конечно, это было рискованно: за последние дни в городе участились ночные пожары, кроме того, чуть ли не у самой комендатуры был ранен немецкий солдат, и теперь патрули были как никогда бдительны. Особенно усердствовали полицаи: они тащили в комендатуру чуть ли не каждого встречного. Но Рая надеялась, что ее не задержат: ведь она несет лекарство больной.

Но оно-то как раз и послужило поводом для привода ее в комендатуру.

Сначала задержали два патрульных немца. Обыскали – нашли бутылку.

– О, Фриц, шнапс! – воскликнул тот, что обыскивал.

Рая нарочито весело рассмеялась. И хотя не без запинок, но довольно толково объяснила фрицам на немецком языке, что это никакой не шнапс, а лекарство, которое она несет бабушке. И она очень и очень просит господ офицеров (хотя это были самые рядовые фрицы) не задерживать ее.

Немец откупорил бутылку, понюхал и хотел разбить о мостовую.

Его руку перехватил другой – пожилой, усатый.

– Оставь, Курт! Пусть идет.

Рая выхватила бутылку у патрульного и побежала.

Она уже миновала центр города, как наткнулась на полиция.

– Стой! – крикнул тот.

Она, конечно, сумела бы увернуться, но полицейский мог выстрелить в спину: такое не раз бывало.

– Куда идешь?

– Дядечка, я за лекарством бабушке ходила, – ответила Рая и, не дожидаясь обыска, достала из-за пазухи бутылку с отваром.

Полицейский схватил бутылку, потряхнул ею. Злорадно улыбнулся:

– Ловко придумала! Таким лекарством на той неделе склады спалили! – Он схватил девочку за шиворот. – А ну, марш со мной!

– Дядечка, ей-богу, это лекарство! Отвар!

– Там в комендатуре разберутся!

Через несколько минут полицейский ввел Раю во двор, уставленный машинами, мотоциклами. У стены, на привязи, – немецкие овчарки.

Полицейский толкнул девочку в помещение и повел по длинному узкому коридору. За дверью одной из комнат Рая услышала немецкую брань, какие-то глухие удары и стон. «Допрашивают задержанных!» – догадалась она и почувствовала, как сжалось от страха сердце.

В конце коридора полицейский толкнул Раю в небольшую комнату. В ней за голым столом, на котором стоял лишь телефон, сидел дежурный капрал. Он сонливо посмотрел на Раю, потом вопросительно уставился на полицейского. Тот, запинаясь и мешая немецкие, русские и кабардинские слова, объяснил, что задержал вот эту русскую с подозрительной жидкостью. Полицейский потряхнул бутылкой.

– Айн момент! – сказал капрал и скрылся за дверью другой комнаты.

Скоро он вышел оттуда и, придерживая обитую войлоком дверь, крикнул полицейскому:

– Битте!

Полицейский толкнул Раю.

За столом, накрытым зеленым сукном, сидел офицер с Железным крестом на мундире. Взглянув на задержанную, он недовольно поморщился, коротко бросил капралу: «Переводчика!» – и снова уткнулся в бумаги.

Наступила томительная пауза.

Рая оглядела комнату. Она была большой, светлой. В простенке, между плотно зашторенными тяжелыми гардинами окон, висел в позолоченной раме портрет Гитлера. Фюрер был в простой солдатской шинели без погон и в картузе без кокарды. Его крупные, слегка деформированные и смещенные черты лица – что безуспешно маскировалось усами и челкой – казались вялыми, как это бывает после приступа у людей, страдающих истерией. И только глаза – крупные и чуть выпученные, – как бы все еще храня след взрыва бесноватого характера фюрера, недоверчиво косили.

На стенах висели карты Советского Союза, Кавказа, план Нальчика.

Рая повела глазами на полицейского: тот замер в стойке «смирно», держа в левой руке бутылку с отваром.

Кто-то вошел, щелкнул каблуками, проговорил на немецком языке:
– Имею честь... По вашему приказанию...

Рая узнала голос Слепцова.

– Допросить! – не отрываясь от бумаг, приказал офицер, кивком показывая на Раю.

Слепцов шагнул к столу и, узнав Раю, изумленно уставился на нее.

Рая ждала, что он сейчас повернется к офицеру и скажет, что произошла ошибка, что девочку эту он знает. Но Слепцов, покосившись на бутылку в руках полица, строго сдвинул белесые брови, спросил стража порядка, где, как и при каких обстоятельствах он задержал русскую.

Когда полицай ответил, переводчик повернулся к Рае и так же строго потребовал рассказать, кто она и что за жидкость в бутылке.

Рая презрительно посмотрела в бесцветные глаза Слепцова. «Какой же ты жалкий трус и шкурник!» – мысленно произнесла она, резко отвернулась от переводчика и обратилась к офицеру на немецком языке:

– Господин начальник! Полицейский ошибся. Это не зажигательная жидкость, это лекарство!

Офицер вскинул голову, брови его удивленно взлетели на лоб.

– О, я слышу прекрасную немецкую речь! – Он повел рукой, как бы отстраняя Слепцова от допроса, откинулся на спинку кресла. – Слушаю.

Рая прижала кулачки к груди и всем корпусом подалась к столу.

– Понимаете... У меня тяжело болеет бабушка. Ей очень и очень плохо. Это лекарство я несу ей. Не задерживайте меня, господин начальник, отпустите. Мне надо торопиться.

Но господин начальник не торопился. Сложив руки на животе, он вертел большими пальцами, посматривая на девочку из-под тяжелых век.

– Господин начальник! Бабушка может умереть, если не принесу ей сейчас же!

– А что это за лекарство?

– Это... Это... – Рая никак не могла найти немецкое слово, обозначающее «отвар». Она растерянно смотрела то на офицера, то на Слепцова. Заметив, как насторожился фашист и как каменно-непроницаемым стало лицо Слепцова, Рая в отчаянии крикнула: – Не верите?

Она бросилась к полицая, выхватила у него из рук бутылку, вырвала пробку и сделала несколько крупных глотков...

Это произошло так неожиданно, что сначала все остолбенели. Затем офицер беззвучно затрясся всем своим грузным телом, затянутым в мундир, и громко рассмеялся. Слепцов и полицейский, совершенно обескураженные, хлопали глазами и, видимо, чтобы поддержать начальника, тоже заулыбались.

Офицер вышел из-за стола, взял у Раи бутылку.

– Я дольжон па-авторить эксперимент, чтоб быть уверен! – Он ткнул горлышко бутылки в губы полица.

Тот послушно открыл рот. Офицер опрокинул бутылку: светло-коричневая жидкость полилась, забулькала. Полицай не успевал глотать, захлебывался, задыхался. Отвар лился ему за ворот, обливал гимнастерку, полушубок...

Рая с ужасом смотрела, как убывает в бутылке. Вот уже в ней осталось меньше половины. Девочка бросилась к офицеру:

– Господин начальник! Оставьте бабушке!.. Бабушка умрет... – Она протянула руку к бутылке.

Офицер ударил ее по руке.

– Болван! Идиот! – рявкнул он на полицейского, когда бутылка стала пустой. – Вон!

Полицай выскочил из кабинета. Вслед ему полетела порожняя бутылка.

Слепцов поспешно закрыл дверь, взял под козырек:

– Разрешите доложить...

Он сказал, что лично знает девочку и ее бабушку, которая действительно болеет...

Рассказав, при каких обстоятельствах он познакомился с семьей Дмитриевых, Слепцов взглянул на Раю, добавил, что девочка со своим знанием русского, немецкого и кабардинского языков может очень пригодиться им в комендатуре.

Офицер закивал:

– Я, я. Гут!

Он подозвал к себе Раю, спросил, как ее зовут. Сказал, что он накажет того болвана, который задержал ее... Ну, а что касается бабушки, то на все воля всевышнего. Если бог позовет ее к себе, немецкие власти не оставят Раис. Он, фон Бернер, лично позаботится о девочке.

Он потрепал девочку за подбородок, вскинул пухлую руку:

– Ауфвидерзейн!

– Ауфвидерзейн, господин Барнер! – как можно почтительнее ответила Рая и даже изобразила некоторое подобие реверанса.

Слепцов вышел из кабинета вместе с Раей.

В дежурной комнате приводил себя в порядок с головы до ног облитый отваром полицай. Рая метнула на него гневный взгляд. Слепцов сказал:

– Я завтра поговорю с нашей сестрой, Дагалиной. Возможно, она сумеет помочь твоей бабушке.

– Спасибо! – выдохнула Рая.

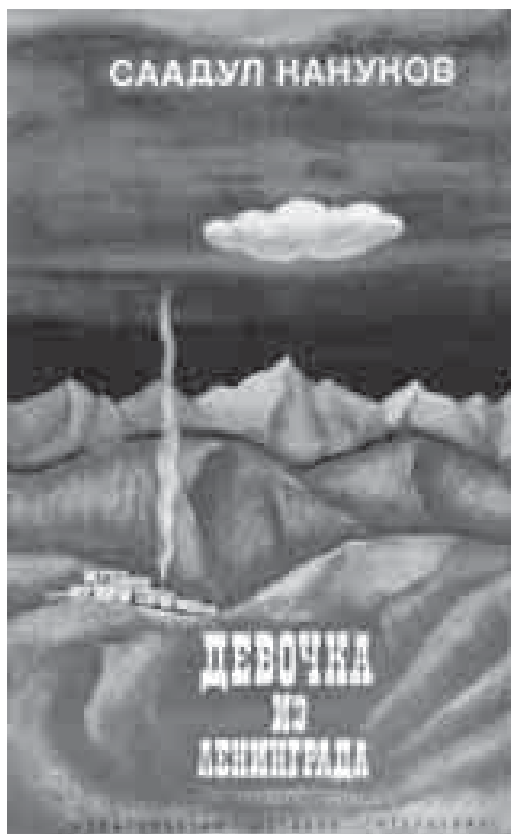
Слепцов подозвал полицая, кивнул на девочку:

– Проводишь ее до дома: приказание шефа! Ясно? Шагай! – И приветливо девочке: – До свидания, Раечка!

– Ауфвидерзейн! – по-немецки, как бы подтверждая свою причастность к тому делу, которому служит он, Слепцов, ответила Рая.

Инна КАЖАРОВА,
кандидат филологических наук

«ДЕВУШКА ИЗ ЛЕНИНГРАДА» СААДУЛЫ КАНУКОВА. МОДАЛЬНОСТЬ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА

В 1974 году в московском издательстве «Детская литература» вышла книга Саадулы Канукова (1927–1987) «Девочка из Ленинграда». Художественная литература в то время – одна из безусловных, высоко ценимых составляющих духовной жизни, и опубликование национального автора в переводе на русский в центральном издательстве – знак вхождения его в ряды лучших. Конечно, в глазах носителя языка переводы эти способны вызвать к себе отношение более чем неоднозначное, но все же это не умаляет стимула, подстегивающего к движению национальную литературу и конкретную творческую личность: если произведение удостоено перевода, значит, определенные идеи автора заслужили того, чтобы быть

донесенными к десяткам тысяч читателей, тем более что в культурном пространстве советского периода русский стал языком межнационального общения.

Событие оказалось знаковым не только для самого Саадулы Канукова, но и для всей области, откуда он был родом. Как вспоминает об этом писатель и журналист Зуфар Камбиев, в домах культуры Кабардино-Балкарии устраивались встречи с писателем, велись оживленные обсуждения, по книге писали сочинения студенты и школьники¹. Но вот что любопытно: отправной точкой такого повышенного и шумного интереса на тот момент оказалась именно переводная версия романа. Можно сказать, она перетянула на себя все внимание местного читателя. Во многом это объяснимо, ведь книга вышла в столице, сюжетом и пафосом благополучно вписывалась в настроение эпохи, отвечая идеям патриотического воспитания. Говоря иначе, в ней присутствовал тот необходимый набор характеристик, что соответствовал стандартным «установкам воспринимающего субъекта» (В. Тюна).

Ценностные предпочтения времени, в свете которых русскоязычный перевод обретал большой резонанс в сознании национального читателя и бóльшую авторитетность в глазах исследователей национальной литературы, сыграли свою роль. Ведь и литературно-критические труды тех лет апеллируют преимущественно не к подстрочным, а именно к художественным переводам, при том, что последние, как правило, ориентированы на ментальность языка перевода и в своем осуществлении неизбежно несут потери. Так или иначе, оригинальный текст романа «Девушка из Ленинграда», опубликованный тремя годами раньше переводной версии, оказался в тени.

Сегодня, при прочтении и сопоставлении обеих книг, подобный перекокс кажется какой-то мистификацией, ведь, по сути, кроме Раи – имени главной героини – в произведении не осталось ничего от оригинальной версии. Так, повестный роман Саадулы Канукова был нещадно сокращен и преобразован в повесть для детей среднего возраста, сильно изменен и украшен его сюжет, перетасованы герои, введены новые. Изменения коснулись и названия: «Девушка из Ленинграда» («Ленинград кьикIа хьыджэбз») стала «Девочкой из Ленинграда» – трансформация на первый взгляд незначительная, на самом же деле изменившая концептуальный вектор произведения (и к этому мы еще вернемся).

Из произведения совершенно исчез дух города Нальчика, те его штрихи, те черточки, момент узнавания которых так дорог местному читателю, ибо делает хронотоп романа, особенно на его послевоенном отрезке, родным до щемящего чувства, а погружение в него – абсолютным.

Кроме всего, нивелировалась национальная специфика, исчез дух адыгства, этнические ценности, в оригинале упорно проступавшие сквозь мрачные условия изображаемой реальности, сквозь судьбы адыгского общества, порядком преобразованного уже в довоенный период. Конечно, в переводе А. Волкова был сохранен кавказский колорит, но он достигался главным образом посредством пейзажных зарисовок. В остальном же, а это частое использование тюркизма «джигит», употребление непривычных для русскоязычной аудитории имен (так, спаситель Раи военврач Мажид становится в переводе Мамедом Махмудовичем, учитель

Мухарби – Абдурахманом Исаевичем), индивидуальность культурного контекста уверенно шла на убыль. Была ли в том необходимость соответствия шаблонам художественных текстов патриотической направленности или своеобразная возможность самовыражения, но переводчик явно создал поверх произведения С. Канукова нечто свое.

Сегодня и об авторе романа, и об его произведении вспоминают редко. Кроме обозначенного выше газетного очерка З. Камбиева, опубликованного в 2001 году, за последнее время возникла лишь строчка с его именем и названием романа в разделе «Авторы, не состоявшие в Союзе писателей» словаря «Кабардинские писатели» (1999) и короткое упоминание о романе в «Истории кабардинской литературы» (2013).

В Союзе писателей Саадула Кануков, действительно, не состоял, да и к активному взаимодействию с писательской средой, за редкими исключениями, склонен не был. Путь его творческого становления был непрост и довольно прерывист. Быть другим он и не мог. Сначала в него вторглась реальность войны, затем последовало разветвление его на две трудно соотносимые сферы – сельскохозяйственную и писательскую.

Еще в ранней юности в нем пробудилась тяга к стихотворству, война же отбила виды не только на писательство, но на возможность вообще продолжать образование.

С уходом отца на фронт Саадула – старший ребенок в большой семье – становится главной опорой своей матери. Он отправляется работать телятником на молочно-товарную ферму, трудится на пастбище. Спустя много лет эпизоды той поры будут запечатлены в его рассказе «Денежное вознаграждение», – как под бомбежками наступающего врага он, еще мальчишка, спасал скот с Зольских пастбищ, как стало фронтовым его родное село Кызбурун-III, как он бунтовал против принудительных работ, на которые фашисты сгоняли жителей села, и как чуть было не поплатился за этот бунт своей жизнью.

Комиссованный с фронта в 43-м тяжело раненный отец вскоре ушел из жизни. Саадула трудится вместе с матерью в колхозе, не оставляя эту работу также и в послевоенное время, когда решает вернуться к школьным занятиям. Много о трудностях этого возвращения, но главное, о том, что интерес Канукова к литературе не был обыкновенным увлечением, говорит фрагмент из его письма известному прозаику Хачиму Исхаковичу Теунову: «...хотел бы вспомнить, с какой настойчивостью вы заставили меня вернуться к учебе, то, как в послевоенное время Ваши добрые советы и внимание поддерживали меня, я никогда не позабуду»².

По окончании школы Кануков поступает в педагогическое училище, но спустя год переводится в сельхозтехникум. Можно представить себе стремительность и легкость постижения тонкостей сельскохозяйственной работы человеком, который вошел в нее с детских лет.

Техникум он оканчивает блестяще, после чего направляется в колхоз им. Шогенцукова Баксанского района старшим зоотехником. Он трудится в колхозе и хранит заветную мечту о том, чтобы иметь возможность погрузиться в творчество: «... закончив свой трудовой день, каждый вечер садился за стол, чтобы продолжить мною начатую повесть»³ – такими словами он открывает автобиографическую повесть «Неудержимое стремление». Именно это стремление подвигнет его, дипломированного специалиста сельского хозяйства, вернуться в Нальчикский пединститут, на филологический факультет, по окончании которого, в 49-м, его направят в Советский район для налаживания в области периодической печати. Там он станет главным редактором организованной им газеты «Путь к коммунизму», но уже через три года ему придется сменить место работы. Канукова назначат партийным организатором колхоза «Аушигер», в нем же он будет трудиться и по своей первой специальности. Можно с уверенностью сказать, что все рождавшееся под его пером рождалось вопреки подобным «отступлениям».

Наиболее систематично С. Кануков начинает работать над своими произведениями в 60-х годах. В этот период он пробует себя в прозе, настойчиво ищет свою тему. На волне этих поисков и появляются автобиографические зарисовки. А в самом начале, как мы уже сказали, были стихи.

К сожалению, из поэтических опытов Канукова на сегодня сохранилось очень мало, но и эти крупинки, как хочется верить нам, позволяют подобраться к облику писателя, понять его настроение. Сам он упоминает в своем рассказе о том, что в 1943 году им были написаны стихи и поэма о борьбе наших войск против немецко-фашистских захватчиков⁴. Некоторые из его ранних произведений мы обнаруживаем на страницах литературно-художественного альманаха «Кабарда». Так, его лирическое стихотворение помещено в выпуске 1945 года.

Только что отшумела война и владеющие умами художников герои и темы очевидны. В основном пишут о боях, о доблести, о героях-партизанах, или же о радостях мирного труда. Авторы именитые и не очень. Алим Кешоков с его поэмой «Отец» и военной лирикой; пронизанные победным пафосом стихи Адама Шогенцукова; лирические портреты героев, начертанные пером Амирхана Хавпачева и Амирхана Шомахова; стихи Нури Шогенцукова, Мартина Алхасова, Хазраила Белгушева... и в самом конце поэтической подборки – одно стихотворение Саадулы Канукова. Он молод, ему восемнадцать, он излучает светлое чувство романтической привязанности и с глубокой непосредственностью изливает его в своем «Сэлам гуанэ узохыр» («Приветствую тебя»):

*Я, в тебя влюбленный,
Лишь изредка с тобой заговариваю.
С каждым коротким твоим ответом
Как мое сердце вспархивает, слышу.*

*Твой уход меня огорчает,
С подступившей слезой гляжу на тебя,
(О том), чем обделено мое сердце, не зная,
Спешно ты дверь закрываешь.*

(Подстрочный перевод наш. – И. К.)

Можно предположить, что короткое стихотворение «*Анэм и япэ гуфIэгъуэ*» («*Главная отрада матери*»), опубликованное в альманахе 1953 года, также принадлежит ему, хотя в «Содержании» указан Саадула Канишонов, а на странице, где помещено само стихотворение, значится уже Саадула Каноков. Это произведение – типичный для времени призыв к поступательному движению подрастающего поколения по благодатной дороге знаний.

Что же касается военно-патриотической тематики, доминирующей в художественном пространстве тех лет, то в большей мере она даст себя знать в его прозаических опытах.

Конец 60-х – начало 70-х – время господства в кабардинской литературе романа, и Каноков движим мечтой создать масштабное эпическое полотно. В этот период появляется уже упомянутое «Неудержимое стремление» (1963) – искренняя исповедь о периоде творческого распутия, а несколько позже – проникнутая революционным пафосом повесть «По следам отца». Судя по переписке и коротким ремаркам в автобиографических зарисовках, большое влияние на его судьбу и приверженность к художественному слову возымели Хачим Теунов (1912–1983) и известный осетинский писатель Тотырбек Джатиев (1910–1984), с ними он общается и ищет совета в поиске своей темы. В конце концов, он останавливается на том, что ему хорошо знакомо и близко – война и детство, – и разворачивает эту тему в романе «Девушка из Ленинграда».

Оценивая роман сегодня, по прошествии почти сорока лет с момента его опубликования, убеждаешься в том, что «Девушка из Ленинграда» наделена способностью, для романной масштабности малохарактерной: не отпускать внимание своего читателя, всецело удерживая его от первой строчки до последней. Это при том, что в произведении нет никакой психологической заостренности, нет эпизодов, «цепляющих» воображение. Очень выдержанная манера повествования, ситуации и события вполне типичные для произведений о военном времени. Тем не менее, в пространство, созданное С. Каноковым, читатель входит очень быстро и так же быстро в него вращается. Обаяние искренности пронизывает все уровни романа, потому безыскусность его особого свойства, отсюда и его притягательность.

О силе этой притягательности можно судить по бурной реакции читателей газеты «Ленин гъуэгу» («Ленинский путь») на прекращение публикации отрывков из романа: «Спустя приблизительно месяц в ре-

дакцию стали поступать письма от читателей газеты. «Почему вы прекратили публикацию романа «Девушка из Ленинграда?» – спрашивали они и обращались с просьбой напечатать то, что осталось неопубликованным. «Нам чрезвычайно понравился роман Саадулы Канукова, и мы хотим знать, что стало дальше с его героями, как сложилась их жизнь, – говорилось в одном из них. – Просим опубликовать роман до конца». Не осталось ни одного селения республики, откуда не приходили бы такие письма. Их писали домохозяйки, учителя, молодежь, старики, пастухи, занятые на летних пастбищах»⁵.

Многое из того, о чем повествует С. Кануков в романе, ему пришлось прочувствовать еще в нежном возрасте, в пору формирования своей личности. «Девушка из Ленинграда» – произведение о тяжелом периоде военной оккупации, но сознание художника мало устремлено к эпизодам боевой доблести. Здесь примечательна не столько тема, сколько угол зрения, под которым она раскрывается. Жизнь в оккупированном Нальчике читатель наблюдает глазами девочки-подростка, оказавшейся здесь в поисках спасения от гибели, нависшей над ее семьей в Ленинграде, прошедшей через ужасы бомбежки, во время которой погибла ее мать. Война и детство, взгляд повзрослевшего до времени ребенка – это сокровенное самого автора.

К произведениям прежних лет о войне чаще всего приступаешь с невольным предчувствием того, что возвышенно-героическое и патриотическое так или иначе будет заслонять в них земного человека. Эпизод, в котором Рая оказывается в противотанковом рве, а до этого – упоминание о ее занятиях стрельбой на курсах военной подготовки, встреча с подпольем во время скитаний ее и бабушки по селениям усиливают ожидание какого-то стереотипного хода, внедрения шаблонов, но всякий раз, к счастью, это ожидание оказывается обманутым. Зато художественный перевод движется от обратного, помогая осуществиться всем стереотипам: очутившаяся в окопах Рая без тени страха и робости перевязывает раненых, выхватывает из рук ослабевшего солдата оружие и убивает фашиста, позднее она становится правой рукой командира подполья, являет бесстрашие на ответственных заданиях... То есть последовательно слагается история юного партизана, и в этой истории чувствуются размах и плакатность.

Между тем система ценностей оригинала совершенно другая. На каждом витке романного действия оригинал остается верен принципу «малых величин», а потому несравнимо тоньше и многограннее всего того, что в гипертрофированном виде отразил перевод. Разумеется, героико-патриотические мотивы присутствуют и здесь, но без какой-либо бравады. Все действия Раи в окопах будут совершаться через судорожное преодоление оцепенения и страха, а результат автоматной очереди по фашистам не будет столь очевидным, как в переводе – *Правда ли, дядя*

Сергей? Неужели ли и мне удалось убить фашистского солдата?» (Здесь и далее фрагменты из романа приводятся в нашем художественном переводе, фрагменты из повести, как уже было отмечено, – в переводе А. Волкова). Страшась того, что фашисты узнают об этой отваге, она надежно запрячет газету – предмет ее бесконечной гордости – на передовице которой будет помещена статья с ее портретом. А позднее, испытав пристальный интерес к себе полицаев, она вместе с бабушкой покинет дом, и начнется долгая череда скитаний во имя своего спасения.

В переводной версии образ главной героини вполне подчиняется шутовскому определению ее бабушки, прозвучавшему еще в начале повествования, – «солдат в юбке». В дальнейшем же будет происходить градация этого образа: «похожа на мальчишку-сорванца»⁶; «она и раньше походила на мальчишку, а сейчас – со стриженной головой, в мальчишеской рубашке – совсем русский паренек Сережа»⁷; «по-мальчишески остриженная, в брюках, в мягких аккуратных сапожках, в шапке из золотистого каракуля, в солдатской гимнастерке, перехваченной в талии узким ремешком, украшенным бляхами (все это ей подарил сам командир), живая и стремительная, она успевала всюду...»⁸; «Рая, в шапке-ушанке, в меховой куртке, как кавалерист, сидела в седле»⁹.

В оригинале же это вполне обычная девочка, и читателю, погружившемуся в реальность романа, она тем и становится дорога, что все ее страхи, переживания, а также преодоление этих страхов и переживаний воссозданы с жизненной достоверностью. Причем достоверность этого преодоления достигается не за счет психологической детализации. Мысль о переходе отца на сторону врага ложится грузом на детскую душу и омрачает те редкие минуты радости, которые дарит ей жизнь. Подавленность, которая тихо живет под спудом постоянно меняющихся событий, автором особо не акцентируется, и, тем не менее, ощущается в подтексте постоянно. Именно на этом и основана «драматургия» романа, которая оказалась совершенно проигнорированной в переводе, и в этом его главная утрата. Настоящим героем в глазах читателя Раю делают вовсе не пунктирные эпизоды доблести – они лишь краткие остановки в ее сложной истории. «Девушка из Ленинграда» – это, конечно, повествование об отваге мирных жителей в условиях немецко-фашистской оккупации, но оно и о другом.

В романе две основные эмоциональные линии, и обе непосредственно связаны с главной героиней. Одна из них, как уже сказано, – переживание по поводу отцовского предательства, другая – постоянное беспокойство за хрупкую жизнь бабушки, единственного родного человека, присутствующего в жизни Раи.

Оказавшись в тиши пока еще мирного Нальчика, Рая пребывает в напряженном ожидании вестей о судьбе ушедшего на фронт отца и младшего брата, затерявшегося во время бомбежки на вокзале в Харькове.

Еще там, на вокзале, военврач Мажид Калажоков, случайная встреча с которым определила спасительный маршрут ее и бабушки в Нальчик, пообещал девочке задействовать все возможности, чтобы разузнать что-нибудь о пропавших. А спустя месяцы ее разыщет друг Мажида, корреспондент «Красной Звезды» Игорь Упрямов, чей удрученный вид и уклончивость в разговоре поселят в ней предчувствие беды. Рассказ Упрямова окажется страшнее всех догадок Раи: ее отец, майор Николай Петрович Дмитриев, после трехдневного боя под Киевом сдался в плен. По радиоперехвату вражеских позиций опознан его голос, и, в довершение всего, в одном из военных штабов Игорю Упрямову представлена фашистская листовка с фотографией Николая Дмитриева и его воззванием к советским солдатам перейти на сторону врага...

Оглушенная Рая не сразу поверит в услышанное – *«Не может быть, чтобы мой отец, любивший нашу маму, ненавидевший немцев, оказался предателем! Неправда, дядя Игорь! Там какая-то ошибка!»* – но, так или иначе, с этого момента бремя сомнений и страха ей придется нести в полном одиночестве, поскольку слишком очевидно, что тяжелобольная бабушка подобных вестей пережить не сможет.

На всем протяжении романного действия бабушка, Раиса Николаевна, балансирует на грани жизни и смерти. Сыплющиеся на нее удары судьбы – гибель невестки, бесследное исчезновение внука – подкашивают ее здоровье, болезнь периодически приковывает ее к постели, и Рае приходится после школы подменять ее на рынке, где та устроилась дворничихой. Еле теплящаяся в Раисе Николаевне жизнь, точно слабая нить, разрыв которой грозит лишит духовной опоры жизнь ее внучки. За ее состоянием читатель следит с замиранием сердца. И то, что эта нить не обрывается, то, что бабушка переживает все тяготы, в самые сложные минуты непостижимым образом собирая остатки своих сил, в определенной степени воспринимается как метафора возможной победы над тем кошмаром, в который погружена душа ее внучки.

Недетская сила духа живет в стремлении тринадцатилетней девочки оградить близкого человека от потрясений, не подать виду, все выдержать самой. Момент, когда опасение за жизнь бабушки заслоняет все эмоции ребенка, в день вражеского наступления очутившегося в противотанковом рву, обнажает силу этой привязанности. Рая видит, как разрывающиеся снаряды «прокладывают путь» к Нальчику, и понимает, что если они и не убьют, то, вероятнее всего, лишат рассудка старую женщину. Но прежде чем Рае удастся вернуться домой, прежде чем разрешатся ее сомнения, ей доведется испытать в окопах столько, сколько иному не выпадет за целую жизнь. Только на закате этого злополучного дня она увидит, наконец, очертания Нальчика, и поймет, что разрушения оказались менее страшными, чем ей представлялось. Все пережитое уйдет на второй план в споре надежды и цепенящего страха, который будет сопровождать ее

до самого дома. Тревожный взгляд героини и сопереживающий ей взгляд автора тесно переплетаются в несобственно-прямой речи, – чудом уцелевший мир потеряет смысл, если в нем уже нет бабушки: *«Если так, может, и дом, в котором квартируют Димитриевы, тоже остался цел. Но не пострадала ли бабушка? Кто знает, может Рая застанет ее невредимой, ведь не может же маленькая девочка стать несчастной во всем, остаться круглой сиротой. Как бы ни старалась она уверить себя в лучшем, тяжесть не спадала с души... Бедная бабушка, как же ты переживала сегодня, сколько пришлось тебе перенести из-за меня! Наверняка, ты все еще страдаешь, думая, что твоя единственная радость, свет твоих очей убита, больше к тебе не вернется, больше не доведется тебе ее увидеть. Однако она возвращается, бабушка, она сейчас будет рядом! Только бы ты оказалась жива».* Встреча бабушки и внучки – один из наиболее напряженных эпизодов романа. Путь к дому кажется бесконечным. Наконец, Рая достигает своей улицы, наконец виден их дом, он уцелел, значит, бабушка жива. И действительно, у калитки виднеется чей-то силуэт, он отчетливо выделяется из темноты. *«Девочка различила бы этот силуэт, даже если бы тот находился в глухих зарослях, не говоря уж о том, что он виднелся возле их калитки. Еще не успел вырваться из ее груди радостный крик, как она услышала родной до боли голос, голос, к которому так спешила, который, казалось, никогда больше не услышит, и от этой мысли волосы вставали дыбом, голос, от которого так сладко начинала бежать по жилам кровь:*

– Рая, сердечко мое, это ты?!

Сколько ожидания, сколько надежды было в этих словах, в этом голосе! Вряд ли это уловил бы посторонний, но девочка, которую обездолила война, бедняжка, у которой не осталось другой опоры, воспринимала его не просто душой, а всем существом, каждой жилкой:

– Это я, бабушка, золотая моя! – закричала она в ответ и со всех сил бросилась к знакомому силуэту».

Подобных моментов «чудесных исцелений» Раисы Николаевны в романе будет немало. В образе нищенки она будет скитаться вместе с внучкой по селам, скрываясь от преследователей-полицаев. Она переживет все тяготы военного времени и встретит великую Победу, и это будет также личная победа их маленькой семьи над злой судьбой. Она будет гордиться студенческими успехами своей внучки и с трогательной заботой ограждать ее расцветшую красоту от гнетущей бедности.

В русскоязычной версии история взаимоотношений бабушки и внучки, теснота их эмоциональной связи сведены на нет. Подобно этому перевод обошел стороной и проблему отступничества.

Как мы уже сказали, предательство отца – событие, на котором завязана «драматургия» романа. Это событие обозначено приблизительно в начале произведения и замыкает его финал. Писатель изображает его

главным образом через тихое страдание своей юной героини. В отношении нее оно не подается прямолинейно (ведь это хранимая ею тайна), но с ним соизмеряется все, что происходит в ее жизни. Соизмеряется в том смысле, что обесценивает ее надежды и усугубляет горести. Она не может, подобно своей подруге Фатимат, мечтать о возвращении отца; ее сердце сжимается, когда она видит, как бабушка внимательно слушает письмо красноармейца и думает о своем сыне, даже не подозревая о его предательстве; она мучительно продумывает ответы, которые ей наверняка придется давать на расспросы одноклассников об отце. Трагедия Раи заглублена, но тем проникновеннее сила ее преодоления. Даже когда в Нальчик возвращается мирная жизнь, ее личная война с собственной бедой, ее тихое противостояние продолжается. Она хранит молчание, делает все ради спокойствия бабушки, блестяще учится в школе, является примером для сверстников, пленяет отзывчивостью окружающих. Страдания выковывают из хрупкого ребенка человека с большой буквы.

Ее тайна откроется лишь под напором обстоятельств. Однажды Раиса Николаевна принесет домой пособие, назначенное их семье за воюющего на фронте сына. Тогда Рая, требуя вернуть эти деньги, вынуждена будет поведать потрясенной бабушке о предательстве отца. Несмотря на стойкую веру Раисы Николаевны в невиновность сына и увещевания не отказываться от помощи государства, Рая настаивает на своем. Слишком уж очевидно для нее, что впустив в свою жизнь подобную двойственность, она лишится того хрупкого равновесия, которое питает ее душевные силы: «Я смогу открыто смотреть в лица людей, только если сама буду честной». Утром следующего дня она сама отнесет деньги в собес, а спустя месяц получит документ, в котором будет сказано, что в силу того, что Димитриев Николай Петрович оказался предателем Родины, семья лишается права на пособие.

В попытке как-то отмежеваться от всей этой истории Рая сменит фамилию. Ее примеру последует и бабушка. Теперь уже вдвоем они постараются начать новую жизнь, но в один из дней к ним явятся с извещением о депортации их в числе других семей изменников Родины. Вскоре после этого бабушку и внуку доставят на железнодорожный вокзал, откуда должны будут тронуться эшелоны со спецпоселенцами.

С трагедией главной героини пересекаются и другие линии изображения проблемы отступничества, что позволяет взглянуть на нее не только изнутри, но и со стороны. Так, оказывается изменником Аскерби, брат бесстрашной подпольщицы Люси, в доме которой во время оккупации скрываются от преследователей Рая и бабушка. Невольно они становятся свидетелями тяжелой сцены объяснения Аскерби с его семьей. В тот момент в душе девочки происходит непонятная ей самой борьба: страх и презрение к изменнику мешаются с чувством сострадания к оступившемуся человеку. «Рая видела, как ранят его их упреки. Непонятно

почему ей вдруг становилось его жаль, и она желала ему осознать свою ошибку, понять, что он ступил на проклятый путь. То вдруг хотелось, чтобы он скорее удалился, оставив в покое домочадцев». И, в общем-то, Аскерби оправдывает ту искорку веры, которая блеснула в душе Раи, хотя бы тем, что на какое-то время отводит от нее подозрения полицаев. Уже после оккупации Рая узнает, что Аскерби удалось выправить свой путь. Он сделал все, чтобы вернуться к своим, понес заслуженное наказание и теперь переведен в штрафной батальон. Разные подступы к изображению выявляют неоднозначность проблемы и неоднозначность увязшего в ней человека.

На вокзале среди толпы депортируемых Рая видит молодую женщину, которая когда-то приютила их на одну ночь. Остаться у нее на более долгий срок не пришлось, поскольку ее свекор, переметнувшийся на сторону оккупантов, потребовал выдворить непрошенных гостей. Женщина эта, дочь большевика, расстрелянного фашистами, весь период оккупации и после нее, вопреки постоянным скандалам, не покидала дом свекра, – ждала с войны своего супруга. Верная обычаям, она хотела встретить его в отчем доме, там, откуда его проводила. И вот, как член семьи изменника, теперь расплачивалась за преступление, которого не совершала. Не спасало ни происхождение, ни тот факт, что супруг продолжал сражаться в рядах советской армии.

Истории, пересекающиеся с фактами отступничества, сложны и неоднозначны. Сколько бы безвинных людей не оказалось в толпе, которая под конвоем военных ожидала на вокзале своей участи, их бы не услышали. Преступника и жертву меряют одной мерой. Все парадоксально равны и в попытке доказать свою правоту, и перед неотвратимостью наказания. *«Все сейчас шумят, жалуется, утверждают, что их ничто не связывало с фашистами, божатся, что ни в чем не повинны. И кто же здесь установит, правы они или виноваты? Который из них честен? Который чист перед лицом Родины?»*.

Героине Канукова удалось избежать депортации. Хлопотавшая о ее спасении подруга Люся привлекла к помощи бывшего командира подполья, и ему удалось вытащить из беды Раю и ее бабушку. Однако случай Раи единичный, как говорится, счастливое исключение. И здесь же, словно метафора неразрешимости общей тенденции, – безмолвный диалог удаляющейся с вокзала Раи и провожающей ее взглядом женщины: *«Уходя, Рая оглянулась и взглядом попрощалась со своей знакомой, едва заметно ей улыбнувшись. Та глядела на нее сиротливо, завидуя ее спасению. И у Раи от жалости к ней щемило сердце»*.

Здесь важно сказать, что подавляющее большинство лиц, из числа тех, с кем сталкивает героиню жизнь, одухотворяют пространство романа. И образ несчастной женщины, с которой состоялось безмолвное прощание Раи, один из них. Вглядываясь в семантику пространства, в

котором происходит действие, можно отметить два основных плана его изображения. Здесь не только традиционное пространство лишений, которым подвергается оккупированная врагом территория, но также пространство преодоления, которое явлено, прежде всего, через быт, повествующий о взаимоотношениях людей.

В общий план сливаются жилища, подвергшиеся разграблению оккупантов; мрачные улицы, патрулируемые полицаями; противотанковые рвы на окраине Нальчика, над которыми впоследствии фашисты будут расстреливать семьи активистов; поваленные деревья центрального парка; заброшенное здание школы, ставшее пристанищем бандитов. И словно просветы среди этого мрака – настойчиво акцентируемая автором опрятность, упорядоченность быта людей, у которых находят приют главные героини. В абсолютном большинстве это быт, структурированный законами адыгской ментальности. Особенно выразительна в этом отношении внутренняя опрятность лачужки Нохшир.

Просящие милостыню Рая и бабушка в поисках ночлега останавливаются перед покосившимся домиком с заклеенными газетными листами окнами. Его хозяйкой оказывается одинокая немощная старушка. Рая недоумеваает, наблюдая опрятность ее скромного жилища, – старой мало-подвижной женщине такое не может быть под силу. Однако очень скоро получает этому объяснение: ближайшие соседи обеспечивают ее всем необходимым и поддерживают чистоту жилища. Тяжелое время не отменяет моральных установлений адыгов, и внутреннее пространство домика Нохшир красноречиво повествует об устойчивой, упорядочивающей силе обычаев. Нигде не говорится прямо ни о человечности взаимоотношений, ни об устойчивости обычаев, их упорядочивающей энергии. Да и не должно говориться. Просто этим дышит произведение. Попутно заметим, что в контексте этой ментальности раскрываются выразительные эпизоды ныне уже позабытой утонченности межчеловеческих отношений.

Рая и ее бабушка оказываются органичны той системе ценностей, с которой их сталкивает судьба. Почитание традиций сквозит в отношении главной героини к приютившей ее среде. Рая осваивает кабардинский язык, охотно впитывает в себя обычаи, проникается ими настолько, что в одном из эпизодов она уже с точки зрения носителя адыгской ментальности бросает упрек перешедшему на сторону немцев офицеру: в тексте произведения есть приметы, выявляющие укорененность в традицию Раиной семьи, что в какой-то степени предопределило ее духовную цельность. Перевод, акцентировавший образ юной партизанки, конечно же, все эти тонкости миновал. Между тем, любопытно, как трансформация ценностных доминант совершается даже за счет незначительных, на первый взгляд, деталей. Еще в экспозиции оригинала семья главной героини был представлена через скупой на описания эпизод воскресной прогулки, в которой

участвуют Рая с родителями и ее младший брат. Тот же эпизод сохранен в переводе, однако замена имен сразу же трансформирует духовный облик этой семьи. Теплое старорусское звучание фамилии Димитриевы (в переводной версии – Дмитриевы), судя по всему, было выбрано С. Кануковым не случайно. Все члены этой семьи связаны цепью передающихся из поколения в поколение имен, и это «созвучие» косвенно свидетельствует о ценностях семьи, о приверженности традиции. Рая, по всей видимости, наречена в честь бабушки, Раисы Николаевны (в переводе – Арина Павловна), маленький Коля (в переводе стал Вовкой) – в честь своего отца – Николая, сам же Николай, судя по отчеству своей матери, – в честь деда.

На протяжении всего повествования автор пытается удерживать точку зрения своей героини, оценивать мир через призму ее души. Вероятно поэтому, в отличие от переводной версии, здесь крайне скупы упоминания ее внешности. Сначала появляется короткая характеристика, мелькнувшая в сознании немецкого солдата, ввалившегося в дом, в котором квартировали Рая с бабушкой: «хъыджэбз зыхэуфӀея цӀыкӀу» («девчушка-замарашка»). Позднее автор описывает болезненность переживаний Раи по поводу того, что ей пришлось облачиться в мальчишескую одежду. (В переводе же ее очень забавляет мальчишеский облик.) И ближе к финалу – прелесть ее преображения. Не случайно вынесенная в заглавие фраза «девушка из Ленинграда» звучит почти в самом конце романа. Эту фразу, перешептываясь, будут произносить абитуриенты техникума, в котором появится Рая.

Во двор техникума, скромно опустив голову, вступит стройная девушка в красивом платье из красного штапеля, автор описывает ее прекрасные серо-голубые глаза, вздернутый носик (только теперь мы и видим лицо главной героини), светлые волосы, заплетенные в свободную косу. Появляется не просто красивая девушка – она особая, словно из другого мира: «...она напоминала красавицу-тхаухуд из сказок»¹⁰. Эта особенность – итог ее духовной стойкости. Нет следов тяжелого труда, лишений. И здесь вовсе не очередная вариация преображения гадкого утенка в прекрасного лебедя. Это торжество человеческого духа над чередой лишений, своеобразная награда за преодоление бесконечных страданий, преодоление боли и страха, которыми было отравлено ее детство. Что интересно, только после такого апофеоза духовной стойкости автор «спасает» свою героиню, показав в финале романа, что ее страдания были следствием чудовищной ошибки. Что будет дальше, как будут развиваться события, – не важно. К героине (да и к читателю) возвращается свободное дыхание. В переводе же все это отсутствует, и главная героиня в финале все еще подросток.

В финале оригинала ощущение мира становится полнокровным. В этом смысле роман бережно хранит эмоциональную доминанту уже

ушедшей эпохи, ведь «Девушку из Ленинграда» писал человек, которому была открыта пронзительность переживания мирного состояния жизни.

Сегодня перевод произведения кажется примитивным и тенденциозным. Но он был принят читателем, и, насколько нам известно, у самого Канукова не вызывал возражений. И дело было не только в соответствии перевода ожиданиям широкой читательской аудитории. История, связанная с переводом, судя по всему, была очень непростой. Автор не тешил себя надеждой, что это событие может вообще состояться. Так сложилось, что русскоязычное издание к неожиданной радости Саадудлы Канукова обнаружил на полке книжного магазина его брат. Сколь существенными ни были бы отличия перевода от оригинала, автор был рад и такому признанию.

Как было замечено нами в самом начале, одной из метаморфоз перевода оказалось значительное сокращение текста произведения. В автобиографическом рассказе «Денежное вознаграждение», рукопись которого хранится в личном архиве дочери писателя, Зарины Кануковой, сам он объясняет это обстоятельство так: «...роман вышел повестью в Москве в «Детгизе». Там включили в план издания в 16 листах романом, но отдельные товарищи создали препятствия вокруг моего произведения, и заведующей «Детгиза» Каримовой пришлось отступить, и издавали «Девушку из Ленинграда» повестью в 11 авторских листах»¹¹. О том, кто именно возводил препятствия, история деликатно умалчивает. Но это уже и не важно. Важно осмыслить все то, что было утеряно при переводе и важно восстановить роман в его заслуженных правах на читательский интерес.

Примечания

1 *Къамбий З.* «Дыгулыбгъуей Бальзак» // Адыгэ псалъэ. 2001. № 132 (19.05). Июлым и 12.

2 Архивный фонд национального музея КБР. ИКЛМ. 23/913. С. 118. (Впервые текст письма в переводе на кабардинский приводится в книге А. Хакуашева «Хачим Теунов. Жизнь и творчество». Нальчик, 2013.)

3 Личный архив З. Кануковой.

4 Там же.

5 Там же.

6 *Кануков С.* Девочка из Ленинграда. Повесть. М.: Детская литература, 1974. С. 111.

7 *Кануков С.* Девочка из Ленинграда. Повесть. С. 121.

8 *Кануков С.* Девочка из Ленинграда. Повесть. С. 143.

9 *Кануков С.* Девочка из Ленинграда. Повесть. С. 169.

10 *Къаныкъуэ С.* Ленинград къыкIа хъыджэбз. Налшык: Эльбрус, 1971. Н. 277.

11 Личный архив З. Кануковой.

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

Главы из романа¹

Казнь в карьере

Лес неожиданно закончился. Впереди, в пятистах шагах от нас, мы увидели деревню с обгоревшими домами. Их было около шестидесяти. Мы из укрытия на опушке леса осмотрели, насколько это было возможно, всю местность. Перед нашим взором открылась панорама деревни среди широкого поля, обрамленная хвойным лесом. На окраине деревни был карьер, где обычно добывали глину для хозяйственных нужд – замазать печку, дом, курятник. В формах одного размера из глины, видимо, делали кирпичи. Гончары из глины изготавливали посуду.

Вдруг мы увидели, как женщины, жители деревни, бегут к глиняному карьере с причитанием и плачем и прячутся в заглублённой её части. Такое поведение женщин, видимо, было связано с каким-то тяжелым происшествием, подумали мы, и последовали за ними.

Мы оба были солдатами, выдавшими виды людьми, но от увиденного у нас волосы встали дыбом. То, что предстало перед нашими глазами, не поддавалось пониманию разумного человека.

В карьере были ямы разных размеров, где вручную добывали глину. Эти ямы были использованы извергами в качестве могил для людей и присыпаны землей. Отовсюду торчали руки, ноги. Земля шевелилась, оттуда доносились стоны ещё живых.

Всё мы видели, но заживо похороненных не приходилось видеть. Оказалось, что фашисты перебили жителей деревни, раненых свалили в эти ямы и присыпали землёй.

Женщины сбитыми до крови руками сгребали с тел глину, пытаясь найти живых. Мы присоединились к ним и стали извлекать людей из-под грунта. На нашу радость среди мертвых попадались и живые. Так, среди живых извлеченных оказались два мальчика семи-восьми лет, девочка, которой было примерно двенадцать лет, старик, старуха и мужчина сорока пяти лет, который поседел от всего перенесённого.

Убедившись, что других живых нет, мы с меньшим энтузиазмом присыпали грунтом трупы погибших. Стояла гнетущая тишина. У женщин и детей на лицах были грязные полосы от смешения слез, пота и пыли. Стояли молча, понурые, в оцепенении от перенесенного

¹ Продолжение (начало см. в № 2, 2018).

стресса. Словами не выразимая свинцовая тяжесть на душе притягивала к этой земле. Предательская слеза потекла у меня по щекам. Открытой ладонью вытер слезу с щеки, заодно рукавом пиджака вытер пот со лба.

Постояв немного возле страшного кладбища в карьере, люди один за другим потянулись к деревне, тихо переговариваясь. Мы с Сафарби, особо не отдавая себе отчета, куда идем, потянулись за ними. Трагедия этих незнакомых людей стала и нашей трагедией в течение короткого времени.

Извлеченных из могил людей поддерживали под руки родственники, знакомые, односельчане. С трудом передвигали ноги пожилые. Горе, которое обрушилось на жителей этой деревни, было общим для всех.

Нестройная цепочка горем убитых людей шла медленно. Мы с Сафарби оказались в конце потока. По ходу движения мы догнали девочку, идущую впереди. Какое-то время мы втроем шли молча, затем Сафарби заговорил с ней:

– Девочка, а как это случилось? Кто их убил? И за что их убили?

Сначала она посмотрела на нас, чужих людей, с подозрением, после неохотой поддержала разговор и стала рассказывать. Из её рассказа мы узнали следующее. Два дня назад в деревню въехали немцы, как хозяева. Жители деревни очень испугались. Приход фашистов ничего хорошего не предвещал. Они бесцеремонно заходили в дома, брали всё, что им понравилось. Так они зашли в очередной дом с целью поживиться. Но там один из солдат увидел красивую девушку, которая убиралась по дому. Она застыла, увидев непрошеного гостя, который, судя по кривой усмешке на лице, зашел с недобрыми помыслами. Он стоял, облокотившись о косяк двери, нагло рассматривая её, и что-то лепетал по-немецки.

Она не знала, что делать и замешкалась, затем рванулась к окну, пытаясь выпрыгнуть и убежать. Но немец догнал её, схватил сзади за живот и притянул к себе, потом набросился и стал рвать на ней одежду. От неожиданности девушка стала кричать, сопротивляться. Фашист в азарте не замечал ничего и хотел завершить свое грязное дело. Шумная борьба между насильником и жертвой затянулась. На крик дочери прибежал отец, ремонтировавший на заднем дворе ограду. Он обухом топора забивал колья. Голос дочери звал о помощи. С трудом понимая, что происходит, он, обуянный отцовским инстинктом, запыхавшись вбежал в дом. Он бежал, ведомый криком любимой дочери, машинально не выпустив рабочий инструмент из рук. Залетев в дом, еле передохнув, увидел немца-насильника и дочь с разорванным платьем и нижним бельем. На мгновение в голове у него помутилось. Потеряв самообладание, он ударил топором по затылку насильника, свалил врага насмерть. Обмякшее тело

рухнуло на пол. Всё произошло очень быстро. Мужчина, не готовый к такому развитию событий, был в шоке и стоял неподвижно возле трупа с окровавленным топором в правой руке. Дочка, всхлипывая, пыталась прикрыть части своего тела разорванным платьем.

Истошные вопли, исходящие из дома, потревожили ещё двух немецких солдат, один из которых пытался поймать поросёнка в сарае. Поросёнок визжал, не давался и ускользал между растопыренными руками и ногами солдата. Его это очень злило. Автомат, висевший на груди, сковывал движения, и он решил закинуть его за спину. Но вдруг его постигла мысль пристрелить поросенка, поскольку поймать того просто так не удастся. Он уже поднял автомат, когда услышал крики. Быстро вбежал в дом. Увидев труп своего товарища, не задумываясь выпустил автоматную очередь в отца и дочь одновременно. Они, как подкошенные, бездыханно свалились рядом на пол.

В эту секунду в дом вбежала мать девушки с серпом в руке. Она удаляла проросший бурьян в огороде. Тревожный голос дочери она безошибочно определила и поспешила в дом на помощь. Но немецкий солдат оказался проворнее и на её глазах расстрелял мужа и дочь. Её охватило бешенство, блеснули глаза, и она, как кошка, в прыжке нанесла удар острым серпом по горлу немца и снесла голову убийце мужа и дочери. Кровь из горла фашиста брызнула фонтаном и залила трупы лежащих на полу.

– Откуда ты всё это так подробно знаешь? – спросил я девочку пересохшим ртом.

– Да как мне не знать? Это были мои родители и старшая сестра.

– Где же ты была, когда всё это происходило? – спросил Сафарби.

– Было ещё утро. Я спала и шорканье веника от сестры Лены, которая делала уборку в соседней комнате, разбудило меня. Я лежала и нежилась в постели, не хотелось вставать. Накануне вечером мама сменила постель, и я с удовольствием вдыхала запах чистого белья. Лежала, закрыв глаза. На соседней кровати спал девятилетний братишка Павел. Лена перестала шоркать. Стало тихо. Вдруг Лена как закричит, мой сон как рукой сняло. Мы с Павлом испуганно соскочили с кровати и прильнули к стеклянной межкомнатной двери, зашторенной сетчатой занавеской. Через мелкую сетку занавески мы хорошо видели то, что происходило в соседней комнате, а нас оттуда не было видно. В комнате возился незнакомый солдат, белесый, с похотливыми свинячьими глазами. От одного вида этого рыжего немецкого борова, толстыми пальцами раздирающего ситцевое платье Лены, мы с Павлом онемели и, дрожа от страха, молча наблюдали за происходящим. Я не знаю, откуда у Лены столько сил набралось. Она боролась отчаянно, не переставая кричать. Всё происходило без слов. Вся последующая жуткая сцена – появление отца, автоматная очередь и последующие

кровавые события, связанные с появлением матери, – тоже без слов. Мы с Павлушей были в каком-то ступоре от вида крови. Из оцепенения нас вывел голос матери.

– Бегите не мешкая! – кричала она. – Прыгайте в окно! Бегите живо! Если удастся, бегите в лес! Если не удастся убежать в лес, то хотя бы скройтесь в погребе рядом с кухней. Меня фашисты не пощадят... Прощайте.

Она ещё не договорила, когда в дверях показался фашист с автоматом. Не дав ему выстрелить, мать размахнулась мирным серпом, который стал смертельным оружием, ударила по линии лба и снесла часть черепа. Пальцы фашиста уже чисто конвульсивно нажали на курок, но пули полетели в потолок. После этого выстрела я распахнула окно, дала прыгнуть братику, а затем выпрыгнула сама. Я, наверное, немного задержалась, потому что брат, не дожидаясь меня, побежал в сторону леса. Но его схватили озверевшие фашисты.

В деревне началось столпотворение из-за того, что убили немецких солдат. Началась облава на всех жителей деревни. Людей сгоняли без разбору для расправы. У фашистов один вид расправы – это расстрел. До жителей деревни доходили слухи о зверствах оккупантов. Некоторые считали, что эти слухи – пропаганда. Мол, немцы – это цивилизованный народ, и варварства они не допустят. Кто-то стал молиться, полагаясь на всевышнего, и по своей наивности каждый считал, что его минует горькая участь. Другие с приближением немцев к деревне ушли вглубь леса. А те, кто остались, когда немцы зашли в деревню и стали забирать всё съестное, терпели спокойно, что, мол, поделаешь, война всё-таки, а какая война без грабежа. Но, когда началась облава, немцы открыто показали истинное лицо, все рассуждения люди откинули прочь и рванули в лес спасаться, кроме пожилых людей и детей. Но было уже поздно, кольцо облавы сжималось, и те, кому удача не улыбнулась, и они попали в лапы извергов, – сейчас в сырой земле лежат там, в карьере.

Девочка, сделав паузу и, переведя дух, продолжала свой горестный рассказ.

– Я не знаю, как погибла моя мать. Я скрывалась в погребе. Там, в погребе, меня не покидала одна мысль: в смертельно опасную минуту, когда жизнь висела на волоске, мама беспокоилась о нас с Павлушей. Сила матери как бы передалась мне, и я стала за какое-то время взрослой и жесткой, стала смотреть на многие вещи по-другому.

Как только стало тихо, я вышла из погреба и стала искать брата. Как видите, мои поиски увенчались успехом. Сама откопала среди трупов и тел общей могилы там, в карьере, своего маленького брата Павла. Он ранен в ногу, видимо, когда он упал, сверху на него упала баба Дуся, наша соседка, сраженная пулей. Возможно, баба Дуся прикрыла своим телом Павлушу и тем самым спасла ему жизнь.

Нас глубоко задел рассказ незнакомой девочки.

– А сколько тебе лет? – не удержался я, чтобы не спросить.

– Тринадцать лет, но, кажется, мне уже все сто, – ответила уныло девочка.

Мы с другом удивленно переглянулись. К горлу подступил комок. На моём лице зашевелились желваки. Руки сжались крепко в кулаки. Я отвел взгляд в сторону и посмотрел вдаль, где, возможно, обитали наши враги.

– Не бойся, мы отомстим за них за всех, – нашел утешительные слова для девочки Сафарби.

Он погладил голову мальчика, лежавшего на земле, снял свой запачканный глиной пиджак и накрыл его, чтобы отогреть, затем взял на руки Павла и понес к деревне. Девочку знобило, видимо, она простыла в погребке. Я снял свой пиджак и накинул девочке на плечи. Мы пошли вслед за Сафарби. Девочка путалась в полах пиджака, но упорно шла вперед. Её упорство меня удивило. Накинутый на худенькие плечи пиджак доходил ей до щиколоток. Больно было смотреть на осиротевших детей. Проклятая война! Сколько сирот она породит и больно ударит по судьбе каждого из них. С гибелью родителей эти дети похоронили радость родительской ласки, тепла. Жестокий мир ещё не раз ударит по их сиротской судьбе. Она сама ребенок, а на её попечении ещё раненый братик.

Сафарби донёс мальчика до дома и положил на кровать. Вытер выступивший на лбу пот. Я вслед за Сафарби зашел в дом и отпрянул, пытаясь не наступить в лужу крови по полу. Хотя трупы были убраны, кровь ещё не была смыта. Жуткое зрелище, которое разыгралось в этом доме, стояло перед глазами. К сожалению, мы должны были оставить детей здесь. Только стены этого дома могли обогреть и прокормить их. Я подумал, что бы сказали повидавшие виды старики нашего села, если бы оказались сейчас здесь. Наверное, нашли бы какие-то слова для этих несчастных детей. И я, войдя в образ старшего, обратился к девочке:

– Много ещё свалится на твои детские плечи. Твой отец, мать и сестра героически погибли, будь и ты такой же сильной. Так получилось, что на твоём попечении остался маленький братик. Ты старшая, и ты должна нести ответственность за него. Твой личный героизм сегодня – это забота о младшем брате. И для этого ты не должна жалеть сил и пройти непреодолимые преграды. Таков закон родства, действующий у нас на Кавказе. Ты же сама говорила, что сила духа твоей матери переселилась в тебя. Так пусть эта сила духа никогда не покидает тебя в жизни. Пусть тебе и твоему братику сопутствует удача.

За несколько часов совершенно чужие люди стали совсем как родные.

Извлечение пули

Когда пришла пора расставаться, у детей на глазах выступили слёзы, мы тоже были очень взволнованы. Но что поделать – война, никто из нас не знал, что ждёт его впереди.

В военное время жизнь подчинялась своим правилам. Нам с Сафарби надо было идти. Прижав детей к себе, мы стали прощаться. Павел был слаб, хотя держался мужественно, а причиной этому оказалось его ранение. Осмотрев рану, я понял, что надо срочно извлечь пулю из ноги. Отложив наш уход, я пошел в сарай в поисках каких-нибудь инструментов, с помощью которых можно было извлечь пулю из ноги мальчика. Я нашел щипцы, в погребе оказался самогон, острый нож и ножницы я нашел уже в доме, разорвал чистую простыню на полосы, чтобы перевязать рану после операции. Разжег печку, поставил чугунок с водой, сложил туда весь набор инструментов и прокипятил. Подготовив инструменты к работе, по тому же принципу, как в детстве вытаскивали занозу, я приступил к операции.

Дав команду Сафарби, чтобы он держал Павла крепко, полил самогон на рану, затем надрезал рану ножом, расширил выход пули из тела и, ухватив грубыми щипцами пулю, спокойно вытянул ее. Павлуша от боли страшно закричал и потерял сознание. Пощупал пульс – живой. Пот с меня лился потоком. Оглянулся – девочка стояла в углу, по-прежнему бледная и неподвижная. Она также была закутана в пиджак. Я объяснил ей, что пулю обязательно надо было извлечь из ноги Павла, рана могла загноиться, и поскольку в округе не было ни одного врача, это могло привести к гибели ребенка.

В железных тисках рук Сафарби Павел не сильно брыкался. Обработав рану самогоном, наложив подорожник, я туго перевязал. Спустя небольшое время Павел открыл глаза. Я пояснил девочке, что необходимо ежедневно менять повязку на ноге. Она стояла молча. Пришлось тряхнуть её, чтобы привести в чувство.

Прополоскав руки водой, мы оба собрались уходить и вышли за ворота. Она очнулась и нетвёрдыми шагами вышла провожать нас. За воротами она кинулась и обхватила нас обоих за колени, прижалась головой к нам. Мы переглянулись, не зная, что делать, развели руки над головкой хрупкой девочки. Приобняв сиротку за худенькие детские плечики, я, заикаясь, стал выговаривать какие-то слова утешения. Это мгновение я запомнил на всю жизнь.

Нежно отстранив сиротку от себя, мы молча, не оглядываясь, зашагали за околицу, в сторону леса. Оглянувшись назад, я увидел, что девочка стояла со слезами на глазах и смотрела жалобно нам вслед. Я попытался изобразить на лице улыбку. Но трудно было спастись от этого сиротского взгляда. Ускорив ход, я как бы пытался убежать

от горя, которое принесли фашисты детям. Сафарби поторапливался за мной.

Терзаемые одной и той же мыслью, мы оба оглянулись одновременно. Девочка неподвижно стояла на том же месте. Заметив, что мы оглянулись, она попыталась сделать движение рукой, но запуталась в полах большого пиджака. На её лице промелькнула улыбка, которая сменилось тоскливой гримасой. Слезы катились из глаз. С приближением к лесу мы всё чаще оглядывались. Девочка стояла и смотрела вслед. Впереди где-то далеко раздавались оружейные выстрелы.

Самоанализ

Мы снова шли по лесу. После жаркого, насыщенного событиями дня лесная прохлада остудила и немного успокоила нас. Шли молча. Долго не могли заговорить. Каждый думал о том, что нам пришлось испытать за эти два дня. Возможно, кто-то и за всю жизнь не увидит такого...

Сафарби, как бы сам с собой, не обращаясь ко мне, заговорил:

– Когда мы в сарае сожгли фашистов, не знаю почему, но в мою душу закрались сомнения. Мой мозг буравила мысль о том, что мы совершили тяжкий грех. Но после того, что мы сегодня увидели, я понял одно: не все люди догадываются, какую угрозу несет фашизм. А ты знаешь, у нас на Кавказе могилы подлых, гнусных людей копают глубже, чем обычные, чтобы злой дух из-под земли не восстал. Так вот – будь прокляты все фашисты и провалиться им всем до единого сквозь семь пластов земли! Пусть дух нацистов исчезнет с лица земли. Пусть война закончится и после этой войны перед человечеством не встанет призрак фашизма никогда. Что они творят, что они творят!

Он остановился и стал качать головой.

Я тоже остановился, перевел дыхание от быстрой ходьбы. Смотрю на друга, он стоит с отрешенным взглядом и вглядывается вглубь леса. Присмотревшись к Сафарби, я понял, что трагическая история, которая произошла на наших глазах, терзает его. Одно дело – находиться в гуще событий, становясь свидетелем, другое – уже после всего вспоминать пережитое, подключив воображение. Простому человеку сделать такой анализ непросто, поскольку всё контролирует и фильтрует совесть. Так вот, эта червоточина грызет изнутри, высушивает мозги до предела. И человек постоянно задает себе вопросы типа: «Все ли я правильно сделал? А как надо было поступить? Это по-человечески или нет?».

Человек, не обремененный совестью, не мучает себя вопросами, с легкостью совершает любые поступки, выходящие за границы морали. Ему легко и просто.

И вот моего земляка настиг момент критического самоанализа. Здесь он сам себе судья. Никто ему не поможет.

По правде говоря, я сам был склонен к такому анализу. Это сидело где-то внутри меня, и все поступки в дальнейшем я всегда переосмысливал и переоценивал. Я старался не выплескивать эмоции, время было не то, всё наболевшее, и мысли, и чувства, держал при себе, опасаясь несвоевременно расслабиться, растратить себя, а ведь я солдат, и в эту минуту у меня совсем другие задачи. Я часто замечал, что эмоциональные люди сжигают себя изнутри из-за каждого пустяка. На войне ещё больше, чем в мирной жизни, от человека требуется выдержка. В солдатской судьбе, заточенной на выживание и победу, всякая происходящая трагедия воспринимается как обыденность, как реалии войны. С принятием этих реалий, жестокости упрощается жизнь человека в адских условиях. А война – это ад на земле.

Пока я был в плену своих мыслей, Сафарби сел отдохнуть под деревом, крошки веток которого высоко возносились к небу. Я тоже плюхнулся рядом с ним и сразу же ощутил слабость, желание отдохнуть, просто поспать.

Я закрыл глаза. Лучи солнца не могли пробиться сквозь густую листву. Лесная прохлада, запах хвои магически действовали на мои уставшие конечности. Руки, ноги сами вытянулись, расслабились и приготовились отдохнуть без команды мозга. Так прошло несколько минут. Сон полностью овладел моим телом, и я стал дремать. Сквозь дремоту мне слышался шорох листьев, на которых лежал, ворочаясь, Сафарби. При этом под ним ломались сухие веточки с характерным звуком, который сродни был пистолетному выстрелу. Я не реагировал на эти звуки. Сон поглощал меня с невероятной силой. А мой друг кряхтел, ворчал, словно рассерженный, недовольный столетний старик. Всё это заставило меня разомкнуть слипшиеся глаза.

– Клянусь всевышним, мало их сжигать! Они вообще недостойны жить на белом свете. Звери проклятые, лишённые всего человеческого, убивающие всё живое на своем пути, не жалея ни стариков, ни детей. Зачем их убивать? Разве эти старики и дети вторглись в Германию и совершили там преступление? Или ещё в чём-то они виноваты перед Германией? Это же безвинные люди. Они у немцев ничего не украли, наоборот – фашисты пришли к ним домой что-то отобрать. Да некоторые из этих несчастных не знают, не ведают, где эта Германия. Человеческое проклятье пусть обвалится им на головы! Прости меня, всевышний, – то ли мне, то ли сам себе говорил Сафарби.

Я всё лежал с закрытыми глазами. Сон прошел. Теперь я долго не засну, слишком больно было вспоминать огонь, через который мы прошли не как зрители, а как участники событий, как настоящие солдаты.

Оба встали и пошли молча. Шли рядом по лесной чащобе, не обращая внимания на хлеставшие наши лица ветки и даже не пытаясь от них уклониться, не думая о том, что можем остаться без глаз. Тяжелые думы гнали нас дальше и дальше. Шли молча. В подсознании после трёхдневных бессонных ночей шевелилась мысль: «Он во всём прав».

Стемнело. Движение ночью по лесу опасно. Можно нарваться на вражескую засаду, попасть в яму, в обрыв, сломать ногу, угодить в болото, застрять в трясине, утонуть. Лес таит много опасностей, и потому надо быть предельно осторожными. Темнота ограничивает передвижение. Природа человека такова, что у него зрение намного слабее, чем у зверя. Все же, несмотря на все ограничения, мы за ночь прошли километров тридцать. Под утро особенно сильно хочется спать, глаза сами закрываются, но подсознание помнит об опасности и предупреждает, что следует быть осторожными в нашей непростой ситуации.

Светало. Теплые лучи солнца осветили макушки елей, а затем стали пробиваться между деревьями. В блике солнечных лучей на темном фоне деревьев отблески света пронизывали лес разноцветными, невероятно красивыми световыми полосами.

Подумать только, как удивительно устроен мир. Несмотря на расстояние в тысячи километров эти самые лучи солнца освещают и наше село на Кавказе! Сейчас оставить бы эти ужасы, войну и по воле всевышнего оказаться дома. Увидеть родных и милых сердцу людей. Наверное, они тоже с тоской вглядываются в небо, молясь за спасение наших душ в промежутках между тяжелыми сельскохозяйственными работами. В моём воображении встали лица всех близких людей, односельчан, друзей. Наверное, все друзья воюют против ненавистного врага на различных фронтах. Интересно, как сложилась их военная судьба.

Мечты увлекли меня своей сладостью, но война живёт по своим законам...

Среди чистого лесного воздуха я почувствовал запах дыма из печной трубы. Легкий ветерок с востока доносил запах дыма. Мы оживились и ускорили шаг в сторону доносящего запаха. С каждым шагом все отчетливее доносился деревенский шум: где-то запоздало закукарекал петух, коровы зычно звали телят, а телята, оторванные от молока матери и до конца не насытившиеся, призывно кричали. Гуси, гогоча, вышли из хлева на свободу, отчего издавали радостные звуки, покачиваясь из стороны в сторону и расправляя крылья. Где-то раздался визг поросенка. Заблеяли овцы, потерявшие своих ягнят. Ягнята, выписывая пируэты, подскакивали к овцам и приникали к соскам, жадно попивали молочко. Эти звуки смешались с запахами свежеспеченного хлеба, сваренной картошки, вкусного борща. Деревня с первыми лучами солнца по привычке рано проснулась и была занята своим мирным трудом.

С запахами, тянувшимися из деревни, чувство голода, которое у нас притупилось, напомнило о себе. Тут-то мы ещё острее почувствовали, что уже трое суток практически ничего не ели. Нам обоим хотелось сразу же пойти в деревню и там наесться вдоволь. Но мы оба знали по опыту, что любая деревня, любой дом, строение, сарай таили в себе незримую опасность. Там, где обитал человек, всегда рядом опасность. Таков непреложный закон войны, требующий от солдата максимальной собранности, внимания. Нельзя, поддавшись чувству голода, совершать опрометчивые поступки, без разведки идти в деревню, это было смерти подобно. Надо было проявить терпение. Безусловно, кто идет в разведку, подвергается риску быть схваченным немцами, полицией.

Я не хотел подвергать друга риску. Дать приказание я был не вправе, поскольку землячество уравнило нас. Я даже не знал, в каком он воинском звании, потому сделал выводы про себя и сказал:

– Сафарби, давай поступим так: я пойду, погляжу, что там в селе происходит, есть ли там немцы или нет. Если их там нет, постараюсь раздобыть какую-нибудь еду и вернусь. А ты сиди здесь и никуда не уходи, – предложил я.

– Нет, – не согласился он, – давай я схожу или же пойдём вместе.

– Вместе нельзя – вдруг оба попадёмся? Помочь будет некому. А если один попадётся – ты понимаешь, о чём я, если одного схватят немцы, другой поможет и освободит. Из этих соображений тебе следует остаться здесь, в лесу, в укрытии, а я вернусь через час-другой. Если же не вернусь, поступай, как знаешь. Не вернусь – значит, попался.

Сафарби снова было попытался возразить, но я настоял на своём, твёрдо сказал, что пойду я, а на чём эта твёрдость была основана, не могу понять до сих пор.

Разведка

Переходя от одного укрытия к другому, я добрался до окраины села, зашёл во двор крайнего дома. Хозяйка только что подоила корову и выходила из хлева, когда я столкнулся с ней на заднем дворе. Оба перепугались. Несколько мгновений постояли, молча, как бы испытывая друг друга. Она оглядела меня – много ума не нужно было, чтобы понять, кто я. Движением головы, не говоря ни слова, велела мне зайти в дом, а сама пошла за мной, оглядываясь в опасении, не увидел ли кто.

Молоко из ведра через марлю она процедила в кастрюлю. Зачерпнула из кастрюли большой кружкой и дала мне выпить. Я не отрываясь выпил всю кружку молока и только выдохнул, как тут же в деревне появились на машинах и мотоциклах немецкие солдаты и офицеры. Сойдя с машин, они с автоматами наперевес стали окружать село, а собаки,

защищая свои дворы, выскочили за ворота. Немцы шли очень уверенно, их ничто не останавливало. Они шли, на ходу пристреливая собак, визг раненых животных больно резал слух. Я бросился к окну, но там уже было пятеро немцев, бросился к двери – и там уже трое. Я невольно попятился назад. Что делать? Хоть бы оружие какое-нибудь было при мне – я бы дорого отдал свою жизнь. Эти мысли лихорадочно роились в голове, когда дверь рывком открылась и вошли немцы.

– Русиш швайн, ком, ком хир, – сказал немец, стоявший с автоматом впереди, и левой рукой показал мне на дверь, приказывая выйти, а сам прицелился мне в самое сердце.

Я стоял как вкопанный. Немец немного продвинулся вперёд и, приставив дуло к моей груди, подтолкнул к выходу. Я сделал два шага, женщина с побелевшим лицом, стоявшая у стены, сдёрнула с гвоздя фуфайку и сунула мне. Второй солдат правой рукой держал автомат наизготовку, а левой рукой толкнул женщину к дверному выходу вслед за мной. От полученного толчка она припала к моей спине. Ноги у неё на мгновение запутались, она тут же сгруппировалась и, не падая, вышла за дверь на крыльцо. На крыльце я неожиданно получил удар в спину от солдата, стоящего там. Он так сильно ударил между лопатками прикладом карабина, что я слетел с крыльца в пыль перед домом, как мячик. От такого же удара упала женщина с крыльца прямо на меня. При падении платье задралось и обнажило ее колени. Я встал с пыли и, пытаясь помочь подняться женщине, подхватил ее за плечи. Немецкие солдаты не ожидали увидеть такое уважение к женщине, пошло стали шутить на своем языке и смеяться. От смеха солдат кровь прилила к голове и учащенно забила в висках. Все мышцы моего тела напряглись, и я в эту секунду в прыжке хотел схватить горло одного из фашистов и задушить.

Женщина в одно мгновение быстро сообразила, что я задумал, глянув на мои налившиеся кровью глаза. Она поняла, что до зубов вооруженные фашисты пристрелят нас обоих, стоит мне только шелохнуться. И вообще, что можно было сделать голыми руками в этом конкретном случае. Она схватила меня за руку, крепко сжала и шепнула: «Сейчас не время».

Тихо сказанные слова магически подействовали на меня, я тут же успокоился.

Посмеявшись над нами, фашисты погнали нас со двора. Таким же образом со всех домов выгоняли людей на улицу. Люди спросонья не понимали, что творится, куда их гонят и зачем. А некоторых непроснувшихся жителей вытаскивали из постелей и в одном исподнем сгоняли в общую толпу, которая всё увеличивалась, потом прогнали до середины села. Офицер отдал приказ на немецком языке. Нас, согнанных на широкую площадь, принялись сортировать: молодых в одну сторону, стариков – в другую. Подогнали грузовые машины, открыли задние

борта и молодых стали загонять в них. Машины полностью загрузили людьми, и нас повезли.

Где-то через полчаса езды полил холодный дождь. Только тогда я вспомнил о фуфайке, которую мне дала женщина при выходе из дома. Не выпуская из рук фуфайку, я сел в машину и ехал всю дорогу с ней. Находясь в мучительном поиске выхода из создавшегося положения, я попросту забыл про фуфайку. Холодные капли дождя привели меня в чувство. Оказывается, фуфайка у меня в руках, я совершенно её не замечал. Из-за скоротечности событий женщина не успела одеться и была в одном платье, а я – в рубашке. Фуфайка для такого случая как нельзя была к месту и ко времени. Я поднял фуфайку над головой, спасаясь от дождя, и пригласил её встать под укрытие. В её глазах мелькнула искорка улыбки в знак благодарности за заботу, и она прижалась ко мне. Я ощутил женское тепло, оно меня согревало, и мне было приятно. Мы не обращали внимание на других, мы в эту минуту находились в каком-то изолированном мире, незримом для окружающих. Любое движение машины нас плотнее прижимало друг к другу. Чем сильнее лил дождь, тем больше хотелось прижаться к теплому телу. Фуфайка прикрывала нам головы и плечи, и то не полностью. Наша мокрая одежда прилипла к телам.

По моим рукам, придерживающим фуфайку над головой, сплошным потоком лилась дождевая вода. Чувствую, что потоки воды, пройдя всю одежду, рубашку, брюки дошли до обуви. Ливень, смешанный с порывами ветра, пронизывал до костей. От такого холода зуб на зуб не попадал. Длинные русые волосы женщины, хотя были заплетены, слиплись и лежали вдоль спины по красивой фигуре почти до щиколоток. Озабоченный тем, как бы вырваться из лап немцев, я её даже не разглядел. Надо сказать, что женщина была очень привлекательна. Я ощущал нежное прикосновение её рук и её дыхание на своей груди. Маленькие уши, курносый носик, прямые черты лица, статная фигура. По-моему, для одной женщины это слишком много, сделал я вывод.

Странно устроен человек – мы, плененные, находясь в плачевном состоянии, тянулись к жизни. Вопреки всему молодость тянется жить и чувствовать. Немецкая жестокость не смогла разъединить нас, холодный проливной дождь не остудил. Чужая женщина, имени которой я даже не знал, стала мне родной за короткое время.

Проселочная дорога раскисла под воздействием обильных осадков, и первая машина, шедшая за мотоциклом, застряла в грязи и забуксовала на месте. Водитель пытался с раскачкой выехать из грязи, но это лишь усугубило положение, он окончательно засел. Впереди едущий мотоцикл на скорости хотел развернуться, чтобы прийти на помощь водителю автомашины, но зацепил глушитель двигателя за корягу на обочине и сорвал его. Мотоцикл стал издавать очень громкие хлопки.

Звуки, издаваемые мотоциклом без глушителя, раздражали всех, включая немцев. Объехать застрявшую машину никак нельзя было. Пришлось остановиться всем машинам. Полевая дорога не предназначена была для передвижения машин в непогоду во время дождя. А ливень всё лил и лил. Машина, в которой нас везли, была второй в колонне. Я судорожно искал возможность сбежать.

Срочно надо было использовать сочетание ливня, остановки движения машин, шума от мотоцикла, нервозности немцев, близости леса. Но как?

Вдруг я увидел, что из впереди стоящей машины выпрыгнули трое парней, которым было лет по пятнадцать, и побежали к лесу. Двое парней в машине, вероятно, товарищи сбежавших, бросились на охранников, отобрали оружие у немецкого солдата и тут же застрелили его. После чего все люди из машины бросились в близлежащий лес. Опешивший немецкий конвоир, который сидел на корточках, держась за борт машины одной рукой, схватился за автомат, накинутый на шею. Когда он увидел убегающих людей, его зрачки расширились. Он приготовился стрелять и повернул дуло автомата в сторону убегающих. Но его движения были слишком судорожны для точной стрельбы по петляющим людям. Пока он освобождал левую руку, я, оценив ситуацию, нанес ему удар по шее ребром ладони, и он потерял сознание. Схватил его автомат, прыгнул с машины. Взяв женщину за руки, помог сойти через борт.

Тут я заметил мотоциклистов, которые развернули пулемёты и приготовились стрелять по убегающим людям. Я сразу разрядил автомат, который отобрали у немецкого солдата, и уложил всех четверых фашистов на мотоциклах. Пулемёты без единого выстрела заглохли. Из кабины автомашины выскочил задремавший офицер и вскинул пистолет для выстрела. Я опередил его и сразил автоматной очередью.

К этому времени все плененные попрыгали с машин и побежали в лес. Мы с женщиной изо всех сил тоже побежали в направлении леса. Под ногами чавкала дождевая вода. Обувь разбухла. Временами наши ноги в разбухшей обуви скользили по мокрой траве. Бежать и бежать к спасительному лесу, не обращая внимания ни на что вокруг, даже на пули, которые проносились мимо нас и свистели над головой! Время от времени я оборачивался и короткими очередями стрелял в преследовавших нас фашистов. Несколько минут мы бежали, перепрыгивая через тела убитых, неслись по обагрённой кровью траве и кустам. Земля жадно впитывала потоки ливня и вместе с потоками воды слизывала с веток кустарников и травы горячую, ещё не остывшую кровь убитых и раненых, оставляя местами красные пятна.

Когда мы добежали до леса, я развернулся и осыпал фашистов градом пуль, уложив ещё четверых, и на этом патроны мои закончились. Незаряженный автомат – это просто кусок железа, я бросил его. Увлеченный

стрельбой, я не заметил, как на опушке леса ранили мою подругу. Она, несмотря на ранение, пыталась уйти в лес от преследовавших нас немцев подальше. В таком состоянии я догнал свою истекающую кровью попутчицу. Её разгоряченное лицо побледнело. Судя по пятну крови на платье, ранение было на бедре. Я попросил, чтобы она мне показала место ранения. Надо было определить, как вылечить рану. Она покачала головой и, смущенно опустив глаза, тихо сказала:

– Не надо.

Я понял, что женщина даже в такую минуту остается женщиной и стесняется меня.

– Я не принимаю никаких возражений и приказываю подчиниться и дать возможность осмотреть вашу рану, после чего я окажу вам сильную помощь.

Дождь перестал лить. С веток деревьев стекали дождевые капли.

Рубашка на мне слегка подсохла от тепла, исходящего от разгоряченного тела, и была полусухой. Одиночные дождевые капли, падая на рубашку, вызывали испарину. Ситцевое платье на женщине было мокрым, она лежала на боку возле дерева. Не принимая во внимание ее возражения, я подошел. Она смущенно отвернула голову. После чего и мне на мгновение стало стыдно рассматривать оголенное женское тело. Отбросив сомнения, призвав солдатский долг на помощь, я приподнял платье. Боже, какая красота.

Внезапно возникшие мужские мысли, постыдные и неуместные, я разогнал, вспоминая о морали, и приступил к осмотру раны. Женщина потеряла много крови. Пуля застряла в бедре. Срочно надо было остановить кровь. Я быстро снял с себя рубашку, порвал её и перевязал женщине бедро выше того места, куда угодила пуля. На её лице сквозь боль появилась некоторое подобие улыбки, как бы в знак благодарности. Кровотечение остановилось. В таких условиях без специального медицинского инструмента невозможно было извлечь пулю. Нужна была квалифицированная медицинская помощь. На тот момент угроза преследования немцами ещё сохранялась, поэтому надо было уходить в лес подальше. Чуть передохнув, я взвалил женщину себе на спину и пошёл вглубь леса. К нашей радости, немцы не стали заходить в лес.

Из сбежавших людей с нами оставалось человек пять-шесть, и те разбрелись по лесу, не дождавсь нас. Это были неокрепшие подростки 14–16 лет, они не подлежали призыву, помощи от них ждать было трудно. Если бы по ходу событий я в какой-то момент сориентировался, эти ребята могли бы и помочь. Винить некого. Время упущено. Ребята ушли. Мы остались одни.

Хотя женщина была молодая, на вид легкая, нести её было неудобно и тяжело. Я попытался сладить носилки из двух жердей, связав их корой липы. Аналогичные конструкции изготавливали у нас в горах, увязывая

жерди добротными кожаными веревками. Там, в полевых условиях, носилки изготавливали с применением топора, ножа, кинжала, а здесь у меня под рукой не было инструмента. На Кавказе шагу нельзя ступить, чтобы не споткнуться об камень, а там в округе камушка не найдешь. А как мне острый камушек нужен был, чтобы кору липы снять... Мне пришлось обыскать полгектара, чтобы найти подходящий камень. С его помощью я отодрал кору липы полосами и связал две жерди вместе. Уложив раненую на носилки, я впрягся в них и потащил вглубь леса, пропахивая за собой бороздки от жердей и оставляя следы от моих уставших петляющих ног на старой опавшей листве, среди деревьев. Перенос раненой на самодельных носилках – занятие не из простых и требует осторожного обращения. Такая конструкция была непрочной, но легче было нести её так, чем на спине. При соприкосновении с каждым кустарником, кочкой, пнем носилки разваливались, я их упорно восстанавливал и шел вперед. Через сутки мои самодельные носилки окончательно развалились, и у меня не было возможности изготовить другие.

Тогда для перемещения раненой я применил ветку со множеством отростков. Женщине на этой ветке было удобнее, чем на носилках. Если от носилок оставались две бороздки, то от ветки оставалась отчетливо заметная широкая полоса следа по старой листве и свежей траве. Мы передвигались очень медленно. Не было ориентира для передвижения. Маршрут был рассчитан наугад, подальше от дорог, где кроется опасность встречи с немецкими солдатами и злобствующими полицаями.

Двое суток мы пробирались по лесу. Женщина просила оставить её в лесу. Состояние раненой ухудшалось. Если в первый день она пыталась, опираясь на меня, пройти, то по истечении второго дня она перестала разговаривать. Было понятно, что её покидают силы. С каждым шагом все тяжелее было тащить её. Всё чаще я останавливался передохнуть. Силы покидали и меня. Это не по-нашему, разве можно оставить человека в беде и спасаться самому – твердил я сам себе, каждый раз подымая раненую. Без пищи я слабел. Каплями дождевой воды смачивал губы раненой и себе. Хотелось впитаться во влажный листок и пить с него влагу большими глотками. Лесные ягоды не утоляли голод. Каждый шаг, каждый метр я с трудом преодолевал.

Раненая часто стала терять сознание. Я постоянно пытался с ней разговаривать. От усталости в голове стало мутнеть.

– Я всё равно умру, брось меня здесь и иди, спасайся сам, – просила меня она, очнувшись от забытья.

На третьи сутки мы оказались на лесной опушке, неподалёку я увидел дом лесника. Женщина была в тяжелом состоянии, она уже не стонала, временами не узнавала меня. Да и сам я был плох – от бессонницы и голода, усталости, от всего пережитого у меня всё смешалось в

голове, и я едва соображал. Собрав последние силы, с заплетающимися ногами я дотащил женщину до дверей домика в лесу и сам свалился тут же, у порога.

Лесник

Комары больно кусали. От укусов по всему телу выскочили шишечки. Страшно хотелось чесаться, не было сил отогнать этих кровососов. Тело от их укусов горело. Я впал в забытие. Неизвестно, сколько времени мы в таком состоянии пролежали у порога. Я слышал лай собаки, как во сне. За лаем собаки слышал мужской басистый голос. Видя наше состояние, незнакомый мужчина сокрушался. По его возгласам я понял, что он к нам относится благосклонно. Не открывая глаза, я прислушивался к его голосу. Кряхтя, он возился с раненой женщиной, пытаясь занести её в дом. Судя по тому, как он пытался помочь, я мысленно сделал вывод, что он из наших, советских. Его действия успокоили меня.

Предатели, приспешники оккупантов относились к отступающим красноармейцам с пренебрежением и, пытаясь выслужиться перед фашистами, сдавали их. К нашему счастью, я не ошибся в своих выводах, это был надежный человек, много лет работавший лесником. Несмотря на войну, он не прекращал своё дело. Сделав обход лесничества, он вернулся в сторожку и обнаружил нас. Видя наше состояние, он как бывалый человек быстро сообразил, что делать. Облил меня водой и вывел из полуобморочного состояния. Отряхнувшись, я приподнялся и встал на ноги. Меня слегка покачивало. Лесник посмотрел на меня критическим взглядом и сказал:

– Я раненую подыму за плечи, а ты помоги мне, возьми за ноги. Так и занесем в дом.

Собрав остаток сил, я помог леснику занести в дом женщину и уложить на лавку. Лесник стал осматривать рану, а я припал к бревенчатой стене и сполз на пол. Всё плыло перед глазами, и я уже едва различал происходящее. В какой-то момент я увидел, что он делал новую перевязку. Когда я очнулся во второй раз, увидел, что какой-то мужчина снова развязывал рану. Увидев, что я очнулся, он крикнул мне, чтобы я встал и помог им.

– Оставь его, проку от него сейчас мало, пусть спит, – сказал другой.

Я всё это воспринимал как во сне. Когда я проснулся, вокруг было темно. Где я? Ничего не понимаю. Услышав, что я зашевелился, хозяин зажёл свечу и обратился ко мне.

– Силён ты спать, ей-богу. Спишь вот уже третьи сутки, от твоего храпа все звери в лесу разбежались, – донеслись до меня его полусуштливые слова. Сознание понемногу восстанавливало события.

– Вообще-то до сих пор никто не говорил, что я храплю, – растягивая слова, среагировал я на шуточный тон незнакомого человека.

По мере того как отдохнувший организм стал восстанавливаться, сознание возвращало последние события, как в тумане, кадр за кадром. Вспомнил, как дотащил на плечах раненую до домика лесника. Как опустил её на землю. Как комары безжалостно кусали. Остальное происходящее помнил смутно.

С возвращением сознания и памяти вернулись наработанный солдатский опыт и инстинкт самосохранения. Тревожные сомнения овладели мной. Что это за человек? Друг или недруг? Враг или не враг? Сдаст или не сдаст? Возникла небольшая пауза в общении. Мысли лихорадочно анализировали сложившуюся ситуацию. Если бы этот человек был врагом, он не дал бы мне поспать, не занес бы женщину в домик, давно уже сообщил бы кому надо и меня уже где-то держали бы в заключении, а то и расстреляли бы. Отсюда и вывод – он друг и не сдаст нас врагам. «Он не может причинить мне зла», – подумал я.

– А двуногих зверей я не распугал? – спросил я бодро, тем самым приглашая к дальнейшему разговору. Умение с помощью шутки наладить взаимоотношения с незнакомыми людьми передалось мне от отца.

– Как ты говоришь? Двуногие звери? Эти звери ещё не добрались в эту глушь, не знают сюда дороги, – поняв, о ком идет речь, ответил незнакомец, ушивая хомут.

Поддерживает разговор, это признак открытости и порядочности.

– Далеко им сюда добираться? – прощупывая почву, задал я вопрос, скосив под простое любопытство.

– Далеко. Бездорожье. Была бы дорога, они вмиг приехали бы сюда. А так боятся леса. Немецкие машины и мотоциклы могут застрять в грязи спокойно здесь, – добавил лесник, кряхтя, переводя дыхание после очередного рабочего движения, с расстановкой каждого слова, при этом ловко управляясь с шилом и нитками мозолистыми натруженными руками.

– Прошу прощения за любопытство. Давно живете в этих местах? – спросил я, следя за тем, как он пришивает постромки к хомуту.

– Давно. В ту германскую я воевал с ними. Лесником работаю здесь много лет. Если интересуешься, живу один. Вижу, что ты любопытный. А ты-то сам, откуда? Судя по говору, ты не местный. Откуда будешь? – посыпались вопросы от лесника

По ответам лесника Николая Николаевича я увидел, что передо мной человек, проживший свою жизнь с умом и достоинством. Мне не хотелось отвечать на его вопросы.

– Я, как видите, воюю в эту войну с ними. Сам я издалека. Ненавижу этих гадов, пусть они провалятся сквозь землю!

– Согласен! Вставай, поешь, ты очень ослаб, надо тебе сил набраться. Возьми эту одежду, твоя вся в лохмотья превратилась. Я тебе и баню растопил.

Честно говоря, я не рассчитывал на такое доброе отношение со стороны незнакомого человека. Оказывается, война не у всех отбила человеческие чувства.

– Где моя спутница? – задал я, наконец, давно назревший вопрос.

Не отвечая на мой прямой вопрос, он поинтересовался:

– Она твоя жена?

Внешняя простота лесника была обманчива. По тональности задаваемых вопросов чувствовалось, что это человек мудрый, с головой.

– Нет, – я попытался ограничить его вопросы коротким ответом. Но не тут-то было.

– А как вы оказались вместе, что вас связывает? – продолжал он с нажимом задавать вопросы.

– Она мне никто. Случайная знакомая. Хорошая, умная, мужественная, отважная женщина.

– Эй, парень, не слишком ли ты много краски наложил? – прищурив глаза, посмотрел на меня лесник.

– Вы мне не верите? Если хотите знать, она любого мужика за пояс заткнет по военному делу, – парировал я.

– Ладно, ладно. Верю, – помахал он руками, и тут же добавил: – А всё-таки где вы встретились?

– Где мы встретились, долго рассказывать.

– А ты не торопись да расскажи. Мы не торопимся никуда, – лукаво он мне подмигнул.

Меня внутренне раздражала такая настойчивость Николая Николаевича.

– Сказал же, по дороге встретились. Шли по дороге вместе, – сухо ответил я.

– Ладно. Когда захочешь, сам расскажешь, – смягчился он, хотя по выражению лица было видно, что он не удовлетворен моими ответами.

– Так где же она? – меня беспокоила судьба раненой женщины.

Помолчав, он встал. Поднял с пола хомут и отнес в сарай. Вернулся. Взял веник и подмел за собой. Прибрал принадлежности для шитья с табуретки и тогда сказал строго, обрывая фразы:

– Фельдшер извлёк из раны пулю. Мы спрятали её в надёжном месте. Где – тебе пока не надо знать. Она в надёжном месте, под присмотром. Она будет там, пока не окрепнет. Фельдшер – надёжный человек. Ему можно доверять. Не переживай. Пойми, голова, идет война. Осторожность нужна. Конспирация нужна.

Куда-то улетучилась внешняя доброжелательность, и передо мной стоял суровый человек с пронизывающими холодными глазами, готовый в нужный момент к решительным действиям.

В характере простого лесника я усмотрел в эту минуту силу советского народа. До этого я видел мощную армию, флот, пушки, корабли, крупные заводы, слушал образованных интеллигентных людей в Ленинграде, однако внутренний стержень народа я рассмотрел в простом сельском человеке. Его слова, суждения, действия проникновенно располагали своей точностью, твердостью. Несмотря на свой возраст и жизненный опыт, мне приходилось смотреть на него снизу вверх. Судьба меня учила-учила, да, выходит, до конца не выучила. Наверное, перед этим человеком я выгляжу не вполне созревшим. Мне надо было сгладить свой просчет каким-нибудь делом, чтобы не оказаться в глазах лесника профаном.

Мимо его взора не прошло моё состояние. Как хороший психолог, для разрядки обстановки он заговорил со мной.

– Судя по тому, как ты о ней говоришь, она заслуживает серьёзного внимания. Как её зовут? – он спрашивал, при этом не переставая точить охотничий нож о точильный камень.

– Не знаю, – я сделал удивленные глаза. Правда, я не знал, как ее зовут. События так стремительно развивались, что мы не удосужились познакомиться.

– Как не знаешь? – лесник тоже сделал удивленные глаза. – Ты правда не знаешь или притворяешься незнайкой?

– К моему стыду, не знаю. Так сложились обстоятельства, – смутился я, сожалея, что не познакомился с этой прекрасной женщиной.

– Ну, не говори, если это тайна, если всё так, как ты говоришь. Удивительная пошла молодежь, – стал ворчать лесник.

– Что тут удивительного? – возразил я и добавил: – Война не дала познакомиться.

Качая головой и повторяя, «ну и молодёжь, ну и молодёжь», лесник накрыл на стол. Искусно приготовленную оленину, приправленную чесноком и луком, я с удовольствием поел. Затем искупался в бане, оделся в чистую одежду и почувствовал себя, как будто заново родился. Лесник постелил мне, и снова я уснул на сутки, с наполненным желудком, не обращая внимания на кусавших меня комаров. Выспавшись, отдохнул. Постепенно стал набирать силы. Было неловко объедать лесника. И потихоньку стал помогать по хозяйству. Чистил коровник, конюшню, задавал скотине корму. Лесник приглядывал за мной, ему нравилось, как я работал.

Я тоже стал к нему приглядываться и заметил, что он запускал голубей. Прилетел новый голубь, он его поймал, снял с лапки бумажку и стал читать, когда я наткнулся на него сзади дома. Я не стал ни о чём расспрашивать, решив, что он сам расскажет, если посчитает нужным. Часа два он молчал, а затем сам заговорил.

– Твоя возлюбленная уже стала поправляться. Сама без чужой помощи садится на кровать. Рана потихонечку заживает. Молодая, поправляется на глазах. Можешь теперь плясать.

Мне действительно приятно было это слышать.

– Кто вам сообщил такую новость? – отгоняя комаров, спросил я.

– Голубь весточку принёс, – загадочно растягивая слова, хитро прищурился лесник и усмехнулся.

– А у нас говорят, кукушка на хвосте весточку принесла, – подыграл я ему.

– Ха-ха. Ну что ж, будешь отправлять кукушку, если поймашь вместо голубя, напиши, что я передаю ей большой привет, – засмеялся он своим басистым смехом.

– Мы оба будем благодарны за доставку такой весточки и, пожалуйста, напиши все наилучшие пожелания для её скорейшего выздоровления, – подчеркнул я.

– Так и быть, напишу непременно, конечно, если поймаю птицу, – снова засмеялся он.

Десять дней я замечательно отдыхал у лесника, набирался сил и здоровья. Непонятное ощущение мной овладело. Мирная спокойная жизнь стала тяготить меня. У лесника я как в раю, вдоволь выспался, отъелся хорошо, никто не беспокоил, не тревожил. Казалось бы, что еще надо после всех военных путей-дорог. Но чувство неудовлетворенности не оставляло меня.

Лесник заметил моё состояние.

– Другой, похитрей, пытался бы отсидеться подольше здесь, а ты рвешься к приключениям, в пекло. Запомни, надо уметь воевать, надо уметь выжидать, не раскисать перед трудностями, а, оценив обстановку, концентрировать силу воли в единый кулак, выждав время, наносить решительный удар по противнику. Отдохни, наберись сил и здоровья. Подкрепи нервы. Крепкие нервы на войне ох как нужны. Трясущимися руками не попадешь в цель. Морально слабого солдата, противник одолеет запросто. Пусть мои слова будут для тебя наукой. Наблюдая за тобой, я сделал для себя заключение, что ты видел многое в жизни, но человечность не потерял. Вижу, как ты непринужденно, умело, с желанием работаешь по хозяйству, с любовью ухаживаешь за коровой, лошадью. Любую работу выполняешь основательно. Это о многом говорит. Характеризует тебя с положительной стороны.

Прошло спокойно ещё две недели. В лесной тиши, занятый несложными хозяйственными работами, я проводил время. Уход за живностью отвлекал меня от болезненных мыслей. Даже застоявшаяся

лошадь бьет копытом, а я все-таки солдат-воин, не к лицу мне вот так прятаться. Дни, похожие один на другой, шли без особых изменений один за другими. Трудно было их различить. Ни календаря, ни часов не было у нас.

Дни недели мы с трудом уточняли, перебирая в памяти небольшие события. Вот когда теленок выскочил из база, и мы вдвоем не могли его загнать обратно, это было в понедельник, а вот когда лошадь запуталась, это было в среду. Да нет, возражал другой, когда теленок выскочил из база, это было в воскресенье. Как в воскресенье? Так, в воскресенье. Колокол с Ивановской церкви звонил. Да? Да. Хоть и далеко до этой церкви. В хорошую погоду звон слышен и здесь. Потом отсчитывали. Выходит, так. Баз от навоза вычистили в понедельник. На поляне траву скосили во вторник. Немецкий самолет пролетел в среду. А наш «кукурузник» пролетел в пятницу, когда темнело, на закате дня.

Отсчет времени происходил по восходу и заходу солнца. В пасмурные дни всё сливалось воедино. Без серьезного дела мне было очень скучно. Равномерные, однообразные серые будни нагоняли тоску. Во мне бурлила, кипела молодость, которая требовала движения, действий. Моим односельчанам, людям почтенного возраста, покой противопоказан. Они до глубокой старости работают, двигаются. Как ни говори, во мне течет молодецкая, горячая кровь, удаль, нацеленная на позитив, жизнелюбие и трудолюбие. Находясь в противоречивых мыслях, проводил дни среди красивой природы.

Вековые сосны возвышались над землей, образуя под кронами приятную прохладу. Сосновый смолянистый запах наполнял чистый воздух леса. Мои ноздри с удовольствием вдыхали лесной аромат. Ранее я неоднократно бывал в лесу, но никогда так не ощущал лесного духа, как здесь.

Рай земной, да и только. А я скучаю. Видимо, человек так устроен.

Мурадин ОЛЬМЕЗОВ

НАРАТ, Я ВЕРНУЛСЯ

Рассказ

Атабий был не только бравым красавцем, но и имел великий дар играть на свирели, сочинять и исполнять песни. Когда он начинал петь, на высохших деревьях появлялась листва, соловьи прекращали трели, орлы спускались с заоблачных высот и садились около него. А когда он играл на свирели, прохладный ветерок переставал дуть, природа замирала как замороженная, а кровники вкладывали кинжалы в ножны и пожимали друг другу руки.

Однажды, отправившись поохотиться на оленей, Атабий оказался в удивительном месте. Природа здесь сохранилась в первозданной красе, это было далеко от села и здесь редко кто бывал.

Решив, что лучшего места для выпаса овец не найти, Атабий весной отправился туда и на лесной полянке построил себе кош. Место было и в самом деле замечательное: красота окружающих гор, лесов, лужаек была неопишуемой, а пропитанным хвоей воздухом удивительно легко дышалось. Прямо возле коша росла развесистая ива, из-под которой выбивался родничок с чистой водой. В траве стрекотали кузнечики, обилие различных цветков делало многочисленные лужайки похожими на персидские ковры, порхающие над ними бабочки радовали глаз, а парящие в небе орлы рождали в душе радужные мечты. Выпустив утром овец из загона, Атабий брал в руки свирель, и природа замирала, заслушавшись прекрасной мелодией.

Атабий рано лишился родителей, но будучи трудолюбивым и старательным юношей уже к девятнадцати годам стал довольно обеспеченным человеком. Он был добр, уживчив и любое дело у него ладилось. И пасти свои многочисленные стада было ему не в тягость: за скотом отлично присматривали три кавказские овчарки и козел-вожак. Атабию только и надо было, что издали наблюдать за пасущейся отарой.

В один из дней, придя к источнику набрать воды, он увидел на песке следы от обуви и несказанно удивился. Следы были маленькие, несомненно, женские. До ближайшего коша – день пути верхом, до села – два дня. Откуда здесь могла взяться женщина? Атабий обыскал всю округу, но ответа на свой вопрос не нашел.

Через несколько дней следы появились снова. «Ни один посторонний человек здесь не ходит, откуда же берутся следы? А может, это Дам-

метдир – Мать воды – встревоженно подумал Атабий. – Или колдунья какая-нибудь».

В сердце у него поселилась тревога, и он даже начал подумывать, не перебраться ли в другое место. Но куда переберешься – свободных пастбищ нигде не найти. Тщательно все обдумав, Атабий постарался взять себя в руки и настроился любым путем узнать, кому принадлежат следы. Возможно, ничего страшного и нет, и этот Кто-то – существо безобидное. Много дней он провел, затаившись у родника, но, кроме серн и оленей, изредка приходящих сюда на водопой, так никого и не увидел.

Но как-то раз, когда он сидел на пригорке и по своему обыкновению наигрывал на свирели, из лесу вышли несколько серн и остановились не вдалеке, заслушавшись его мелодией. Присмотревшись, Атабий с удивлением увидел рядом с ними златовласую девушку. «Несомненно, это дочь Апсаты¹, – пришло ему на ум, – другой девушки здесь быть не может».

С того дня он потерял покой. Ни днем, ни ночью незнакомка не выходила у него из головы.

«Если это действительно дочь Апсаты, добра от нее не жди. Хотя, может быть, это и не она...» Он не знал, что и думать. Но постепенно страх его исчез, и все мысли были об одном – встретиться с незнакомкой.

Ясным солнечным утром Атабий стоял, прислонившись к сосне, наигрывал очередную мелодию и думал о родителях: об отце, погибшем в бою с врагами, и матери, не пережившей эту потерю. Неожиданно внимание его привлек шум чьих-то легких шагов. Оторвав свирель от губ, он обернулся и замер как громом пораженный. На расстоянии вытянутой руки от него стояла девушка, стройная, как камышинка, с милыми ямочками на щечках, с длинными ресницами, скрывающими большие глаза. Золотые волосы её ниспадали на плечи, словно кукурузные рыльца.

Ладное шелковое платье её колебалось на ветру, тонкий серебряный пояс, украшенный драгоценными камнями, туго обтягивал тоненькую талию, сбоку висел маленький золотой кинжальчик, на голове красовалась золотая корона с переливающимися на солнце алмазами. Девушка молча смотрела на него и приветливо улыбалась.

Немного придя в себя, Атабий заметил, что обута она в красивые, обшитые по краям золотой тесьмой чувячки с загнутыми вверх носками. Да, конечно, именно она оставляла следы у родника. Атабий не мог оторвать от неё глаз, и сердце его наполнялось предчувствием наступающего счастья.

Страх его испарился, исчез без следа – такая красавица никак не могла быть злой колдуньей.

¹ *Апсаты* – божество, покровитель диких животных.

– Добрый день, красавица, – поздоровался Атабий.

Девушка вместо ответа приветливо улыбнулась. Затем, собравшись уйти, сказала:

– Я за тобой наблюдала. Ты пасёшь овец. И ещё ты хорошо играешь на свирели.

– Мне приятно это слышать от тебя, – сказал Атабий, желая вовлечь её в разговор и задержать хоть на немного.

Златовласка посмотрела на него с улыбкой в глазах, затем повернулась и пошла в сторону леса.

– Скажи хоть свое имя, – попросил Атабий.

– Нарат, – ответила она и, ничего больше не добавив, исчезла среди деревьев.

Атабий отправился домой, досадуя, что был робок, как подросток, и не сумел разговорить ее.

Больше девушка не появлялась. Ежедневно ожидая ее прихода, Атабий уже был близок к отчаянию. Хотя с какой стати девушка должна искать его общества, она – носит корону, а он – обычный сельский парень, пасущий овец.

Не в силах больше носить в себе эту муку, Атабий вложил все свои чувства в мелодию, которая заставила орлов, парящих в вышине, спуститься на землю, а легконогих серн и стройных оленей – выйти из леса и столпиться около него. Но девушка так и не появилась. Музыка, способная растопить камень, не тронула её сердце. Так думал Атабий.

Но это было совсем не так. На самом деле Нарат влюбилась в парня с первого взгляда. Каждый раз, едва услышав звуки свирели, она прибежала, устраивалась в укромном местечке и нежилась в волнах чарующей мелодии, получая райское наслаждение. Но встретиться с Атабием не спешила, хотела получше его узнать.

Атабия же, как ни старался он взять себя в руки, желание ещё раз увидеть девушку и поговорить с ней довело почти до изнеможения.

Временами он пытался уговорить себя забыть лесную красавицу: «Не будь глупцом, знай свое место и покорись судьбе. Эта девушка не для тебя». И однажды, убедив себя, что поведение его недостойно мужчины, он встал со своего места, распрямил спину, расправил плечи. Повесив к поясу меч, он взял лук, колчан со стрелами, вышел из коша и сел на своего пегого коня. Поляна перед кошем была местом, где он обычно упражнялся. Сноровка, как оказалось, осталась при нем, и силы у него были всё те же: на всём скаку он три раза поразил стрелой быки¹, служивший ему мишенью; одним ударом меча разрубил сосну толщиной в бедро. С этого дня он проводил здесь всё свободное время.

¹ *Быкы* – ствол с коротко обрезанными и заостренными ветками (для развешивания мяса).

Кроме стрельбы он ещё упражнялся, бросая большой валун. Перетаскивал огромный, в два обхвата, чурбан – добавляя каждый день по шагу, он начал проходить с ним на руках сто шагов. Сосновые ветки в руку толщиной он ломал, как хворостинки. Чтобы испытать себя, начал ходить на медведя с одним кинжалом в руках.

В сердце его вновь поселилось спокойствие, он зажил прежней жизнью: заготавливал к зиме сушеное мясо, масло, сыр, вялил жерме, сохта, кьыйма¹.

Наступила осень. Окрасив растущие вперемешку с соснами ивы, березы и рябины в яркие цвета, она сделала округу похожей на застывшую мелодию. В воздухе начали летать паутинки, оставалось совсем немного до первых заморозков. Атабий стал готовиться к переезду.

Отцом Нарат, красота которой могла свести с ума любого мужчину, был могучий старик с зеленой бородой до пояса – Хозяин Леса. В руках у него постоянно был волшебный кленовый посох, увенчанный изображением головы Апсаты и напоминавший по виду змею. Хозяин Леса проводил дни, обходя свои владения и защищая деревья – от топоров, а животных – от стрел алчных людей. Провинившихся он наказывал жестоко.

Кто-то из лесных жителей рассказал Хозяину Леса про Нарат и Атабиа. Вызвав свою единственную дочь, которую любил больше жизни, в деревянный дворец, срубленный из бревен в три обхвата толщиной, Хозяин Леса ласково обратился к ней:

– Доченька, у меня кроме тебя никого нет, и я хочу, чтобы ты жила, тщательно обдумывая каждый свой поступок. Ты должна знать, что достаточно одного неверного шага, чтобы свалиться в пропасть.

Нарат сразу же поняла, к чему затеян этот разговор, но не подала виду и спросила:

– Отец, почему ты так говоришь? Разве я тебя чем-нибудь огорчила?

– Не делай вид, что не понимаешь. Кто этот парень-овцевод?

– Он устроил себе стойбище прямо возле родника. Не могу же я ходить мимо него с закрытыми глазами.

– Разве нет в лесу других родников? Не ходи туда больше, если он тебя увидит, это плохо для него кончится, – сказал Хозяин Леса, в душе жалея парня. – Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Он меня уже видел, отец, – сказала Нарат, потупив голову.

– Значит, ты погубила беднягу! – рассердился Хозяин Леса.

¹ Жёрме, сохта, кьыйма – балкарские национальные мясные блюда.

– Отец, он так играет на свирели, что кажется, ему известны все мои сокровенные мысли...

– Перестань! Ты прекрасно знаешь, что у тебя с ним ничего быть не может! – строго сказал старик.

На этом разговор закончился.

Девушка была сильно расстроена. Она совершенно не знала, что делать. Чем больше она думала, тем безвыходнее казалось ей ее положение.

Но не видеть Атабия Нарат не могла. Вот и сейчас она идет незамеченной по его следам. Со слезами на глазах она думает, как была бы счастлива, если бы парень, любовью к которому полно её сердце, забрал её с собой. Но отец никогда не согласится на это. А Атабий, ничего не знавший про её страдания, ехал на коне по лесу и пел. Это была песня о несчастной любви, которая превращает сердце в обугленную головешку.

Хотя Нарат, красотой подобная солнечному лучу, ни во что, по мнению Атабия, его не ставила, сам он не забывал о ней ни на секунду и бесконечную зиму провел, изнывая от тоски. Юноша, любивший раньше развлечения, теперь еле заставлял себя пойти на очередное торжество: все девушки по сравнению с Нарат казались ему некрасивыми, ни одна не могла согреть его сердце. А сельские красавицы по-прежнему толпились вокруг него, хотели, чтобы он, как раньше, играл на свирели, пел свои чудесные песни. Издавна сохшие по нему, они видели, что он все больше удаляется от них, и свет становился им не мил.

Весной, как только пробилась первая трава, Атабий поспешил в свой кош.

Юноша в расцвете сил, он быстро расчистил стойбище от накопившегося за зиму мусора, обновил загородку, заготовил дрова.

Но он не мог уже, как раньше, выгнав стадо пастись, сидеть и наигрывать на свирели. В сердце у него не было радости. Время шло, ничего не менялось, и даже характер Атабия стал меняться в худшую сторону. К счастью, он сам заметил это и призадумался. «Никто в мире не достигает всего, чего хочет, – говорил он себе. – И я ничем не лучше остальных, чтобы у меня было по-другому. Изменить predetermined не удавалось даже сильным мира сего – могущественным правителям. Так что нужно смириться с судьбой».

Но тут перед его взором возникли большие глаза Нарат, и он вскочил с места, досадуя на своё малодушие и полный решимости быть достойным своей любви. Он не должен останавливаться ни перед какими трудностями, даже если это будет грозить ему смертью.

«Почему мои мечты должны быть разбиты, как бабочки, порхающие над цветами, – порывом шального ветра? Нет, не бывает этому!

Я – человек, лучшее создание Творца. Творец создал человека для счастья. И значит, я не должен сворачивать с пути, встретив первую же преграду. Если я сделаю всё, что в моих силах – Создатель устроит мою судьбу!»

Эта мысль буквально окрылила Атабия.

«Если я мужчина, я сумею разыскать Нарат и открыть ей своё сердце. Если же нет – я не достоин носить усы!»

Нарат прибежала к роднику сразу же, как заметила дым от огня, разведенного Атабием. Помня недовольство отца, она не посмела показаться парню, хотя этого ей хотелось больше всего на свете. Она стояла и издали наблюдала за ним. Когда одна из собак, что-то почуяв, начала принюхиваться, Нарат спряталась в стволе дерева. Собака подбежала к дереву, несколько раз обежала вокруг него и, помахивая хвостом, пошла назад. Атабий тоже пришел туда, смутно на что-то надеясь, но не заметил ничего, достойного внимания. В это время одна из веток ивы с распутившимися сережками выгнулась, нежно погладила Атабия по щеке и выпрямилась.

«Что за чудеса, вроде бы и ветра нет», – подумал удивленный Атабий. Он посмотрел вверх, заметил прыгающую с дерева на дерево белку, улыбнулся и успокоился.

Следов у родника по-прежнему не было. Атабий набрал в деревянное ведро воды и направился к кошу. Как только он удалился, Нарат вылезла из дерева и, улыбаясь, скрылась в чаще.

Всё в лесу, начиная от малых травинок до старых могучих деревьев, оказывало Нарат почести. Увидев, что она приближается, могучие сосны отступали в сторону, чтобы уступить дорогу, цветы ложились ей под ноги. А яблоневые и грушевые деревья склоняли перед ней свои ветки, чтобы девушка полакомилась их плодами.

Атабий всё не терял надежды найти Нарат. Не осталось в лесу ни одного укромного местечка, ни одной пещеры, где бы он ни побывал. Пытаясь испугать его, Хозяин Леса посылал навстречу безобразных чудовищ, но парень никого не боялся и вступал с ними в единоборство. Они, конечно же, одолели бы его, будь на то воля Хозяина Леса, но тот не хотел убивать парня, хотел лишь напугать, чтобы тот забыл о его дочери.

Вот и на этот раз Атабий вернулся из лесу ни с чем.

Но теперь он знал, что делать. Музыка – вот что может ему помочь.

Новые мелодии, рождающиеся в его сердце, растекались по округе, делая её еще более привлекательной, а жизнь – ещё более сладкой.

«Как-нибудь мои мелодии приведут её ко мне, по-другому и быть не может. Они наполнены солнечным светом, весенним теплом, прозрачно-

стью неба, красотой, добром, чистотой, они рождены в моём сердце, это мелодии моей безграничной любви, и Нарат не может их не оценить».

Ясным летним днём Атабий стоял, опершись на свой пастуший посох, и пел, представляя образ прекрасной возлюбленной. Белые облака, зелёные холмы, покрытые снегом вершины, родники – всё замерло, заслушавшись его. Дошла его песня и до слуха Нарат, игравшей в это время с оленятами. Она сразу признала этот голос, да, это был Атабий. В каждом звуке песни звучала безграничная любовь.

Атабий всё пел, и чистый голос его делал солнечный день ещё ярче, всё в природе радовалось жизни, и одна только Нарат беззвучно плакала, будто все земные тяготы змеями обвили её стройное тело, а внутри бушевал огонь. Она страстно желала быть рядом с любимым, ничто без него не радовало её в этом мире. Но им не суждено соединить свои судьбы: она – бессмертная богиня, а Атабий – обычный смертный.

И всё же она на что-то надеялась...

Под вечер Атабий загнал овец в загон, вошел в кош, чтобы вынести корм для собак, и – остановился пораженный. В комнате горела лампа, было чисто прибрано, одежда вся была выстирана и высушена, на столе дымилась вареная картошка с мясом.

– Нарат, душа моя, ты здесь? – спросил он.

Ответа не было.

Выбежав наружу, он заметил девушку, которая, озаряя округу неземным сиянием, скрылась за деревьями.

Узнав о происшедшем, отец призвал Нарат к ответу.

Речь его была краткой:

– Или ты забываешь его, или я с ним расправлюсь! Не заставляй меня быть с тобой грубым и не вынуждай меня желать зла хорошему человеку.

Нарат опять перестала появляться. Проводя свои дни в играх с оленями и сернами, она старалась веселиться, но смех её уже был не так весел и беззаботен, как прежде.

Увидев такое состояние любимой дочери, Хозяин Леса опять вызвал её к себе.

– Доченька, я знаю, что ты страдаешь по моей вине. Но иного выхода нет. Смирись со своей судьбой, выбери себе в мужья одного из суердинов¹ с Нижних озер. Дамметдир давно мечтает видеть тебя своей невесткой.

– Отец, если ты настаиваешь, я не могу послушаться, но хочу тебе сказать: ни с кем другим, кроме Атабия, я не буду счастлива, – сказала Нарат, опустив свою златокудрую голову.

¹ Суердины – духи (хозяева) воды.

– Доченька, ты понимаешь, что с тобой будет, если ты свяжешь свою жизнь с ним? Ты начнешь стареть и, в конце концов, покинешь этот прекрасный мир, умрешь.

– Знаю, отец. Но вечная жизнь без Атабия превратится для меня в вечную муку.

– Любая рана когда-нибудь заживает. Со временем лишь рубец будет напоминать о ней.

– Рубец останется на моем сердце. Нужна ли мне такая жизнь? И такой ли жизни для меня ты хочешь?

– Нет, доченька, я хочу видеть тебя счастливой. Самой счастливой.

– Тогда сделай что-нибудь!

– Ничего сделать невозможно.

– Можно! Пусть он останется здесь со мной.

– Как ты не понимаешь: он – человек. Он побоится стать бессмертным.

– Почему? Объясни мне, отец.

– Если человек станет бессмертным, жизнь потеряет для него смысл. И вся любовь его, как бы ни велика она была, испарится. Так что не делай несчастной себя и не обрекай на муки его.

Но Нарат трудно было поверить в справедливость этих слов. Горюшины слез, покотившиеся из её глаз, привели Хозяина Леса в смятение. Не в силах видеть страдания любимой дочери, он приобнял её и сказал:

– Иди к нему, доченька. А то он уже все глаза себе высмотрел.

Подбадривая, он легонько подтолкнул ее в спину.

Просияв, как солнышко, выглянувшее из-за облака, Нарат обняла отца, а затем стремительно, как серна, помчалась по лесу. Счастьем её не было предела.

Атабий в это время сидел на опушке леса, прислонившись спиной к могучему дубу, и свирель его звучала, словно сотня соловьев. Заметив, что сидящий рядом с ним пес насторожился, Атабий обернулся. Обернулся и – не поверил своим глазам. К нему приближалась небольшая группка серн, впереди которой бежала Нарат. Атабий вскочил и помчался им навстречу. Да что там помчался – полетел! Когда между ними осталось несколько шагов, Нарат остановилась. Она глубоко дышала, волнующиеся полные груди её были похожи на белоснежных голубок. Остановился и Атабий. Они стояли, улыбались и молчали. Затем Нарат сказала:

– Я пришла.

Глаза её были полны неземной радости.

Наклонившись, Атабий сорвал красный цветок и протянул ей:

– Приходи на радость, душа моя.

Счастье их, так долго искавших друг друга, невозможно передать словами. Теперь они целые дни проводили вместе, ни на минуту не

расставаясь: поднимались на вершины, любовались окружающими красотами, бродили по пёстрым лугам, бегали наперегонки с сернами.

Лето прошло незаметно; наступила осень. Склоны гор пожелтели, по утрам начал выпадать иней. Пора было спускать отару в долину.

Нарат проводила Атабия до окраины леса.

– Любимый, как только пробьется первая трава, я буду ждать тебя у родника.

Глаза её наполнились слезами. Она повернулась, побежала и скрылась среди деревьев.

– Эта зима будет для меня долгой, как век, – прошептал Атабий, глядя ей вслед.

Зима, казалось, никогда не закончится. Долгими вечерами Атабий сидел у горящего очага, думал о Нарат, и лицо его то светлело от воспоминаний, то мрачнело от тоски. А как-то раз, не в силах удержать в себе любовь, огромную, как гора, и яркую, как звезда, Атабий рассказал о любимой своему лучшему другу Бёрюшану.

Еле дождавшись весны, как только растаял снег, Атабий погнал овец в горы. Первым делом он отправился к роднику. Сердце его было готово выпрыгнуть из груди. Сразу же подошла и Нарат. Улыбка её была подобна сиянию открытых небесных врат.

– Здравствуй, милый, – протянула она руку Атабию.

– Здравствуй, душа моя, – принял он её приветствие.

И в тот же момент ещё не успевшая прогреться земля зазеленела, расцвела.

С этого дня Нарат стала часто приходить в кош. Не снимая с головы золотую корону с алмазами, она доила коз, делала сыр, готовила, шила теплую одежду, валяла войлок. Все ладилось у неё в руках, и никакой работой она не брезговала.

А однажды в кош заявился Бёрюшан. Атабия в это время не было дома, но Бёрюшан легко нашел его, пойдя на звук свирели.

– Да приумножатся твои стада, друг мой! – приветствовал он Атабия, обнимая его.

– Спасибо, будь гостем, мой верный друг, – приветливо отвечал Атабий.

– Прекрасное место ты выбрал: кругом скалы, скотине даже заблудиться негде.

– Да, очень удобное место, – согласился Атабий.

Так они разговаривали, когда из леса вышла златокудрая девушка, которая шла, обхватив своей тонкой ручкой шею серны. Подойдя к ним, она приветливо поздоровалась с Бёрюшаном:

– Здравствуй, гость.

Тот уставился на неё не в силах вымолвить ни слова.

– Эй, друг мой, что с тобой? – рассмеялся Атабий.

– Это и есть та девушка, про которую ты говорил? – смог наконец выговорить Бёрюшан. – Хоть бы предупредил, насколько она прекрасна. А то я от неожиданности чуть с ума не сошел.

– Я говорил, только ты мне не верил, – ответил Атабий, с лица которого не сходила улыбка.

– Кто бы мог подумать, что есть на свете такая красота!

Девушка в это время отошла в сторону и ласкала свою серночку.

– Нарат, иди в кош, приготовь чего-нибудь поесть, а мы попозже подойдем, – сказал ей Атабий.

Но Бёрюшан не захотел:

– Нет-нет, мне некогда, меня ждут друзья-охотники. Пойду к ним, пока не стемнело.

Как ни настаивал Атабий, так и не смог его уговорить остаться.

Когда вечером Атабий пришел домой, Нарат уже приготовила ужин и ожидала его.

– Кто этот человек? – спросила она, когда, поужинав, они встали из-за стола.

– Мой лучший друг Бёрюшан. А в чем дело?

– Милый, это нехороший человек, не доверяй ему особо.

– Душа моя, это мой испытанный друг, ты зря волнуешься.

– Нет, я сердцем чую, что надо ждать от него беды, – с грустью в голосе сказала Нарат и засобиравшись домой.

Бёрюшан, не знавший до этого дня, что такое зависть, впервые испытал это чувство. Образ прелестной Нарат неотрывно стоял у него перед глазами. Чем дальше отходил он от коша, тем сильнее в груди разгоралась страсть, и под конец он стал напоминать разъяренного волка: тяжело дышал, глаза горели огнем. Он ничего не мог с собой поделать, змея зависти заселилась у него в сердце, и он не мог её оттуда вытравить.

Атабий любил Нарат больше жизни. Она была для него всем: воздухом, которым он дышал, водой, которой утолял жажду; каждый шаг, приближавший его к ней, был наслаждением, новые мелодии, которые он сочинял, были наполнены светом и делали мир ещё прекраснее.

– Душа моя, – обратился к ней однажды Атабий, – призываю в свидетели эти горы, ручьи и леса и говорю, что отныне мне нет без тебя жизни. Выходи за меня замуж!

– Милый, я буду смотреть на тебя целый день не отрываясь, и всё равно глаза мои не насытятся. Я тоже теперь не смогу прожить без тебя ни дня, – ответила девушка, покраснев.

– Тогда решайся, и я введу тебя в свой дом!

– Отец ни за что не разрешит мне, – понурилась Нарат.

– Почему?

– Милый, ты знаешь, кто я такая?

– Да, знаю: ты – самая красивая и самая лучшая девушка в мире!

– Я – единственная дочь Хозяина Леса.

– Да, я знаю... Догадался, – ответил Атабий, погрузнев. – Иначе кто ещё мог бы бродить по темному лесу в окружении диких животных?

– Тогда ты, наверно, знаешь и то, что мой отец не согласится выдать меня за тебя.

– Я не могу от тебя просто так отказаться. Даже если мне суждено прожить с тобой всего один день, я не откажусь от своего счастья.

Нарат заплакала.

– Попробуй сам поговорить с моим отцом. Вдруг он даст свое согласие, – сказала она, всей душой желая в это поверить.

Они пошли вглубь леса и остановились у дуба. Тот был так огромен, что под его сенью спокойно могло поместиться целое село с домами и огородами.

– Держи меня за руку, – велела девушка, протягивая свою тоненькую ручку.

Как только Атабий сделал это, Нарат дотронулась до дуба, и они оказались у входа в громадный деревянный дворец.

– Это жилище моего отца. Дальше ты пойдешь сам, – сказала Нарат.

Один из охранников ввёл Атабия во дворец и подвел к искусно вырезанному деревянному трону, на котором сидел Хозяин Леса.

– Добро пожаловать, будь гостем, – приветствовал он парня.

– Спасибо, Хозяин Леса, – ответил Атабий.

– По какому делу ты явился ко мне? Говори, не робей.

– Прошу простить мою дерзость, но дело у меня такое: я пришел просить руки твоей дочери. Прошу, отнесись к моей просьбе доброжелательно и дай свое согласие: мы с ней любим друг друга.

Сказав это, парень опустил глаза.

– Так ты говоришь, что сама девушка согласна?

– Да, – быстро ответил Атабий, в голове которого мелькнула надежда, что мечты его могут сбыться.

– В таком случае я не стану возражать. Но в силах ли ты выплатить мне калым?

– Я дам за неё целое стадо овец! – ответил парень, будучи уверен, что это понравится Хозяину Леса.

Но ответ старца удивил парня:

– Нет, добрый молодец, за такую девушку, как Нарат, это не цена. – Хозяин Леса рассмеялся. – И полная телега драгоценных камней – тоже не цена.

– Даже если мне придется ограбить караван халифа, я сделаю всё, чтобы ты был доволен. Только выдай свою дочь за меня, – сказал Атабий, ни на секунду не задумавшись.

– Ни золота, ни серебра, ни алмазов мне не надо, – сказал Хозяин Леса и подвел парня к окну. – Видишь этот каменистый склон?

– Да, вижу.

– Так вот, ты должен очистить его от камней и засадить весь склон чинарами. Это и будет твоим калымом.

Хозяин Леса увидел нерешительность в глазах парня и спросил:

– Кажется, ты не уверен, что сможешь это сделать?

– Нет, я готов приступить к работе сейчас же. Где мне взять семена?

– А вот этого я не знаю. Ты должен сам об этом позаботиться.

Хозяин Леса хитрил, чтобы таким образом заставить Атабия отказаться от своей дочери и в то же время не обидеть Нарат.

Когда Атабий вышел во двор, Нарат была в слезах.

– Что с тобой, душа моя? – встревожился он.

– Задание, которое дал мой отец, ты не выполнишь и за сорок лет. Ах, я и подумать не могла, что отец будет так жесток ко мне.

Атабий решил продать весь свой скот, чтобы купить достаточное количество семян чинары. Утром, когда он собирался в дорогу, явилась Нарат.

– Дорогая, я хочу пойти искать семена. Если буду жив, обязательно вернусь, – сказал он, держа её за нежную ручку.

Нарат не могла сдержать слез:

– Милый, я буду ждать тебя и тосковать. Постарайся вернуться поскорее.

Как только она сказала это, ноги её стали превращаться в корни, а из рук стали появляться ветви.

– Милый, когда вернешься, скажи только: «Нарат, я вернулся», – и я опять приму человеческий облик. Удачи тебе!

С этими словами Нарат превратилось в большое сосновое дерево.

За всё время их знакомства Атабий ни разу не прижимал ее к своей груди, но сейчас перед уходом он крепко обнял сосну и прижался к шершавому стволу щекой. Дерево ответило ему слезами – сосновой смолой.

Бёрюшан, которого зависть поставила на грань сумасшествия, сидел в это время, затаившись в укромном местечке, и слышал весь разговор.

Облазив в поисках семян множество северных лесов и ничего не найдя, Атабий отправился на юг, побывал в Магрибе, Аравии, Персии.

В конце концов деньги у него закончились и ему пришлось стать воином-наемником. Он был прекрасный воин, его высоко ценили и хорошо платили. Но где бы он ни был, чем бы ни занимался, он не забывал о своей главной задаче – найти семена чинары.

Бёрюшан, обнадеженный тем, что Атабий не возвращается, становился всё наглее. Через три года, набрав себе дружину из таких же, как сам, наглецов, он отправился в лес с целью привести Нарат в свой дом. Разыскав могучую сосну, он подошел к ней и сказал: «Нарат, я вернулся». В тот же миг дерево превратилось в улыбающуюся девушку. Но улыбка сошла с лица, когда она увидела, что перед ней стоит не её возлюбленный, а Бёрюшан, смотревший на неё, как голодный волк. Схватив девушку, он кинул её поперек седла и поскакал. И тут же лес заволновался, зашумел, загудел. Деревья преградили мерзавцам дорогу, сбросили их с лошадей и начали безжалостно хлестать их своими ветвями. Воспользовавшись тем, что Бёрюшану и его друзьям стало не до неё, Нарат скрылась в лесу.

Весть о происшедшем разнеслась по селу. Наслушавшись рассказов о девушке невиданной красоты, в лес подались ещё многие парни, захотевшие разыскать её. Их не останавливало даже то, что, поступая так, они рискуют жизнью. Но никому не удалось достичь своей цели. Поступок Бёрюшана не остался без последствий. Хозяин Леса был в ярости. На протяжении всего лета шел снег и погибло много скота. В селе начался мор, голод. Понимая, что всё это – наказание за оскорбление дочери Хозяина Леса, Тёре запретило всем не только искать, но и упоминать имя Нарат.

Через десять лет, с заметными признаками тяжелой жизни на лице, Атабий вернулся в родные места. Это был уже не юноша, а многое повидавший, через многое прошедший зрелый мужчина.

Вернулся он не с пустыми руками: пять лошадей были навьючены невиданными в этих местах шелками, а два мула были нагружены одеждой, украшенной драгоценностями, кинжалами, мечами. Много было у него и золотых монет. И, конечно же, он привёз с собой семена чинары.

Поздравить его с возвращением собралось много людей, которые, не расходясь, сидели до самого утра, слушая удивительные рассказы о дальних странах.

В конце беседы Атабий спросил:

– А почему я не вижу здесь моего друга Бёрюшана? Он что, в отъезде?

Когда ему рассказали о том, что наделал Бёрюшан, Атабий пришел в ярость и поклялся отомстить неверному другу, уронившему достоинство и покусившемуся на девичью честь.

На рассвете Атабий оседлал коня и отправился на сосновую поляну. Но сколько он ни ходил, так и не смог найти заветную сосну. Множество деревьев он гладил по шершавой коре, говорил: «Нарат, я вернулся», – но ответа ему не было.

Атабий был вне себя от горя. Только благодаря любви к Нарат он смог выжить на чужбине и вернуться домой. В самые тяжелые минуты он вспоминал про неё, и это придавало ему сил, помогало справиться с любыми трудностями.

Не нашел Атабий и могучий дуб. Хозяин Леса явно не хотел его видеть.

Он провёл в лесу несколько дней. Без еды и питья. Ходил от сосны к сосне, повторял: «Нарат, я вернулся», – но любимая так и не откликнулась, все его старания были напрасны.

Возвращаясь в село, он лицом к лицу столкнулся со своим врагом. Бёрюшан куда-то ехал на телеге вместе с женой и детьми.

Засверкали кинжалы, начался смертельный поединок. Бёрюшан не был столь искусен в бою, как Атабий, но он не был также из тех, кто показывает врагу спину, сражался отчаянно. И всё же мастерство Атабия, умноженное на его справедливый гнев, стало побеждать, выбитый ловким ударом кинжал Бёрюшана отлетел в сторону. Атабий был уже готов покарать изменника, но тут взгляд его упал на полуживых от страха детишек и жену своего врага. Он вложил свой кинжал в ножны и, ни слова не говоря, ушел.

Атабий привел в порядок свой заброшенный кош и взялся за работу: принялся очищать склон от камней. Он не хотел, чтобы обещание, данное им Хозяину Леса, висело над ним тяжким грузом. Кроме того, он верил, что если сделает это, то обязательно найдет Нарат.

Сильный и трудолюбивый мужчина работал, не жалея сил. Большие валуны на ровных местах он волочил с помощью дорласнына¹, а те, что на крутых склонах – просто скатывал с горы. От рассвета до заката он не выпускал из рук молот, лом, лопату. И каждый раз, возвращаясь вечером в кош, он надеялся, что там его ждет Нарат. Но мечты его оставались мечтами, и он засыпал полный грустных мыслей.

До осени ему удалось расчистить и засадить семенами площадь, с которой можно было бы скосить десять больших копен сена. К тому

¹ *Дорласын* – приспособление для перевозки грузов волоком.

времени, когда он расчистит весь склон, здесь уже будут шуметь деревья, которые сами начнут давать семена. Так что больше с этим у него проблем не будет.

Атабий опять развел скот и окончательно обосновался в горах, даже на зиму не спускался в село. Долгие ночи, тяжелые, как его мысли, не спеша сменяли друг друга, и каждая из них уносила с собой крупинку его надежды, делая её все более несбыточной.

Так прошло десять лет. На деревьях, выросших из первых семян, уже начали вить гнезда птицы.

К тому времени, как Атабий засадил чинарами весь склон, он превратился в поседевшего, но все еще крепкого мужчину. Мысль, что Хозяин Леса может изменить своему слову, все чаще отдавалась болью в его сердце, но всё же окончательно распротиться со своей мечтой он не мог.

Однажды, лежа на спине на топчане, он заметил в углу под кровлей свою свирель. Прошло не меньше тридцати лет с тех пор, как он брал её в руки. Сдув пыль и протерев, он поднес её к губам. Но играть сразу не стал, медлил. Возможно, потому, что в воспоминаниях своих ушёл в те времена, когда был счастлив, и не хотел оттуда возвращаться. Наконец, он решился и начал играть. Пальцы его, огрубевшие от тяжелой многолетней работы на склоне, всё же смогли пробудить свирель ото сна. Полилась прекрасная мелодия, которая с каждой минутой становилась лучше, пока не стала совершенно райской. Казалось, под её воздействием на камнях распускаются цветы. В какой-то момент ему послышался шум во дворе. Он с замиранием сердца выглянул за дверь, но, увы, там никого не было.

В тот год сельские старики собрались и заявили в кош Атабия. «Хватит уже разыскивать эту девушку. Тебе уже её не найти. Подумай, кстати, и о том, что она всё еще молодая и цветущая, а ты – седой сгорбленный старик».

Но их доводы не подействовали на Атабия. Он ответил, что ищет Нарат не для того, чтобы сыграть с ней свадьбу, а лишь для того, чтобы в последний раз увидеть её подобные звездам глаза, услышать её журчащий голос. А также для того, чтобы попросить у неё прощения за то зло, что ей причинили люди.

Старики ушли, а Атабий продолжал свои поиски.

Так прошло ещё десять лет.

Ранняя весна разбудила природу, на сосновой полянке полным ходом идёт жизнь. Тонкие веточки верб украсились мягкими сережками. Лёгкий

ветерок разносит по округе хвойный запах, заставляет шелестеть-перешептываться листочки берез. Птички, озабоченно щебеча, строят себе гнезда. Продираясь через травинки, спешат куда-то многочисленные мелкие существа.

Но ничто уже не радовало старика, продолжавшего ежедневно приходить к роднику. Незаметно опять наступила осень.

Придя в очередной раз на место, где впервые увидел Нарат, Атабий присел на камень невдалеке от родника, оперся подбородком о посох и долго думал о своей несбывшейся мечте. Память у него с возрастом ослабла, но он не забыл ни одной минуты, проведенной с Нарат. Это были золотые мгновения его жизни. Постаревший, уставший Атабий, пригревшись на солнышке, задремал...

Перекрывая отдаленный шум водопада, невнятный шепот листвы и птичий щебет, откуда-то с небес зазвучала вдруг удивительная музыка, под которую волшебный женский голос исполнял песню. Она приближалась, становилась всё громче и громче.

Вскоре стал виден и источник музыки – маленькое голубоватое облачко. Постепенно снижаясь, оно приземлилось около родника и испарилось. Теперь на его месте стояла девушка в блестящем платье из белоснежного лебяжьего пуха. Она была так не по-земному прекрасна, что, казалось, не стоит на земле, а висит над травой, не сминая её.

Тотчас над её головой стали порхать птички, временами ласково касаясь крылышками её плеч, волос, щек.

Девушка сняла платье и повесила на ветку. Подойдя к роднику, она опустила в него ножку, и родник тотчас превратился в большое озеро. Девушка ступила в воду и начала купаться. Она чувствовала себя в воде легко и свободно, как рыба. Окружившие её золотые рыбки выражали свою радость, высоко выпрыгивая из воды.

С удивлением наблюдавший за всем этим Атабий подошел к дереву и взял в руки висящее на ветке платье. Оно было удивительно приятно на ощупь и издавало непередаваемый аромат. На задней стороне его было два лебяжьих крыла.

«Конечно же, владелица такого платья должна иметь ангельский облик», – подумал он.

В это время, легко ступая по воде, девушка вышла на берег.

– Это мое платье, отдай его, – сказала она Атабию.

Обернувшись на голос, Атабий от удивления застыл, не в силах произнести ни слова. Поистине, это было наиболее совершенное творение Создателя!

– Кто ты, человек или божество в человеческом облике? – спросил он, немного придя в себя.

– Я присматриваю за лесными родниками. Если их время от времени не прочищать, они засорятся и забьются. А теперь отдай моё платье, я должна идти.

– Отдам. Но я слышал твое пение и хотел бы посмотреть, как ты танцуешь, – сказал Атабий в надежде немного задержать её.

– Отдай сначала платье, – ответила девушка, протягивая руку.

Видя, что Атабий не торопится выполнить её просьбу, она посуровела и сказала:

– Не шути со мной, я не простая девушка. Разозлишь меня – горько пожалеешь. Отдай платье!

Атабию стало неловко за свое поведение.

– Я виноват, прости меня, красавица, – сказал он, протягивая ей платье.

Она оделась, легко, как пушинка, воспарила над землей, и стала танцевать, наигрывая на скрипке. Через некоторое время она спустилась на землю недалеко от Атабия и, глядя ему прямо в лицо, спросила:

– Ты не узнаешь меня, Атабий?

У Атабия спала пелена с глаз. Протянув к ней руки, он закричал:

– Нарат! Моя Нарат, это ты?!

– Стой на месте, Атабий, – сказала Нарат, сделав предостерегающий жест рукой. – Не подходи! Ты выдал нашу тайну Бёрюшану, и он посягнул на мою честь. А я собиралась променять свое бессмертие на бrenную земную жизнь, хотела стать твоей женой, рожать тебе красивых девочек и мальчиков, прожить с тобой до старости и умереть в один день с тобой.

– Нет, Нарат, нет!!! Не говори так...

Но Нарат не хотела его слушать.

– Во всем виноват ты! Из-за тебя мы оба стали несчастны!

Из глаз её полились слезы, она взмахнула крыльями и улетела.

– Душа моя, стой, не покидай меня! Выслушай меня! – закричал Атабий, протягивая к ней свою ослабевшую руку...

Подул ветерок. С дерева на старика упал сорвавшийся листок. Продолжая щупать слабыми пальцами пустоту, Атабий присел на землю. Из глаз его обильно текли слезы, омывая седую бороду...

Сельчане нашли Атабия у родника. Он был погребён под опавшими листьями. Рядом на песке можно было заметить следы от женских чувячков.

Перевод с балкарского Х. Джуртубаева

ЛОГИКА ДАБАГО

Новелла

В хачеше¹ известного своей мудростью Дабаго из рода Захох объявился гость издалека. Как потом оказалось, он прибыл из самой Кяхии². Согласно обычаю, его встретили достойно, – только он вошел в комнату, а уже принесли воду для питья и для омовения, следом появился столик³ с легкой закуской. Затем развели огонь в очаге, коня отвели в стойло и дали ему корм, наконец хозяин дома самостоятельно пришел приветствовать его в хачеше. Немного времени погодя, когда посчитали, что гость немного передохнул с дороги, пошли в ход столики с разнообразными блюдами, а чтобы трапеза была приятной, нашлись и соответствующие случаю сотрапезники и собеседники. К вечеру в хачеше собралась уже добрая компания. Едят-пьют, рассказывают старинные предания, поют, шутят, танцуют. Гость на наводящие вопросы отвечает кратко и уклончиво, сам не поет и преданий не рассказывает, но и усталости не показывает. Так минула первая ночь. Прошли следом и вторая, и третья, и четвертая. Гость бодр, но сдержан и немногословен, о себе ничего не говорит, цели своего приезда не называет. Дабаго же его и не спрашивает, ждет, когда тот сам раскроется.

К вечеру дня, когда прошло уже семь дней и семь ночей со времени появления кяхского гостя, как обычно, в хачеше носили столики с разнообразными блюдами, развлекали гостя песнями, преданиями, танцами.

¹ Согласно принятому у всех адыгов правилу, каждый сколько-нибудь состоятельный хозяин строил кроме своего жилища еще и специальный дом для гостей, хачеш. Он был обязательной частью усадебного комплекса и должен был стоять в таком доступном месте, чтобы в любое время суток всякий путник мог в него войти самостоятельно, не спрашиваясь у хозяев. Там гость находил кров, тепло, удобную постель, предметы обихода. Если он прибывал ночью, хозяева могли узнать об этом только наутро, но узнав, кто бы он ни был, тут же были обязаны взять на себя заботу о его содержании и безопасности. При этом гостя до поры не принято было спрашивать прямо ни о цели его прибытия, ни даже его имени.

² Кяхией называют адыги Западную Черкессию, земли бассейна реки Кубань в ее среднем и нижнем течении.

³ Адыги, как и некоторые другие народы Кавказа, пользовались круглыми переносными столиками, которые можно было накрывать еще на кухне и заносить гостям уже уставленными.

Уже не в первый раз завели разговоры о лихих наездах, о том, как какой-то славный воин пригнал целый табун лошадей и всё отдал обществу, другой возвратился с богатой добычей и также всё привезенное раздал другим, не принеся в свой дом ничего.

Дабаго долго прислушивался к этим рассказам, никого не перебивая и ничем не выдавая своего отношения. И только уже за полночь, когда все желающие высказались и когда он убедился, что гость по-прежнему бодр, хотя и теперь не собирается что-то рассказывать, мудрец заговорил – будто не с присутствующими, а сам с собой:

– Конечно же, если наездник не избегает опасностей, трусом его не назовешь. Но всякий ли не трус – это герой? Можно ли называть героем всякого, кто не прячется? Мужество ведь испытывается по-разному. Если ты ради славы или для того только, чтобы испытать себя, отнимаешь у себе же подобного нажитое им собственным трудом, если этим ты обрекаешь его семью на голод и лишения, если ради своей славы расправляешься с безвинным человеком, оставляя его детей сиротами, или бедную мать лишаешь единственного сына, я не назову это доблестью.

Казалось бы, завсегдатаи хачеша привыкли к тому, что Дабаго позволял себе говорить не как все. Им не раз приходилось слышать из его уст такое, что было противно привычным представлениям. Однако на этот раз его слова заставили присутствующих встрепенуться и переглядываться. Первым не выдержал бывалый наездник Джамбулат:

– Полноте, уважаемый Дабаго, если перед каждой встречей с врагом взвешивать на весах справедливости все, о чем ты сказал, останется только сидеть у своего очага и помешивать золу. Разве не того, кто никогда не ведает сомнений и страха, называют достойнейшим из мужей! И разве можно думать о последствиях и бросать на весы все сейчас тобой сказанное, всякий раз, когда поднимаешь меч! Ясно – не будешь, а если над всем этим думать, доблести тоже не проявишь.

– Нет, – не отступается Дабаго, – если судить таким образом, то самый доблестный из живых существ это волк – он никогда не задумывается о последствиях, его единственная задача – у кого-нибудь чего-нибудь побольше урвать, причем в сей же час.

Тот, однако же, не намерен был сдаваться:

– Нет, потомок рода Захох, в отличие от волка, мужчина обладает способностью рассуждать, он сознает, что и для чего делает. Тот, с кем ты вышел сражаться, – твой враг, и тут уж или ты его, или он тебя. Если тебя будут бесконечно терзать сомнения, если ты вздумаешь его жалеть, то плакать будет твоя мать, а его мать будет гордиться своим сыном. Разве торжествует тот, который сомневается, и разве сила длани и мощь груди твоего коня не мерило мужества, что превыше всех разумных рассуждений!

Дабаго качает головой:

– Хорошо, соглашусь. Только прими мое условие. Ты подумай вот о чем: что ты скажешь, если один из тех, кто не сомневается и не рассуждает, окажется на твоём пути, застанет в неурочный час и жестоко расправится с тобой или с твоими близкими? Скажешь ли ты, что он доблестный муж, или ты его назовешь как-то иначе?

– Будешь силен – не будешь побежденным!

– Ну а если не хватит сил, то не будет ли он в твоих глазах супостатом?

Этими словами Дабаго внес сумятицу в сознание тех, кто не был готов сходу отвергнуть принятые понятия. Мудрец почувствовал смену настроения слушателей и продолжил:

– Пусть всякий думает, как хочет, но, по-моему, человечность и мужество разделять нельзя: где недостает одного, там другое не будет полным. Если нет в тебе мужества, не хватит в душе и сострадания, и так же – если нет в тебе понимания чужой боли, не проявишь ты настоящего мужества. Жестокость не то же, что доблесть. Будь ты тысячу раз силен, полагаться на своего коня и на силу длани ты можешь только до той поры, пока не встретишь человека сильнее себя.

Тут кяхский гость, до того сидевший смирно и безмолвно, вдруг встрепенулся, сверкнул глазами:

– Прости, тхамата¹, я покинул свой край и скитаюсь по стране адыгов, теперь вот явился сюда именно потому, что не в силах сам ответить на твой вопрос. Разумом я признал бы, что слова твои истинны, только что-то во мне не позволяет этого сделать. В моем сознании не согласуется это с нашим миром. Но куда я не найду объяснения, душе моей покоя тоже не будет. Божьим именем вас прошу и от себя, обычного смертного, тоже прошу: о сидящие здесь почтенные мужи, выслушайте мою историю и помогите мне разобраться.

– Да как не выслушать, бог видит, и выслушать мы готовы, и своим слабым разумением поддержать готовы. Разве не ради тебя, дорогой гость, мы собрались. Говори смело, – отвечали присутствующие.

– Раз так, начну свой рассказ, хотя я, молодой и неопытный, не испытал и малой толики такого, с чем вы много раз встречались, не в силах сделать и доли того, что вы с легкостью умеете делать. Я уверен, что даже в мимолетном предутреннем сне вы видите больше, чем я испытал за всю свою недолгую жизнь, но поскольку и она, такая короткая, все же была моя, быть может, слышанная мною история покажется вам интересной. И коли уж вы согласились меня послушать, я решаюсь рассказать.

¹ Слово «тхамата» имеет значения «старший», «почтенный»; лингвисты полагают, что от него происходит и «тамата».

При этих словах сидящие напрягают внимание, стоящие над ними чуть наклоняются вперед, а те, кому по возрасту доводится забиться в угол или стоять на самом пороге, придвигаются поближе.

Так вот, начинает кяхский гость свой рассказ, один человек вместе с малолетним сыном нашел прибежище в дремучем буковом лесу. Сначала он надеялся, что это на время, но получилось так, что податься ему было некуда, и он так и остался лесным жителем – без спутников, без друзей, без родни. Конечно, не от хорошей жизни и не по своей воле он избрал такую судьбу, но такова уж была его доля. Мальчик, который только научился отличать добро от зла, с годами лесной жизни постепенно вырос и возмужал. Это было бы хорошо, да только за то же время отец его состарился и одряхлел. Имеющий душу имеет и свой смертный час, и когда наступил срок, предопределенный свыше, отец оставил этот мир, а в нем оставил одиноким своего единственного сына. Сказать легко, что юноша один остался, а каково ему чувствовать себя одиноким в огромном буковом лесу и в огромном мире, где ты никого не знаешь и для тебя всё чужое. Велико было горе юноши, обильно он поливал слезами тело единственного на свете родного человека. И вот в таком состоянии застал его явившийся откуда ни возьмись старичок, весь седой и с трясущейся бородкой.

– Что за беда подкосила тебя, добрый юноша? – спросил он. – Кого это ты так горько оплакиваешь?

– О счастливый тхамата, – отвечает юноша, – есть ли кто на свете, с кем случилось худшее, чем со мной! Тот, чье тело лежит перед тобой, это мой отец. Я был еще ребенком, еле отличал добро от зла, когда на наше селение напали враги, и из всех, кто там жил, спаслись только мы вдвоем – кого убили, кого сожгли заживо, а тех, кому удалось остаться в живых, поймали и продали на чужбину в рабство, как продают скот. Отец мой чудом избежал страшной участи, успел скрыться, прихватив меня с собой. По необходимости он избрал прибежищем этот лес. Здесь он вырастил и воспитал меня, был мне и за отца, и за мать, и за сверстника, и за мудрого наставника. Если великий бог Тхашхо вдохнул в меня душу, то всё остальное я получил от него. Теперь я остался на белом свете один, как перекасти-поле, – без спутника, без роду и племени. Мало ли этого, чтобы пасть духом!

Старичок выслушал его молча, оглядел с ног до головы и сказал:

– Да, парень, горе твое – всем горестям горесть. Самый суровый из мужей может от такого дрогнуть. Но на твое счастье я владею средством, которое может помочь тебе. Есть у меня зелье, способное воскресить твоего отца, если только ты сумеешь им воспользоваться.

– О добрый тхамата, да принесу я себя в жертву ради тебя, в мире нет ничего, посильного для человека, на что я не был бы готов, чтобы воскресить отца! – воскликнул парень.

– А сделать предстоит всего одно.

– Что же, говори!

– А если сказать, то вот оно, это зелье, и надо его разделить на две равные части и одну дать принять любому человеку, а другою натереть тело покойного. Тогда душа того, кто выпил лекарство, покинет его тело и вселится в тело твоего отца. Это все, что я могу для тебя сделать, а дальше – как ты сам решишь.

Сказал так старичок, оставил свое лекарство и исчез так же незаметно, как и появился.

Юноша поднял сверточек с зельем и, как на крыльях, помчался по лесу, куда глаза глядят. Долго ли он шел, мало ли, только закончился буковый лес и началась дубрава, миновал он дубраву, и дальше пошел ольховник. Наконец, пробираясь сквозь заросли, он на самой опушке встречает такое: сидит какой-то юноша, в такт покачиванию тела слагая песню-плач, а перед ним лежит тело девушки неопишуемой красоты. И не видит тот юноша на свете ничего, кроме этого мертвого тела, обильно орошаемого им слезами. Тот, что был с зельем в руках, приветствовал плачущего и спросил:

– Прости меня, добрый человек, ты так глубоко тронул меня, что я не могу пройти мимо, не спросив, что за горе с тобой приключилось, и кто эта прекрасная девушка, которую ты оплакиваешь.

– Эх, брат, разве есть на этом свете кто-либо другой, с кем случилось такое, как со мной! Я и девушка, над телом которой я горюю, были детьми двух некогда добрых друзей. Наши отцы так дорожили дружбой между собой, как не всякие братья дорожат родством, и в свидетельство этого при нашем рождении они сделали зарубки на колыбелях — как знак нашего в будущем сочетания и их породнения. С самого детства мы росли вместе, с детства иной жизни себе не представляли. Прожить день, не увидев друг друга, было для нас равно тому, что в этот день не взошло солнце на небе. Ну а когда мы были вместе, мы забывали и о беге времени, и о том, что когда-то надо расходиться. Беда является без предупреждения, причем приходит не одна. Когда мы уже достигли порога зрелости, и я впервые начал садиться на коня и в качестве подручного участвовать во взрослых походах, отец мой погиб, отражая вражеский набег, а мать, не вынеся этой утраты, вскоре ушла следом за ним. Я же остался одиноким, без надежной опоры в жизни, без прежнего внимания ко мне. Я думал, что старый отцовский друг поддержит меня, однако вместо этого любовь его ко мне начала понемногу затухать. Чтобы не выдавать свою любимую дочь за сироту,

он начал строить нам с ней всякие препятствия. Только не было на свете такой силы, которая могла бы ослабить наше стремление друг к другу. Мне казалось, скажи мне кто-нибудь, что ради нее надо преодолеть семь горных цепей и победить семерых свирепых великанов, я бы без сомнения отправился в дорогу и смело ринулся бы на врага. Но, видимо, сам Тхашхо, Великий бог, тайно надоумил нас, чтобы мы не упрямылись, открыто не воевали с ее отцом, поэтому продолжали встречаться, но только украдкой.

Так долго не могло продолжаться, и однажды моя возлюбленная передает мне через верных людей такую весть: «Меня сватает некий ханский отпрыск, и отец намерен выдать меня за него, в такой-то день свадебный поезд прибудет в отцовский дом, чтобы забрать меня. Пусть тогда бог дарует тебе мужество!». В условленный день я оседлал своего белого коня, снарядился должным образом, закрыл лицо так, чтобы меня не могли узнать даже близкие знакомые, и через задние ворота выехал со двора. Прибыв к дому моей возлюбленной, я незаметно смешался с толпой, так ловко, что гости принимали меня за одного из принимающей стороны, а хозяева – за одного из гостей. Не выдавая себя ничем, я дождался поры, когда началась игра шурытлес, состязание конных с пешими, подтянул подпруги, взлетел на своего белоснежного коня и направился в самую гущу толпы пеших и конных. Вихрем я налетел на играющих, разогнал всех по углам и один занял середину круга, развернул коня, будто бы для того, чтобы погарцевать для забавы, затем разогнал его, подскочил к крыльцу, на котором стояла невеста, подхватил и молнией выскочил со двора – ищи ветра в поле!

Кто-то, конечно, пытался угнаться за мной, кто-то хотел поскакать наперерез, но не было на той свадьбе коня, который смог бы состязаться с моим белоснежным в беге или устоять против него в стычке. Пока гости и люди отца моей возлюбленной суетились да орали, я уже выехал из селения в чистое поле. Вот тогда я почувствовал всей душой, что такое настоящее счастье. Как же оно, мое счастье, было сладостно и как оказалось быстротечно... Ни кони их против моего, ни сами они против меня не были опасны, но есть то, что быстрее самого резвого коня и страшнее самого сурового мужа: это может быть всего одна маленькая пуля, выпущенная самым невзрачным стрелком. Она способна догнать быстрого коня, погубить бесстрашного героя и порушить самое большое счастье. Так случилось, что одна такая пуля пролетела мимо меня, сидящего в седле, и прожгла насквозь сердце моей возлюбленной, которую я нес на холке коня! Я ушел от погони, но что в том толку – всего за один миг я из самого счастливого человека на свете превратился в самого несчастного. Такова моя история, и нет мне ни утешения, ни жизни.

Выслушав его, юноша, несший лекарство, впал в раздумье. «Если мой отец ушел в мир, где пребывают предки, то не потому ли, что они его призвали в положенный срок. И что будет, если я воскрешу его таким же старым и дряхлым, как он окончил свой путь? Ведь не смогу я ему вымолить новую жизнь во всю ее длину. Нет у него будущего на этом свете. И это зелье не для тела моего отца, а для того, чтобы оживить молодую душу этой красавицы, которая еще не насладились жизнью».

– Эй, брат, – обратился он к влюбленному, – я владею средством, способным оживить твою девушку, и я его дам тебе. Только ты должен выполнить одно условие...

– Призываю бога быть моим просителем и сам же прошу тебя, назови мне условие, и нет на свете такого, на что я не был бы готов! – горячо воскликнул юноша.

– Ну тогда вот тебе зелье, теперь оно твое: раздели его на две части и одну дай выпить любому другому человеку, а другую разотри тело твоей возлюбленной. Тогда душа принявшего это средство покинет его и войдет в тело девушки, а она встанет, как ни в чем не бывало.

Сказал он это и решительно пошел восвояси, чтобы с должными почестями предать тело отца земле. Другой же понесся вперед так, словно в три прыжка мог бы достигнуть края земли. Долго ли он шел, мало ли, но, обойдя немало дорог и изрядно подустав, он однажды увидел издали одного пожилого человека, низко склонившегося над бездыханным телом мальчика. Крупные слезы катились по его усам и обильно орошали землю.

– Почтенный тхамата, не могу ли я чем-нибудь тебе помочь, что за горе так согнуло тебя? – спросил юноша после положенного приветствия.

– Эх, сынок, – отвечив старик, – моя история не столь длинна, как длинно мое горе, что я обречен нести. Юношей я был похищен разбойниками и продан на чужбину. Там прошла самая прекрасная пора жизни, дарованной мне свыше, прошла в рабстве, побегах из неволи и новых пленениях. Если не отречешься от своего намерения, то или погибнешь, или добьешься своего: вот и я однажды сумел-таки убежать. Только уже к этому времени седина начала покрывать мою голову. На родине я не нашел ни своего селения, ни своих родных, ни даже тех, кто мог бы мне что-либо о них рассказать. Когда-то род мой был славен и могуч, а теперь остался я один на свете, и некому было продолжить жизнь моего рода. Только я один и остался. Что было делать, я повстречал одну женщину, такую же несчастную, как сам, женился на ней, построил дом и зажил мирной жизнью. Семь лет у нас не было детей, семь лет я молил бога об этом. Наконец, кажется, Тхашхо сжалился над нами и даровал нам вот этого мальчика. Но если бог захочет обидеть, он всегда найдет, как это сделать: при появлении ребенка на свет этот же

свет покинула его мать. Я был слишком стар, чтобы жениться еще раз, а мальчик у меня на руках – единственное сокровище, и я пестовал его, тряся над ним, оберегал его до сих пор от всяческих бед. Но оказалось, бог не сжалился надо мной, а решил подвергнуть новому испытанию: мальчик мой, которого я семь лет лелеял, который всегда был здоровым и резвым, ни с того ни с сего, в одночасье упал и испустил дух. Умерла моя последняя радость, прервался некогда могучий род моих предков. Вот что меня согнуло и придавило к земле.

Настал теперь черед призадуматься парню, который потерял свою ненаглядную возлюбленную. «Да, – размышляет он, – я думал, мое горе самое большое на этом свете, но что оно в сравнении с горем этого старика. Чего будет стоить мое благородство и моя любовь, если я ради нее пройду мимо этого человека, не сделав для него того, что в силах совершить. И насколько будет крепким мое счастье, если ради него я буду безучастным к такому горю. Пусть же моя чистая любовь станет жертвой во имя жизни этого несчастного!». Подумал он так, достал свое зелье и вручил старику, а еще объяснил, что и как надо делать.

– Пусть на том свете моя душа возьмет на себя все твои страдания, видимо, сам Тхашхо милостивый прислал тебя ко мне во спасение. Да будет он и к тебе всегда милостив, – произнес старик и, нисколько не колеблясь, продолжил: – Ты мне оказал такую услугу, после которой еще одна просьба не покажется тебе в тягость. – Тут старик разделил зелье на две равные части. – Не оставь моего мальчика, который воскреснет сейчас, без внимания и ласки, а меня не оставь без погребения и поминок.

Сказал он так, выпил свою долю, другою натер тело своего сына, вытянулся на земле и тут же испустил дух. Юноша с почестями похоронил на развилке дорог и свою возлюбленную, и старика, затем справил по ним все обряды. После этого он назвал воскресшего мальчика своим единоутробным братом и привел в свой дом.

– Вот и вся моя история, – заявил гость. – Но теперь, уважаемый Дабаго, я не могу совместить твои справедливые суждения с моралью этой рассказанной мной истории. Не позволяет ее правда согласиться с правдой твоей.

– Почему же, – замечает Дабаго, – что ты видишь в нем несовместимого?

– Как же совместить, если судить по-твоему, оба эти парня совершили доблестные поступки, не так ли?

– Так и есть.

– Ну и старик, отец мальчика – тоже?

– Да, – подтверждает Дабаго, еще не догадываясь, к чему клонит гость.

– Ну а тогда, благословенные богом, подумайте и скажите мне, если этот мир должен принадлежать вот таким доблестным людям, что в нем они получили за свое благое деяние? Ведь ни тела их умерших не воскресли, ни жизненный путь того человека, который ценою своей жизни даровал жизнь мальчику, не был продлен. Где вознаграждение? Нет его. Одни утраты. Без возврата. Не указывает ли это на то, что мир наш принадлежит не добру, а тем, у кого конь мощнее и меч острее?

Кажется, мудрец такого оборота не ожидал, но если он и растерялся, то всего на миг. Он внимательно взглянул на гостя и увидел, что тот и сам находится в смятении, что не хочет верить в им же сказанное, а желает услышать нечто более убедительное и справедливое. Дабаго повозил посохом по земляному полу комнаты, начертал на нем какие-то знаки, потом стер их, снова что-то начертил, затем тихо молвил:

– Постой-ка, мой младший брат, как ты можешь обо всем судить только по тому, что умещается в эту брентную жизнь? А дальше – что?

Тут в свой черед опешил гость:

– Ну уж коли этот мир брентный и призрачный, и если иной мир более устойчивый, да еще мы знаем, что всё утраченное здесь мы наверняка обретем там заново, тогда самым щедрым и праведным из нас оказался бы нынче самый скаредный и корыстолюбивый. Клянусь богом, что наши скряги стали бы тогда благодетелями, а самые суровые и жестокие люди превратились бы в ласковых ягнят. Но разве при этом благодетель в этой жизни является, по сути, благим делом?

– Спасибо тебе, доблестный мой собрат, – перебил его Дабаго, ты сам ответил на свой же вопрос, который тебя к нам привел. Из сказанного тобой ясно, что не надо делать благо в надежде на вознаграждение в будущем, – так ведь? В этом я с тобой един. Не зря существует поговорка: сделал добро – брось его в воду. Если ты отдаешь одно и столько же или даже вдвое-втрое больше получаешь в будущем, это не дарение, а торг. И какая в том доблесть? Ведь сколько человек существует на земле превыше всего он ценит в другом сострадание, – ему нужно, чтобы душа другого готова была болеть его заботой. И если ты сделал добро кому-то, он будет и сам готов сделать добро, причем и тебе, и кому-нибудь другому, а другой – третьему, тот – еще четвертому. Вот так это и будет ходить по миру, став правилом, и однажды вернется к тебе самому, к твоему сыну, к твоим дальним потомкам, но уже через других людей. Вот это и делает этот мир миром человеческим.

Один из присутствующих, Джамбулат, все же не соглашается:

– Как же так, дорогой Дабаго, по-твоему, если я тебе сделал что-то хорошее, то нечего мне ожидать от тебя благодарности? И ты мне ничего не должен?

– Должен, мой брат, но должен не тебе одному. Если это в моих силах, мой долг ответить тебе прямо сейчас тем же. Но если ту меру человечности, что ты проявил ко мне, я не захочу приложить в отношении и другого, то я не исполню сполна своего долга перед тобой. Ведь ты сделал добро не в ответ, а сам, по велению твоей души.

– Постой-ка, уважаемый тхамата, – перебивает его суровый Джамбулат, – значит, если мы с тобой обменяемся взаимными добрыми услугами, это еще не настоящее добро – так получается?

– Так и есть, брат мой, ты правильно понял: творение добра – это не кольцо, а бесконечное благодеяние, и оно распространяется на всех.

При этих словах кяхский гость встал и засобирался:

– Дело, которое лишило меня покоя, и которое гоняло меня из края в край, разрешилось твоими словами! Этого ответа я не мог сам найти и не мог получить от других людей. Пусть еще долгие годы ты пребудешь между людьми, мудрый Дабаго, – сказал гость, попрощался со всеми и поспешил к себе в свои края.

До сих пор в Кяхии рассказывают о некоем лихом наезднике, который во цвете лет отрекся от оружия и воинских подвигов, хотя, как рассказывают, был не из последних удальцов. Отныне он отрицал силу оружия и служил людям своим ясным умом и мудрым словом. Только имя его в разных селениях называют по-разному. Случается, расскажут о нем историю, а правда ли, что он был, – никто не знает.

КОСМОГОНИЯ ЕГО ТВОРЧЕСКИХ ОЗАРЕНИЙ

Хасан Миседович Тхазеплов – фигура в бытии нашей, возьмём в совокупности, кабардино-балкарской литературы совершенно уникальная. Пассионарный и в то же время исполненный порой невесёлых философских размышлений о мире, простёртом между землей и небом, Хасан Тхазеплов един в своём роде.

Где-то ликом обращенный к восходу солнца, где-то – к уходящему на запад светилу, поэт всегда и там, и здесь. Его забота, его долг – поспевать везде, ибо в его понимании слово поэта – это нечто большее, чем просто изреченная мысль, она движет умами, вторгается в движение светил.

Тхазеплов, не побоимся громких констатаций, позволяет себе определяющую его жизненную позицию мысль «Между Богом и мной». Так называет он свой сборник, выпущенный к своему 50-летию. Кому-то покажется дерзостью столь смелое определение, кто-то поймёт, ибо между землёй и небом есть некая нерасторжимая связь, которую именно он, Хасан Тхазеплов, ощущая сполна, готов поведать нам, как ему удаётся соединить земной и нетленный космосы.

В канун 75-летия поэта для него, кажется, нет недоступных тем для познания, ни малейшего уголка земного и небесного бытия.

Старочерекский паренёк, а теперь известный кабардинский поэт, о котором немало рассказано и в большой и в региональной прессе, поступая в 1962 году на отделение механизации сельского хозяйства КБГУ, неосознанно, в то же время уже наитием почувствовал, что его ждёт другая стезя. Это стезя художественного творчества, на которую, после службы в армии, он ступит, став в 1969 году студентом Литературного института им. М. Горького. Здесь жизнь его сделает резкий поворот. Удивительным образом, не бросая учёбы на факультете механизации, Хасан, получив диплом инженера, в 1974 году завершит обучение и в Литературном институте.

Однако именно гуманитарий возобладал в итоге в Хасане. И он с 1975 по 1976 годы работает инструктором Урванского райкома КПСС. В 1976 году возглавил бюро пропаганды при Союзе писателей КБР.

Бюро, которое не только поддерживало в литераторах творческое горение, но оказывало хоть какую-то материальную поддержку. Золотое время было тогда: авторитет писателя, его личность государством были поставлены на должную высоту. В бюро пропаганды в Хасане счастливо обозначились организаторские способности. Много в те годы Тхазеплов со своими товарищами по литцеу поколесил по республике, встречаясь

с читателями. Теми, которые не в пример нынешним, ещё живо интересовались литературой, книгами, чтением. И каждая встреча с такой неравнодушной аудиторией стимулировала обе стороны – и литераторов, и читателей. И впрямь, благое было время для творческого человека.

В 1994 году Хасан Тхазеплов был избран съездом писателей на должность председателя Союза кабардинских писателей, проработал в этой должности положенный выборный срок – до 1998 года. Как писала о той его поре доктор филологических наук Мадина Хакуашева, Тхазеплов «в период своей деятельности способствовал объединению кабардинской, балкарской и русской секций». Речь идёт о едином союзе, где каждая этническая группа писателей занимала равное положение, что давало возможность ближе узнавать друг друга, учиться друг у друга, познавать мир через призму братских отношений. Совсем-то по С. Есенину, так ёмко сказавшему – «Поэт поэту есть кунак».

Опыт работы в Союзе писателей, конечно же, не был пустым времяпрепровождением: умение сконцентрироваться на ключевых вопросах пригодились Х. Тхазеплову, разумеется, в опосредованном преломлении, в должности главного редактора русскоязычного журнала «Литературная Кабардино-Балкария», где он пребывает и по сегодняшний день, уже облечённый высоким титулом заслуженного работника культуры РФ.

Но литератора красят его труды, его сборники, неважно в каком жанре являет он себя читателю. Там же М. Хакуашева подчеркивает, что Хасан Тхазеплов «начал писать стихи в армии. Поэзия Тхазеплова разнопланова, многозначна. Поэтический мир его зиждется на прочных традиционных основах: дом, семья, мать, отец, земля, небо. Это образная система взаимоотношений человека с самим собой, с людьми, с историей, с космосом. Уже в первом сборнике стихов «Третья смена» (1971) чувствуется сильное лирическое начало, которое усиливается и крепнет в последующих сборниках «Белая женщина» (1976), «Истоки» (1980).

Кстати, хорошо помню, как нашу писательскую братию, скажем, часть её, почему-то шокировало название «Белая женщина». Непонятно, что в этом словосочетании так тронуло иных. Ибо на определённое время тема не сходила на нет и к ней возвращались то и дело, при случае. Сам творец должен быть провокативным (избегаю слова «provokator»), хотя это определения одного ряда и сути. В одной позиции – это плюс, в другой – минус). Ну умеет Тхазеплов быть неожиданным, шокирующим, эпатажным. У него не отнимешь этого «чёртика» как в характере, так и в писаниях. Провокативен он и в выборе своего псевдонима – «Хасани» – в своей приверженности к восточной поэзии. Мне пришлось не раз и не два высказаться по поводу этих его проявлений. Но это творчество, которое тяготеет к свободе и только к свободе! Тхазеплов – вольнодумец в своих притязаниях на свободу самовыражения, и ему безразлична молва, выразимся высокопарно. Та же молва любого из нас то поднимет в зенит, то сбросит к подножию скалы. Не мог, да и

не избежал Хасан таких метаморфоз. Впрочем, они только делали его крепче, ведь стоицизм – черта его характера. Отсюда его гражданское противостояние, афронт к тем, кто, в его представлении, склонен получать, а не отдавать. Это прочитывается в его произведениях. Он – взведённый курок, он, словно тот, к которому другой великий поэт скажет: «Ваше слово, товарищ маузер!» При этом Тхазеплов никогда не изменял лиризму, а порой и сантиментам, выдающим в творце тонкую душевную конституцию. Таков и в сущностном преломлении стиль (почерк, образно-выразительная ипостась) поэта.

И рядом со всем этим – маршевые ноты, в тех же «Голосах знаменосцев». Не удивительно, Тхазеплов знаком с понятиями «плац», «присяга», «служу России!». Тот, кто был солдатом, поел той самой знаменитой перловой каши, именуемой рядовыми бойцами «шрапнелью», тот поймёт, откуда в Хасане гражданственность позиции, ничем не прикрытый пафос приверженности к родной земле, родным пенатам и большому Отечеству.

Ничего удивительного нет в том, что автор этих строк в своих суждениях о творчестве Тхазеплова пересекается с теми, кто увидел в нём некое наитие, сроднившее его с космосом – землёй и небом. Зелёная твердь и галактика, с её звездами и другими «телами», становится неким краугольным камнем его творческого поиска. Высота, высь, зенит – часто встречающиеся опорные реалии его поэзии. Он ими живёт, он ими грезит, он их зовёт в свидетели, он ими горд, счастлив и славен.

Как не выбросить из песни слова, так и нельзя в нашей литературе не заметить такого явления, как Хасан Тхазеплов. Об этом говорят его книги – от первого сборника и до последующих. Кроме названных выше, это: «Начало» (стихи), «Новая песня» (стихи, поэмы), «Жизнь земная» (стихи, поэма), «Лунный дождь» (на русском языке, издан в Москве), «Звенящий колос», «Мелодии любви», «Между Богом и мной» (стихи, поэма), «Звёздный караван» (стихи, поэмы).

Тхазеплова охотно печатают в центральных органах печати, там же много пишут, относясь с определённым пиететом к его творчеству. Не скроем, любят его в столице, Союзе писателей России. Как член приёмной комиссии СП РФ он помог не одному местному литератору. Помнится, когда шла проволочка с моим вступлением в Союз писателей России, да и после приёма мне никак не вручали членский билет, именно Хасан Тхазеплов доставил мне мой документ.

Но не только один факт. А, впрочем, это говорит о том, что Хасан способен «идти на волну», сообразуясь только со своими взглядами на то или иное явление жизни. Самостоятельность, независимость в суждениях – это его позиция. Редкое качество, согласитесь.

Согласитесь и с тем, что поэт поэту должен (просто обязан!) быть кунаком. Тогда можно уважать сообщество людей, носящих звание писателя.

Недавно Хасану Тхазеплову исполнилось 75 лет. Пожелаем же ему долгого-долгого земного и творческого долголетия!

*Мурат БОТТАЕВ,
заслуженный работник культуры КБР,
режиссёр, продюсер,
член Союза журналистов России*

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Одним из наиболее существенных признаков развития общества является наличие широко функционирующей системы массовой коммуникации. Сохранение социума и его нормальной жизнедеятельности немыслимо без книгопечатания, прессы, радио, кино и телевидения, интернета.

Развиваются и совершенствуются средства массовой коммуникации вместе с обществом. Даже самое поверхностное сравнение их состояния сейчас и в прошлом свидетельствует о громадных изменениях, которые произошли в этой области, в том числе и в наиболее ранней системе средств массовой коммуникации – периодической печати. Например, с развитием книгопечатания стал развиваться и литературный язык. Структурное и функциональное развитие литературного языка следует рассматривать, прежде всего, как процесс, зависимый от различных факторов внешнего и внутреннего порядка. Чтобы явить роль и значение этих факторов, к числу которых мы относим и периодику, необходимо показать наличие динамики в структурном и функциональном развитии языка, понять закономерности его эволюции.

Итак, в функциональном отношении литературный язык ранее отличался, прежде всего, ограниченностью употребления. Например, в сфере устного общения преобладали территориальные диалекты или обиходно-разговорный язык. Во многих общественных сферах нередко функционировали другие самостоятельные языки. Общеизвестно, например, какую роль на ранних этапах становления литературных языков Европы играла латынь. Она являлась не только источником заимствования строевых и лексических элементов, но и использовалась в качестве самостоятельного языка, значительно ограничивая функции собственных литературных языков народов Европы в науке, делопроизводстве, образовании, культуре. И в то же время, в социальном отношении новый литературный язык являлся привилегией образованных классов высшего общества и носил при этом преимущественно эпистолярный характер. Поскольку письменность являлась принадлежностью лишь высших слоев общества и имела явно выраженный элитарный характер.

Расширение сфер функционирования языка ускоряет процессы его стилистического расслоения, поэтому литературный язык стал об-

ладателем развитой стилистической системы. Процессы перестройки способствуют более адекватному выполнению языком его роли, как полифункционального элемента, и сохранению его коммуникативной целесообразности.

Понятие «литературный язык» немыслимо без понятий «литературный стандарт», «норма» и представлений об упорядоченности всей системы лингвистики. Многие исследователи обратили внимание на то, что литературный язык в значительной своей части – продукт сознательного вмешательства общества в процессы становления его норм. Нормирование литературного языка – это процесс, связанный с творческой деятельностью человека, его отборочной работой. Стихийная обработка литературного языка была характерна только для самых ранних этапов его развития.

Литературный язык всегда находился под сильным влиянием как территориальных диалектов, нормы которых складывались стихийным образом, так и старописьменных традиций. Это вело к появлению в формирующемся языке множества вариантных форм, лексической избыточности, неупорядоченности. Факт сознательного вмешательства общества в процессы развития языка подмечен давно. По свидетельству А. Доза, «французский литературный язык является языком парижского образованного общества, которое, начиная с Возрождения, одни народные нововведения устранило, другие усваивало и, таким образом, создало усовершенствованный инструмент, абсолютно не похожий на то, к чему пришел бы язык, предоставленный самому себе» [Доза 1956, 432]. Е. Д. Поливанов, в свою очередь, полагал, что «стандартный литературный язык как эстафета переходит из рук в руки от одной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт» [Поливанов 1931, 126]. Норма национального литературного языка закрепляется в письменном языке, то есть в основном в печатном слове, благодаря которому создается его единство и стандартизация, а также всеобщий характер.

В. В. Виноградов писал: «Резкий сдвиг в системе русского литературного языка в XIX в. был связан с отрывом от традиций художественной литературы предшествующего периода. Если со второй половины XVIII в. до 30–40-х гг. XIX в. основное организующее значение в структуре литературной речи принадлежало стилям «изящной словесности», то со второй половины XIX в. понятие «литературности» языка отделяется от понятия «художественности» выражения. Развитие жанров публицистики и научно-популярной статьи выдвинуло на первый план проблему «газетно-публицистического и научно-популярного языка»» [Виноградов 1934, 237]. Представители русской интеллигенции еще в прошлом веке обратили внимание на тот факт, что изящную словесность вытеснил газетно-журнальный язык. В. В. Виноградов, комментируя это поло-

жение, в другом месте признает уже, что «художественная литература теперь мало участвует в создании общих норм литературно-книжного выражения» [там же, 239].

Интересно отметить, что даже на ранних этапах формирования литературных языков, когда периодика не носила еще такого массового и всеобъемлющего характера, как в настоящее время, престижность ее была на высоком уровне. Например, о престижности и популярности журналов и газет в Германии XVIII в. свидетельствует то обстоятельство, что «умение читать газеты и разбираться в них считалось одним из элементов образованности. И не удивительно, что в списке добродетелей бюргерских дочерей появляется графа, свидетельствующая, что девица настолько хорошо знает историю и географию, что газеты может читать с полным пониманием [Семенюк 1967, 50, 53]. Можно сказать, что литературный язык в значительной степени является творением ума человека, результатом его сознательного вмешательства. Он носит более искусственный характер, чем это представляется активному носителю. Можно вспомнить несколько примеров, как литературный язык своим умением даёт всплеск патриотизма в массах.

Например, годы Великой Отечественной войны (1941–1945) явились новым этапом в развитии как литературы, так и литературного языка. Надо отметить, что интеллигенция с огромным патриотическим подъёмом приняла участие во всенародной борьбе с врагом. Четвёртая часть всего тогдашнего состава Союза писателей вошла в ряды армии в качестве бойцов, командиров, сотрудников армейских газет, военных корреспондентов. 242 писателя погибли; среди них: В. Ставский, А. Гайдар, Муса Джалиль, Е. Петров. С. Хочуев, А. Будаев и др. Свыше 300 писателей получили боевые награды, несколько писателей – звание Героя Советского Союза – С. Борзенко, П. Вершигора, М. Габдуллин, посмертно – М. Джалиль. Перед литературой встала задача художественно обобщить опыт войны, разоблачить перед всем миром звериную сущность фашизма и показать героизм народа в борьбе с врагом. Этой задаче успешно отвечали и патриотические произведения писателей Северного Кавказа: стихи, рассказы, очерки, пьесы, статьи К. Ш. Кулиева, К. С. Отарова, Х. Б. Байрамуковой, Р. Г. Гамзатова и др.

Писатели в дни войны сумели в своих произведениях отразить могучий патриотизм народов нашей страны. Многогранное и глубокое выражение мыслей и чувств человека было ярко отражено в военно-патриотической лирике Халимат Байрамуковой, в которой большое место заняли темы боевого братства воинов всех национальностей. Будучи медсестрой, она сама видела и пропускала через своё сердце боль и страдания раненых солдат, что отразилось и в прозе, и в стихах Байрамуковой. Память о пережитом восстанавливает детали и ситуации того, чем было рождено чувство боли за бойца, стремление разделить с

ним его боль. Это достигается в стихотворении богатым литературным языком, ёмкой формой, умелым отбором деталей, способным точно передать правду чувств. Халимат рассказала об этом своим женским сердцем, в котором слышится язык сердца солдата, вдовы, матери.

*Какие были у него глаза?
Сказать нельзя.
Одна лишь мать
Об этом знала.*

А если вспомним литературный язык К. Ш. Кулиева:

*Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.*

А язык А. П. Кешокова:

*От голода в блокаду над Невой
Мать умерла, замёрзших слёз не пряча.
Её младенец был ещё живой,
И грудь пустую, он сосал, не плача.*

Какая сила духа поэтов Кавказа слышна в этих строках! Да, они показали не только героизм тех лет, бесстрашие защитников Родины, но и рассказали, какой ценой потерь ковалась победа, показали, что война, разлучающая отцов и матерей, детей, разоряющая мирные очаги и дома, противоестественна людям, всему человечеству.

Поэт же Муса Джалиль своим литературным языком в застенках Моабитской тюрьмы (Берлин) создал книгу лирических стихов, пронизанных великим мужеством, стойкостью, благородством идей, мыслей и чувств. Стихи Джалиля, замечательного поэта-гражданина, казнённого гитлеровцами, стали известны лишь после войны.

Значительное развитие в военные годы получил жанр поэмы. Обороне Ленинграда посвящена поэма В. Инбер «Пулковской меридиан» (1942), стихотворение-поэма казахского поэта Джамбула «Ленинградцы – дети мои» (1941). Одним из выдающихся произведений литературы явилась поэма А. Т. Твардовского «Василий Тёркин» (1942–45), нашедшая горячий отклик у миллионов читателей. В образе солдата Тёркина поэт своим литературным языком воплотил лучшие черты русского национального характера: любовь к Родине, ясный ум, стойкость, мужество, исконное миролюбие и жизнерадостность. В проникнутой

юмором поэме широко использованы разговорная речь, прибаутки, устное народное творчество.

Вскоре после окончания войны вышел в свет ряд произведений, посвященных жизни народа в военные годы. Б. Полевой написал «Повесть о настоящем человеке» (1946) – о героизме, мужестве и воле человека, книгу, ставшую одним из любимых произведений, переведённую на многие иностранные языки. В первые послевоенные годы начался значительный приток в литературу молодых сил, принесших жизненный опыт с фронтов Великой Отечественной войны.

А с дальнейшим подъёмом культуры возникают и всё шире развиваются художественная проза, драматургия даже у недавно еще бесписьменных народов (бурят, тувинцев, каракалпаков). Некоторые народности, в прошлом кочевые и охотничьи, выдвинули из своей среды писателей и поэтов, имена которых впоследствии стали известны далеко за пределами страны. Вышла в свет книга стихов нанайца Акима Самара, погибшего при защите Сталинграда, повесть тувинского писателя Салчак Тока «Слово арата» (1950), рассказы чукотского писателя Ю. Рытхейу.

Развитие национального литературного языка на современном этапе не потеряло своего значения. Изменились только задачи в процессе языкотворчества. Это – адаптация лексики к требованиям, предъявляемым современному языку, к которым прибавились вопросы стилистики и культуры речи. Благодаря бурному развитию науки и техники появляется множество новых понятий и реалий, которые должны получить свое отражение в языке. Основной упор периодика наших дней делает на отбор и внедрение лексики терминологического характера. Это делает общедоступным множество узкоспециальных терминов для широкой и социально неоднородной аудитории.

Демократизация литературного языка, приближение его к народному языку – процесс длительный и противоречивый. Будучи общественно-детерминированным, он во многих случаях носит искусственный характер, поскольку обработка языка, имеющая целью увеличение в нем элементов народного языка, связана с отборочной деятельностью со стороны общества или отдельных его представителей, то есть является актом сознательного воздействия на процессы эволюции языка. Необходимо уметь говорить с каждым в отдельности и в доступной для него форме, оставаясь вместе с тем в рамках, накладываемых особенностями предмета сообщения и общепринятых языковых норм. Уметь говорить со всеми и обо всем – задача, которая делает литературный язык функционально неограниченным.

В стремлении сделать литературный язык общепонятным для массового читателя наблюдались иногда и другие крайности – опущение на грань вульгарного упрощительства. Так, в 20-е годы прошлого столетия звучали призывы отказаться от «литературного языка, созданного враж-

дебными классами прошлого», и перейти на подлинно народный язык «простого человека», который в разговоре не употребляет придаточных предложений [Десницкая 1974, 400].

Известно, указанная вульгарная установка на классовую природу литературного языка, как чуждого языку «крестьян и рабочих», в дальнейшем была изжита. Принцип же демократизации языка принес свои положительные плоды.

Процесс демократизации литературного языка – сложный и многоступенчатый процесс, который происходит опосредованным образом. Прежде всего, на нормы письменно-литературного языка влияет периодика. И только через посредство последней воздействует и на устную речь, поскольку письменно-литературный язык организует и регулирует в значительной степени устно-литературную форму выражения языка.

В настоящее время массовая коммуникация в целом и особенно периодика продолжают оставаться основным средством распространения литературного языка, ставшего функционально неограниченным и практически доступным всем социальным слоям. Вместе с тем, перед средствами массовой коммуникации встали иные задачи: вопрос теперь стоит не о внедрении литературного языка в широкие народные массы, а о проблемах, связанных, прежде всего, с культурой речи. На первый план выдвигается функционально-стилистическая стабилизация литературного языка, решение трудностей, связанных с дальнейшей ее стилистической дифференциацией и, в первую очередь, с неудержимым ростом и обогащением ее лексико-терминологической системы и с необходимостью ее упорядочения, и в разрешении этих проблем заключается первоочередная задача средств массовой коммуникации в целом.

Литература

- Байрамукова Х. Б.* Дым очага. М., 1976 г.
Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XVIII вв. М., 1934 г.
Десницкая А. В. Как создавалась теория национального языка. М., 1974 г.
Доза А. История французского языка. М., 1956 г.
Кешоков А. П. Стихи – стрелы. М., 1980 г.
Кулиев К. Ш. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1976 г.
Поливанов Е. Д. За языкознание. М., 1931 г.
Семенюк Н. Н. Проблема формирования норм немецкого языка 18 столетия. М., 1976 г.
Туманян Э. Г. Язык и массовая коммуникация. М., 1984 г.

*Мадина БУРАНОВА,
кандидат педагогических наук,
ведущий специалист сферы научно-
технической информации НБ КБГУ*

**«КНИГА – ЦЕННОСТЬ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»**

2018 – Год гражданского участия в России

2018 год, наряду с выдвинутыми приоритетными программами в России, объявлен годом «Гражданского участия». Сегодня, когда мы в большей степени сталкиваемся с условиями сложного современного общества, мы граждане, патриоты своей страны глубоко убеждены в том, что без поднятия подрастающего поколения на необходимую нравственную высоту мы не можем говорить в полной мере о здоровом обществе. Поэтому так велико внимание к приобщению к истокам отечественной, национальной культуры, воспитанию духовной и нравственной культуры детей и молодежи, привитию любви к Родине и долга перед Отечеством.

Многомерность чувства любви к своему Отечеству, к малой родине, где ты родился, выражается в глубоком восприятии смыслового значения понятия «патриотизм», которое не ограничивается лишь только громкими фразами. Ведь патриотизм – это исключительное чувство, соразмерное нашей гражданской совести. Он не может появляться в праздник и исчезать на следующий день. Раз осмысленное не исчезает, оно становится частью нас самих.

Что же означает это понятие для молодого поколения, как воспитывать патриотизм в детях, молодежи? Философия патриотизма – это дань моде или же историческая необходимость? Где пролегает грань между национальной гордостью и национальным невежеством? Как книга и чтение влияют на молодое сознание в восприятии данности быть патриотом своей страны?

Именно эти вопросы стали во главу угла читательской конференции, которая прошла 30 марта 2018 г. в Культурном центре им. Х. С. Темирканова Кабардино-Балкарского госуниверситета по инициативе Научной библиотеки университета и при содействии Общественной палаты КБР, правления Союза писателей КБР. Зал собрал истинных патриотов, которым небезразличны вопросы сегодняшнего дня, грядущее развитие современного общества, трепетно относящихся к историческому, образовательному, культурному наследию нашей мирной многонациональной республики Кабардино-Балкарии. Это видные общественные деятели республики, ученые, поэты и писатели, книгоиздатели, педагоги, би-

библиотекари, по зову сердца откликающиеся на проблемы современного общества.

Безусловно, на протяжении всех исторических эпох понятие «патриотизм» не утрачивает своей актуальности, и сегодня, в реалиях современной жизни, конечно же, требует все большего прочтения, осознания его роли детьми и молодежью. А литература помогает воспевать патриотический дух каждого, в ком есть любовь к Отчизне, родному краю, языку и культуре. Ведь любовь к Отчизне и любовь к людям, как утверждал В. А. Сухомлинский, – это два быстрых потока, которые, сливаясь, образуют могучую реку патриотизма. Видимо, без подлинной любви к человечеству нет подлинной любви к Родине.

«Литература – это культурный код народа»

За последнее время мы все чаще стали осознавать настоящую необходимость в понимании неотъемлемой роли патриотизма. *«Патриотизм – это иммунная система народа, и его ослабление крайне опасно», – заявил главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков.* Невозможно любить Родину, не понимая и не любя свой народ, его традиции, не переживая с ним его радости и невзгоды. Именно такие глубокие чувства вкладывает в понимание любви к родной земле Н. А. Некрасов: *«Любовь к Отечеству заключается, прежде всего, в глубоком, страстном и небесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достояние и саму жизнь».*

В сохранении памяти поколений книга всегда была одним из основных источников, формирующих историческое сознание и чувство патриотизма. Любовь к Родине, гордость за ее красоту мы чувствуем в произведениях классиков. Со страниц отечественной литературы доносится огромный поток мыслей, пробуждающие наше сознание, обращая наше сердце к доброй воле, к чистоте восприятия окружающего мира. Именно через литературу, чтение книг человек обоготворяется нравственной глубиной познаний.

«Литература – это наш язык, культурный код нашего народа, средоточие нравственных смыслов, поэтому чтение достойной литературы прививает любовь к Родине и формирует достойного гражданина. Вот почему стране нужна читающая нация», – подчеркнула заместитель председателя Общественной палаты КБР Людмила Федченко.

О Программе «Патриотическое воспитание граждан РФ»

В современном мире в системе воспитания подрастающего поколения наиболее актуальными становятся вопросы нравственности и патриотизма. К сожалению, мир книги практически закрыт для современных детей, отсутствует интерес к классической литературе, способствующей

духовно-нравственному, патриотическому воспитанию. Как сохранить в детских душах верность общечеловеческим ценностям?

Вопрос патриотического и нравственного воспитания всецело находит отражение в Законе «Об образовании в Российской Федерации». Во второй статье Закона РФ говорится: *«Государственная политика в области образования основывается на одном из принципов: гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитание гражданственности и любви к Родине...»*.

«Федеральная целевая программа развития образования утверждает патриотизм как важную социальную ценность, как основу духовно-нравственного единства общества, укрепления его государственности. Программа ставит своей целью развитие у граждан России, в частности подрастающего поколения, активного и заинтересованного отношения к отечественной истории, культуре, государственности в единстве национально-самобытных и общих цивилизационных ценностей. В данной связи, одной из первых задач, стоящих перед государственной политикой, является направление всех рычагов институтов социализации – дошкольных и школьных организаций, библиотек, вузов – в систему духовной, нравственной и культурной жизни многонациональной России», – заявила директор Института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования КБГУ Ольга Михайленко.

Так, из числа приоритетных задач, стоящих перед ИППиФСО КБГУ, актуализируются вопросы духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания, их реализация направлена в аспектах культурно-исторического, нравственно-этического, этнокультурного развития молодежи. Заслуживают внимания культурно-просветительские мероприятия, организованные совместно с сотрудниками библиотеки вуза. Это встречи, клубы любительских интересов, «круглые столы» с интересными людьми, представителями духовенства, литературные вечера, кураторские часы нравственного, гражданско-патриотического воспитания, выставки, посвященные природе родного края.

В соответствии с Государственной программой «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2010–2015 годы» в Научной библиотеке КБГУ разработана программа гражданско-патриотического воспитания «Человек. Гражданин. Патриот». Программа определяет цели, задачи, основные направления, конкретные мероприятия патриотического воспитания студенческой молодежи и ориентирована на повышение статуса патриотического воспитания в молодежной среде. Мы надеемся, что наши цели не будут беспочвенными, они обязательно направят стремления нашей молодежи в необходимое русло, ведь через книгу открываются все пути, пробуждающие высокое чувство любви и ответственности к своей Родине.

Как вновь сделать страну читающей, как помочь молодежи распознать достойную литературу? Ведь книги, по утверждению И. А. Гончарова, делают человека лучше, а это одно из основных условий и даже основная, чуть ли не единственная цель нравственного обогащения. И если мы вокруг созерцаем продуцирование невежества среди значительной части населения, то неизбежен вопиющий протест против культурной нищеты современности. Между тем, вспомним слова Ф. М. Достоевского: *«Когда я вижу вокруг себя, как люди, не зная, куда девать свое свободное время, изыскивают самые жалкие занятия и развлечения, я разыскиваю книгу и говорю внутренне: этого одного довольно на целую жизнь»*. Так, и строки из старинной английской песни возвещают о любви к книге:

*«Знаю я, многим брильянты нужны,
Золота блеск ослепляющий,
Мне же лишь книга да свет от луны,
Душу мечтой наполняющий».*

Нет ничего дороже, чем книга для мыслящего человека... По известному определению великого Шекспира: *«Книги дороже мне престола»*. Он был прав, престолы рухнули и ушли в небытие, хорошие книги никогда не стареют, им даны вечная молодость и обновление во времени.

Так и есть, книга обновляется, она приносит свои плоды для последующих поколений. Вот, что думает по этому поводу наш современник, яркий представитель молодой интеллигенции Тимур Молов: *«Книжная жизнь становится для нас на какое-то время действительной жизнью. А хорошая книга, понравившаяся нам, меняет эту повседневную жизнь. Как? Меняет, расширяя наше сознание и самосознание. Так вот, хорошая книга, раз она способна вызывать разные эмоции и чувства и т. д., одним словом переживания, является одним из способов развития эмпатии, – способности правильно распознавать свои и чужие эмоции и чувства. Более того, я уверен, что этот способ очень действенный, так как захватывающая книга в более сжатой по времени (но не по накалу) форме способна вызвать новые оттенки наших эмоций, и этим самым открыть себя по-новому для самих себя. Книга чаще всего лишь разрыхляет почву и делает возможность новому ростку нашей личности легче проявиться в нашей повседневной жизни. Благодаря этому книга делает происходящие с нами изменения менее болезненными, помогает избежать резких скачков. Она лишь подготавливает наше действительное изменение (развитие) в настоящей жизни».*

Художественная литература – самое сокровенное и необходимое средство общения

Художественное произведение в большей степени напоминает диалог автора с читателем, и в этом диалоге раскрывается одна из главных традиций литературы – ее бескомпромиссная правдивость. Книга же, по сути, представляет собой фрагмент жизни, где обязательно каждый из нас черпает только полезную правду. Ведь автор произведения желает разделить с читателем трепет самой жизни и постижение условий человеческого существования. Возьмите в пример любого писателя классической русской литературы, и вы убедитесь, что у него есть нечто необходимое, нечто важное сказать вам. Вот почему в томике стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Блока, Есенина или в романах Толстого, Достоевского, Гоголя, Шолохова мы находим столько мудрости и живой красоты.

«Бесспорно, что мы живем в таком мире, где порой сложно понять современный социум без чтения книг и созерцания величия и ума авторов произведений. Они глубоко патриотичны и оставлены в наследие для ныне живущих, как чистые признания в любви ко всему человечеству, пророческие суждения о родине. Пророчески выражаясь, содержанием произведений формировалось и наше мировоззрение, ценности, по которым мы живем и сейчас», – выразил свое суждение председатель правления Союза писателей КБР Муталип Беппаев.

Были ли патриотами Бунин, Гумилев, Цветаева, Евтушенко... – конечно, да. Разные обстоятельства заставляли этих людей на время

покинуть страну, но они жертвенно, беззаветно оставались преданными своей Родине. Бывало и так, что Родина не всегда была благожелательна к таким людям, но они не опускались до чувства обиды, следуя реалиям социального общества.

О дефиците ответственности

В истории человеческой цивилизации, как и в законах природы, нет ничего чуждого. Даже то, что мы считаем враждебным и нелицеприятным, спустя некоторое время становится на круги своя, поскольку гармонию и красоту жизни вправе создавать сам человек из глубин своей души. Ведь красота рождается из стремления человека созерцать хорошее. Пытливый ум просветленного читателя обязательно уверует в то, что есть тысячи других вещей, которые сделали бы нашу жизнь совершенно невыносимой, если бы человек не знал доподлинно окружающий мир, был менее патриотичен, чем он есть.

«К сожалению, в обществе наблюдается зачастую дефицит ответственности, поэтому так важно, чтобы каждый был сопричастен построению здорового общества, восполнял, таким образом свою любовь к Родине активной созидательной деятельностью, – это и есть одна из составляющих патриотического сознания. Безусловно, было бы верным, если бы данное понятие воспринималось гражданским сообществом как личный вклад каждого в цивилизационный багаж человечества. И очень важно понять, что в образе патриота прочитывается нечто большее, в нем отражаются качественные характеристики человека культуры мира, который способен трезво воспринимать реалии современного мира и ищет в других культурах, народностях, что можно заимствовать хорошее, чтобы сделать нашу жизнь более разумной», – делится своими воззрениями идейный вдохновитель проведения читательской конференции, член Общественной палаты КБР Мария Котлярова.

Безусловно, с помощью постижения знаний о других культурах, человек погружается в многополярный мир. В этом смысле литература, как главный источник знаний, способствует гармонизации отношений человека и общества, являясь одной из основных культурных ценностей народов, она обеспечивает культурную самоидентификацию, осознает коммуникативные эстетические возможности родного языка, между тем и культуры остальных народов.

Родной язык – национальная гордость народа

«Человеку свойственна глубокая привязанность к родной земле. Это то самое светлое чувство, лежащее в основе нашего мировоззрения. Любовь к Отечеству нужно воспитывать, и чувство привязанности к малой родине не возникает само по себе, его нужно постоянно пробуждать и развивать. От любви к понятному и близкому, реально осязаемому

и дорогому с рождения пробуждается очень значимое во все времена чувство патриотизма.

Совершенно справедлива мысль Д. С. Лихачева о том, что *«любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Культура как растение, у нее есть ветви, но и корни, чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней»*. Любовь к Отечеству укрепляется силой духа тогда, когда у человека запечатлены образы, связанные с родным краем, языком, когда появляется чувство гордости оттого, что всё это – твоя Родина.

Очень важна доминирующая роль родного языка, в котором заложена философия культуры и образа мышления народа. П. А. Вяземский очень точно интерпретирует смысловое значение родного языка:

*«Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной».*

Еще К. Д. Ушинский говорил, что язык народа является полнейшим отражением родины и духовной жизни народа: *«Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка... Таков этот великий народный педагог – родное слово»*.

«Человек, знающий свой родной язык, самый счастливый. Родной язык, это язык чувств и язык воспитания детей, – делится своими мыслями член правления Союза писателей КБР, поэт, редактор газеты «Кабардино-Балкарская правда» Светлана Моттаева. – В основном, знающие родной язык используют его для общения на бытовом уровне. Современные дети даже в семьях не знают литературного языка», – констатирует она. Обобщив свои наблюдения, Светлана Мустафаевна предложила включить на рассмотрение в резолюцию читательской конференции положения об организации библиотечных исследований в вузах и школах, предусматривающих выявление мотиваций и степень удовлетворения спроса на национальную литературу, определение жанров и наиболее читаемых авторов, активизировать проведение мероприятий на родных языках, с наибольшей подачей популяризирующих книги поэтов и писателей Кабардино-Балкарии.

Сохранение и развитие родного языка – это настоятельная необходимость современности, поскольку через язык и литературу человек впитывает в себя наилучшие ценности, отождествляющие национальное самосознание, характер и ментальность народа. Вчитываясь в произведения основателей литературной мысли Кабардино-Балкарии – Бекмурзы

Пачева, Кязима Мечиева, Али и Адама Шогенцуковых, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова, Берта Гуртуева и многих современных авторов, молодое сознание приобщается к многообразию богатства литературного наследия, которое проникнуто чувством Родины, чистотой и насыщенностью духовных истоков, исходящих из самого сердца народа. Поэтому народным может называться тот поэт, писатель, чей язык не только прост и понятен, который всецело может выразить национальный характер, настроения, мечты, сомнения, надежды своего народа. Великие классики кабардинской и балкарской литератур зажгли пламя литературной мысли, благодаря своей любви к родимой земле и родному языку. Они были влюблены в жизнь, очарованы вечной красотой своего края и родной речи, которая оставалась колыбелью, зовом души и сердцем народа.

Пример яркой жизни, подвига во имя счастья человечества

Дорога к сердцам детей, молодежи лежит через память о тех, кто погиб за наше Отечество. Память вбирает в себя многое: и чувство благодарности к героям войны, и чувство долга, и неприятие зла, и стремление утвердить справедливость в мире. «Учат слова, но увлекают примеры» – гласит народная мудрость. Пример яркой жизни, подвига во имя счастья человечества – это свет, озаряющий жизнь человека. Героизм – это не отвлеченное понятие, а способность человека отдавать себя служению народу, и готовность к этому, как и само героическое, воспитывается не только окружающими, но и самой личностью.

Воспоминания, дневниковые записки очевидцев ярких событий до мельчайших подробностей восстанавливают для читателей героические поступки или события давно минувших дней, преподносятся молодому поколению как урок, как опыт, как бесценное достояние. Тема гражданско-патриотического воспитания всегда остается самой волнующей и необходимой для Алены Черновой, главного специалиста Отделения морально-психологического обеспечения Управления по работе с личным составом МВД по КБР. Она твердо убеждена в том, что каждому человеку нужно задуматься над тем, как надо жить, чтобы стать достойным и полезным гражданином своей страны. В этом смысле оказание поддержки молодежи, правильное определение цели в жизни, направление их стремления – это одна из основных задач каждого, кто считает себя в ответе перед будущим страны. Заслуживает особого внимания трепетное и ответственное отношение Алены Александровны к восстановлению героической памяти ветеранов, прошедших через испытания Великой Отечественной войны, через огненные дороги Афганистана, прославлению подвигов ветеранов МВД нашей республики. Вот, что пишет обо всем этом сама А. А. Чернова: *«Следовать за мыслью великого человека – есть наука самая занимательная. Читая мемуары военачальников, а классический пример этому, бесспорно, – книги маршала К. Г. Жукова,*

мы понимаем вселенский масштаб героизма воинов Красной Армии, освободившей мир от коричневой чумы.

С детства воспитанная на нужных книгах, которые мудро рекомендовал мне отец, я сама стала пристально отслеживать это направление в литературе, и сегодня не скрою истину, если скажу, что каждый литературный героический образ чаще всего имеет реальный прототип. И искренне верю, что правильно воспитанное молодое поколение, имея огромный выбор, откроет страницы нужной книги и не ошибется, если эта книга мемуарного жанра, чтобы получить в своей жизни достойный пример героя нашего времени. Особенно значимо и нужно читать книги, из которых мы узнаем о своих земляках или людях, оставивших яркий след в истории нашей республики. Большим потрясением для меня стала книга воспоминаний об обороне Тулы в годы Великой Отечественной войны человека, который сыграл важную роль в истории КБР. В 2016 году Указом Президента России В. В. Путина звание Героя России (посмертно) было присвоено генерал-майору А. П. Горшкову. Разгромив части Красной Армии под Орлом, военные соединения армии «Великая Германия» и танковая армия Гудериана рвались к Москве. Но на их пути непреодолимой преградой к сердцу страны встала Тула.

Основная тяжесть обороны города до прихода основных советских войск легла на тульский рабочий полк, организованный в предельно короткие сроки А. П. Горшковым. Через 70 лет его воинский подвиг будет оценен высшей наградой страны, после Победы А. П. Горшков в течение трех лет возглавлял МВД Кабардинской АССР, участвуя в восстановлении разрушенной республики. Самоотверженно трудились сотрудники милиции, ведя непримиримую борьбу с разгулявшейся послевоенной преступностью, мародерством, беспризорностью. Разве какие другие источники, кроме личных воспоминаний Горшкова, расскажут нам о тех нелегких годах нашей с вами родной республики, разве будет сочинен в полной мере достойный роман или поэма о тех героических буднях.

Ветераны МВД Кабардино-Балкарии внесли существенный вклад в сохранение героических страниц истории нашей республики. Потомкам мы оставляем более трех десятков наименований книг, повествующих о людях, безупречным выполнением своих воинских и служебных обязанностей сохранивших всем нам мир. Это книги сотрудников органов внутренних дел Валерия Шипилова, Заурби Шхагапсоева, Залимгери Мирзоева, Николая Галяндина, Оюса Гуртуева, Бати Балкизова.

Под воздействием их примера, мне самой пришлось поднять практически неизвестный ранее (в течение 70 лет) материал о единственной женщине-сотруднице милиции КБАССР, погибшей в застенках гестапо в период оккупации Северного Кавказа фашистами. Долгое время наши архивы молча хранили сведения о бесстрашии Любви Михайловны Доб-

ротворской, уроженки Зольского района, теперь ее имя заслуженно прозвучит в дни празднования Великой Победы.

Гордимся мы и книгой, посвященной воинам-интернационалистам, нашим землякам, изданной по инициативе руководителя Кабардино-Балкарской организации «Ветеран» Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и военной травмы. Для детей и внуков вечной памятью останется книга воспоминаний бесстрашных парней, с честью выполнивших свой воинский долг в Афганистане.

Эпиграфом ко многим военным мемуарам могут служить слова автора недавно опубликованных фрагментов «Из дневника лейтенанта» А. Николаева: «То, что я видел, прочувствовал и осознал на войне – мои личные, субъективные переживания и осмысления, когда конкретные и реальные факты как бы проходят сквозь ментальный и эмоциональный фильтр души. Воспоминания эти содержат в себе нечто основное, что я рискнул бы назвать моментом достоверности...».

Литература – психология и зеркало души...

«Патриотизм – это не значит только одна любовь к своей родине. Это гораздо больше... Это сознание своей неотъемлемости от родины и неотъемлемое переживание с ней ее счастливых и ее несчастных дней». Слова Л. Н. Толстого достаточно ясно характеризуют суть патриотизма, и одновременно являются продолжением для наших серьезных размышлений на столь актуальную и необходимую для познания тему. Л. Н. Толстой утверждал, что патриот – скрытая теплота. В своем произведении «Война и мир» он определяет его понимание не только по-русски, но и по-французски – *chaleur latente*, то есть – теплота – это скрытая энергия, часто скрытая от самого человека. То есть мы подразумеваем те скрытые чувства, которые открываются в критические минуты, либо нет. И часто эта человеческая энергия проявляется в критических ситуациях существования страны, а в обыденной для человека жизни патриотизм проявляется не всегда, он не опознает его, а литература позволяет направить человека, осознать, кто таков сам человек в этой жизни, и когда он задумается над этим, в нем пробуждаются чувства, и тогда уже он создает атмосферу диалога с миром и самим собой. Вот это самое главное. Не зря было сказано:

*«Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».*

«Звезда ученого» профессору А. Ф. Закураеву

Высокое собрание международной академии наук экологической безопасности и жизнедеятельности (МАНЭБ) при ООН, президиум и члены Ассоциации ученых и изобретателей (АУИ) СКФО и ЮФО искренне поздравляют доктора технических наук, профессора, академика РАТ и МАНЭБ, изобретателя, кавалера ордена «Звезда Почёта» Закураева Аслана Фуадовича с присвоением ему звания «Заслуженный деятель науки» с вручением ордена «Звезда ученого» академии МАНЭБ при ООН.

Высшая награда присвоена за выдающиеся достижения в области проектирования и конструирования альтернативных экологически чистых новых видов гибридных транспортно-дорожных систем и композиционных материалов, не имеющих аналогов в мире.

Гордимся, что такой ученый родился и живет в России, на Кавказе, в КБР.

С уважением,

Президент МАНЭБ, д.т.н., профессор, академик О. Н. Русак,
члены президиума Ассоциации ученых и изобретатели СКФО и ЮФО, соратники и друзья.

г. Санкт-Петербург, 5 июня 2018 г.

*Аслан ЗАКУРАЕВ,
д.т.н., профессор, академик МАНЭБ, РАТ,
изобретатель, заслуженный деятель науки,
кавалер орденов «Звезда Почёта»
и «Звезда Ученого»
академии МАНЭБ при ООН*

**Создание транспортного коридора
СКФО–Абхазия
в районе западного Кавказа на основе
инновационных транспортных проектов**

Ни с чем не сравнимые по красоте природы и рекреационным характеристикам Западный Кавказ и Абхазия традиционно столетиями привлекали к себе внимание людей. В центре горной гряды Западного Кавказа и в Абхазии расположились заповедные зоны Кавказского биосферного заповедника и Сочинского национального парка. А вокруг них, как бы ожерельем, находятся курортные регионы, города и районы. С южной части хребта, на черноморском побережье России, сегодня выросла целая цепь таких городов-курортов, как Сочи, Туапсе, Геленджик, Новороссийск, Анапа, а в Абхазии – Сухум, Гагра, Пицунда и др. Со стороны северного склона Эльбруса к нему прилегают курортно-туристические районы Адыгейской республики, Краснодарского края, Карачаево-Черкесской республики. К ним примыкают курортно-бальнеологические города и районы Ставропольского края и Кабардино-Балкарии.

Туризм в современном мире стремительно выходит в лидирующую группу отраслей мировой экономики. Основа туризма – транспорт. Огромные потоки автомобилей, железнодорожных составов, кораблей и самолётов сегодня непрерывно несут по транспортным коридорам сотни миллионов пассажиров и грузов, среди которых всё более нарастает доля туристов и грузопотоков, их обслуживающих. Эти потоки постоянно устремлены на морские, бальнеологические, горные курорты, в культурные и исторические места, на деловые конгрессы и ярмарки, фестивали и спортивные форумы и т. д. Именно транспорт несет на себе эту нарастающую лавину людей и грузов, причём всё чаще и больше именно туда, где ещё остаётся чистая экологическая среда, нетронутая природа, где безопасно, хороший климат и недорогой сервис, интересная и полезная для здоровья национальная кухня.

Поэтому в XXI веке, который будет веком индустрии туризма, туристско-рекреационный потенциал Западного Кавказа способен превратить данный регион в крупнейший мировой курортно-бальнеологический

туристический центр. Этот потенциал имеет место быть только благодаря тому, что горные массивы не дают современным видам дорог и транспорта войти на территории парков и заповедников. Но всё это может весьма быстро измениться, если автомобильные и железные дороги и их дублёры начнут проникать вглубь горных территорий по долинам горных рек и перевалам.

Такие дороги, очень грубо вторгаясь в природу Кавказа, будут нести невосполнимое разрушение экосистемы. В связи с этим возникает необходимость обратить особое внимание на предостерегающий опыт транспортного и туристического освоения, например, европейских Альп, результатом которого в 80–90-е годы были экстренные и весьма дорогостоящие меры всех приальпийских государств по оздоровлению и спасению своих горных территорий.

При этом под воздействием стремительно развивающегося туризма всё настойчивее звучит идея пробивки автотранспортных коридоров через Западный Кавказский хребет в районе северо-западной части Эльбруса – в Абхазию и Большой Сочи напрямую. Многочисленных авторов этих идей не смущает, что эти автотранспортные коридоры будут пролегать по заповедным землям, экология которых, при нынешних транспортных технологиях, просто не допускает самой возможности этих проектов из-за их разрушительного характера для экосистем, по которым намечен проброс автотрасс.

Поэтому для принятия решений строительства международного транспортного коридора в XXI веке нужен более широкий, комплексный и системный подход, учитывающий чрезвычайно большой диапазон экономических, технических, технологических, социальных, политических и экологических факторов.

Следовательно, процесс глобальной интеграции между субъектами федерации РФ СКФО и Абхазии требует обоснованного международного договора, комплексного и инновационного подхода к транспортной политике – ***«новая архитектура транспортной политики для нового столетия в зоне Западно-Кавказского и Абхазского биосферного заповедника, а также Сочинского национального парка»***.

Эта стратегия является системой «связности» территории разных субъектов РФ в регионе СКФО с Абхазией, что является гарантом экономической стабильности на Кавказе на длительный срок.

Цель такого проекта – разработка экологически чистых транспортных средств перемещения пассажиров и грузопотоков через хребет Западного Кавказа из СКФО в Абхазию. То есть речь идёт о создании сети современных эстакадных дорог типа грузопассажирских трубопроводных и грузовых скоростных канатных дорог вдоль берега моря – одновременно с созданием непосредственного транспортного сообщения всех районов и городов Абхазии с Красной Поляной, с обеспечением суточной до-

ступности туда и обратно от аэропорта Минеральных Вод до Красной Поляны через Абхазию.

Такие транспортные системы могут решить неразрешимую задачу. Как пройти, где нельзя пройти, не дотрагиваясь до земли, без шума, не пугая птиц и зверя? Но пройти во главе нарастающего давления со стороны мирового туристического потока, привлекая его ресурсы для укрепления, а не разрушения уникальной экосистемы Западного Кавказа.

Также принципиально и то, что гибридная транспортная система будущего будет питаться альтернативными возобновляемыми источниками энергии (воздух, солнце, вакуум, аккумуляторная батарея, магнитная левитация и т. д.) [1, 5].

В процессе транспортировки трубопроводным способом вся система не будет зависеть от погоды, от наземного, воздушного видов транспорта. Будут отсутствовать проблемы транспортных пробок, заторов, задымленности, шума, которые присущи наземным и воздушным видам транспорта. Скорость доставки в горных местах в деловых, общественных, жилых центрах и т.д. будет в 5 раз выше, чем наземными видами транспорта [3].

Такой вид надземного прозрачного скоростного трубопроводного транспорта не имеющего аналога в мире, спроектирован в России, рис 1.

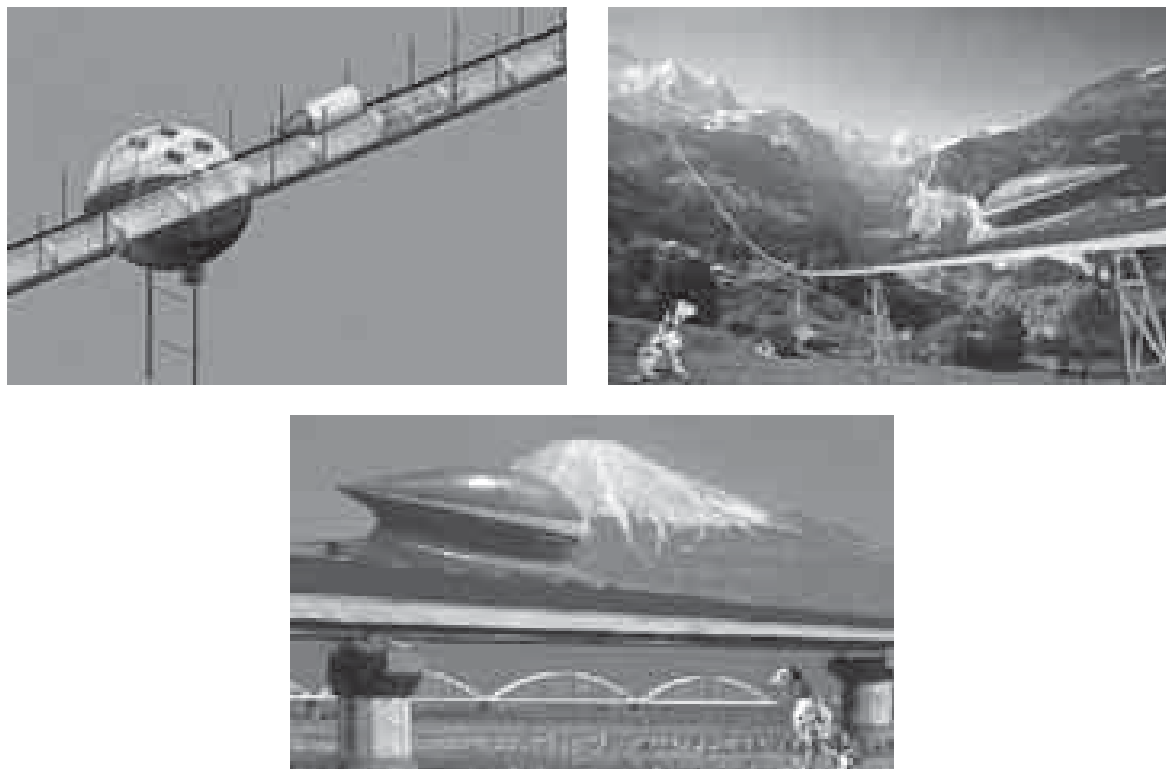

Рис. 1. Общий вид трубопроводного транспорта на трассе

Как видим, трассу можно проложить в горной местности с любой кривизной, а также в городе между зданиями, отстоящими друг от

друга на расстоянии три метра, диаметр прозрачной трубы – 2,5 метра. Трассировка осуществляется на высоте от 3,5–12 метров, что выше основных дикорастущих деревьев в горных зонах и всех городских коммуникационных, рекламных инфраструктур. Турист при перемещении может обозреть ландшафт и панораму города. Система автоматизирована, движение происходит без водителя. Транспортные капсулы могут быть как одноместными, так и до 18 мест. В городском режиме скорость движения составляет 60 км/ч, за городской чертой – скорость 120 км/ч с суточной производительностью 12 тыс. чел., без ожидания для посадки и высадки людей и выгрузки грузов. Уровень шума – 10 Дцб.

Грузопассажирские многофункциональные скоростные канатные дороги большой вместимости (до 80 чел.) двигаются со скоростью 45 км/ч при ветровом потоке 15 м/с без раскачивания, работают в круглосуточном режиме, а также дополнительно могут служить для подвоза и вывоза социально-значимых грузов из санаториев, домов отдыха, на локальных сетях, стыкующихся с магистральными сетями. Общая протяженность предлагаемой трассы 190 км, стоимость 1 км – 2,9 млн долларов. Общая провозная способность 9 тыс. чел. в сутки и 800 т груза. Уровень шума – 20 Дцб. Такая конструкция грузопассажирской канатной дороги разработана, рис 2.

Рис. 2. Общий вид грузопассажирской канатной скоростной дороги

В связи с изложенным выше, необходимо отдельно подчеркнуть актуальность инновационной составляющей предложенных ультрасовременных видов транспорта, без которых в долгосрочной перспективе не удастся обеспечить необходимый для региональных транспортных коридоров уровень конкурентоспособности.

Кристина КАРАХАНОВА

Кристина Робертовна Караханова родилась в Нальчике, в семье, где чтение не просто поощрялось, а стало одним из краеугольных камней воспитания. Случилось так, что для главы семьи книга как таковая стала не только увлечением, но и профессиональной деятельностью. Его домашняя библиотека, имея тематическую направленность, пополнялась популярными изданиями, при этом предпочтение отдавалось отнюдь не дефицитной литературе, а прежде всего нужной для работы души, воспитания. Особое место в ней отводилось литературе, посвященной Кавказу, Кабардино-Балкарии – истории, этнографии, орографии народов, здесь проживающих. Эту любовь к родной земле, отчему краю Роберт Караханов передал своим детям. Дочь Кристина воплотила ее в поэтических строчках, а писать она начала еще в школе.

В 2006 году Кристина Караханова с отличием окончила Пятигорский лингвистический университет. Дальше были поиски себя, своего места в жизни. Перепробовала многое – работала дизайнером, художником-оформителем, редактором литературно-художественных изданий.

Так получилось, что оказалась в Болгарии, городе Варна, где нашла свою судьбу, родила двух детей. Серьезно обратиться к поэзии ее подвигло желание подготовить книгу, в которой бы в органическом единстве присутствовали и дополняли друг друга авторские как живописные, так и литературные работы.

Предлагаемое читателям стихотворение – об одном из коренных народов нашей республики. Строки, наполненные светом, теплом; афористичные и емкие. И кто знает, может, когда-нибудь к ним напишут мелодию...

*Виктор Котляров,
писатель, член СП России*

АДЫГ

Хасану Тхазеплову

Рожден среди величественных гор,
Адыг и мыслит, и живет по чести.
Не ищет благ его суровый взор
В чужих краях, в ином прекрасном месте.

Хранит очаг и древний свой народ,
Соединяя мудрость и отвагу.

В столетьях испытаний и невзгод
Пронес он верность воинскому стягу.

Адыг живет, не строя крепостей,
Не сеет меж народами раздоры,
Но – ввергнет в ад непрошенных гостей,
Пришедших осквернить родные горы.

Адыг не мыслит жизнь без сыновей:
Они – надежда родового древа,
А в шуме зеленеющих ветвей –
Звучанье богатырского напева.

Сынам нести с заботой на плечах
Завещанный отцами свод законов,
Чтобы огонь традиций не зачах,
Теснимый жестким временем со склонов.

Адыг не мыслит жизнь без дочерей,
Чарующих красотой и кротким нравом.
Праматерь Сатаней, будь к ним добрей, –
Пусть век вершат с достоинством и правом.

В них – продолжение жизни на земле,
Столь милой сердцу каждого адыга.
В них – свет, противоборствующий мгле,
Рождение блистательного мига.

Адыг не мыслит жизнь без скакуна,
Готового за ним в огонь и воду.
Желанный мир и вечная война
Взрастили кабардинскую породу,

И бурных рек крутые берега,
Где наливались крепостью копыта,
И щедрые альпийские луга,
Где близость с небесами не забыта.

Таков адыга истинный портрет:
Почтенье к старшим и любовь к отчизне,
Веками нерушимый этикет
И честь, что для него ценнее жизни.

Магжан Бекенович Жумабаев родился 25 июня 1893 года в Полудинской волости Петропавловского уезда Акмолинской губернии (ныне район Магжана Жумабаева Северо-Казахстанской области).

С 1905 по 1910 гг. Магжан учится в медресе (духовной семинарии) г. Петропавловска, где преподавали арабский, персидский, турецкий языки как основные предметы, изучалась история тюркских народов.

Осенью 1910 года он приехал в Уфу и поступил в знаменитое в ту пору медресе «Галия», приравненное к высшему духовному учебному заведению. Значительное влияние на духовное становление поэта оказал Галимжан Ибрагимов, впоследствии известный татарский писатель, преподававший в медресе. По его совету М. Жумабаев переезжает в Омск, чтобы поступить в учительскую семинарию, которую оканчивает с золотой медалью в 1917 году.

Творческий путь Жумабаева начался в 1909 году. Широкое признание принес ему сборник «Шолпан» (Казань, 1912 г.). В этот период он знакомится с людьми, оказавшими большое влияние на его творчество: Б. Майлиным, С. Сейфуллиным, М. Дулатовым, Г. Потаниным, который после первых встреч с Магжаном предсказал, что юноша в будущем станет вторым Чоканом Валихановым. Предсказание великого ученого сбылось: Магжан Жумабаев впоследствии стал крупным тюркологом, историком, лингвистом, педагогом в духе русской классической школы, автором учебников по казахскому языку и литературе, книги «Педагогика».

В первой половине 20-х годов М. Жумабаев живет в Ташкенте, где работает в газете «Ак жол», печатается в местных журналах «Шолпан», «Сана». В это время создается знаменитая поэма «Батыр Баян». Здесь же, в Ташкенте, выходит его второй сборник стихов в 1923 году.

В 1923 году по приглашению наркома просвещения А. В. Луначарского поэт приезжает в Москву и преподает восточные языки в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Принимает активное участие в работе издательства «Восток», составляет учебники для средних и неполных средних казахских школ, а вечерами учится в Высшем литературно-художественном институте. В Москве (1923–1926 гг.) Жумабаев много занимается художественным переводом. Им были переведены на казахский язык и изданы «Песня о Буревестнике» М. Горького, «Белый конь» Мамина-Сибиряка, многие рассказы В. С. Иванова, написанные о жизни казахов.

В 1927 году Магжан возвращается в Петропавловск и работает преподавателем педагогического техникума и в совпартшколе.

В 1929 году М. Жумабаева арестовывают по ложному обвинению и осуждают на 10 лет. В 1935 году, находясь в лагере, Магжан написал письмо Максиму Горькому, который помог ему досрочно освободиться из заключения. В 1936 году, вернувшись в Петропавловск, он преподает русский язык и русскую литературу в неполной средней школе имени Пушкина, но вскоре его увольняют. Он решает ехать в Алма-Ату, поступает на работу в краеведческий музей. Не успел привыкнуть к новой работе – его вновь увольняют. Несмотря на свое положение, душевное состояние, он пишет стихи «Джамбулу», «Девяносто девять», «К перу моему».

30 декабря 1937 года Магжан вновь арестован, а уже 19 марта 1938 года расстрелян как «враг народа».

8 июля 1960 года Жумабаев был посмертно реабилитирован, в 1988 году поэт был реабилитирован окончательно.

КТО Я?

Я грозный лев, кто сдержит мой напор? –
Я тигр, который устрашает взор.
Я в небе туча, на земле – буран,
Бушующий с равнин до самых гор.

Я в небе солнце, чьи лучи щедры,
Сын космоса, я ваш лишь до поры!
Я океан без берегов и дна,
Я весь приволье, нега и порыв!

Весь пламя я, ожгу, поберегись,
Я тот скакун, быть ровней с коим – риск!
Пусть небо рухнет, иль земля – во прах,
Я усмехнусь лишь, одобряя жизнь!

Я не умру и дух мой не умрет,
Что смерти нет, не знает всякий сброд.
Я сам и царь, и сам себе – судья,
Совет мне даст лишь явный сумасброд.

Когда я добр, то мыслю как в раю,
Когда во гневе, ад в себе таю.
Нет близких мне, один я, как Господь,
Заслужат ли рабы любовь мою?!

Лишь сам я бог, себе поклоны бью,
Мой слог – Коран, я свой лишь слог люблю.
Я окаянный и покаянный – я,
Дух прошлого, я кончил жизнь твою!

СОКРОВЕННОЕ

Когда я рад, забуду обо всем,
Не раз людьми обозван был глупцом.
Когда грущу я, мрачен, как в аду,
Но я отходчив, не живу я злом.

Когда смеюсь, смеюсь я без ума,
Когда я плачу, всюду только тьма.
Когда враждую, кровь пролить готов,
Когда дружу, я – жертвенность сама.

Я женщину не так люблю, как вы,
Сгораю в миг я на костре любви.
Душа важна мне и важна мне плоть,
Я душу с телом стисну до крови.

Она смеется, я – еще звончей,
Заплачет если, плачу вместе с ней.
Оставшись враз без тела и души,
Умрет она, но я умру быстрее.

Увижу вновь, опять смеюсь, ожив,
Вновь в петлю лезу, разум позабыв.
Жизнь степь, а я – топочущий малыш,
То оступлюсь, то встану на призыв.

Жизнь как река, надежда – чебачок,
Словами дурит рыбу ветерок.
Безумец – я, младенец – я, во мне
Надежды пламя пересилит рок.

«Я сам Господь и сам себе слуга»,
Порой и Бога числю во врагах.
Но если что случится вдруг со мной,
К нему иду я в горестных слезах.

Ну вот, читатель, я раскрылся весь,
Ты красок лишних, лжи не встретишь здесь.
И что в ответ? Улыбку вижу я
Ослиной пасти... Вот весь интерес.

ПРОРОК

*Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш Пророк.
Д. С. Мережковский*

Над Западом сгустился мрак ночной,
Там Солнце ныне не взойдет с зарей.
Во мгле ночной лишь демоны кружат,
И даже Бог растоптан там толпой.

Над Западом сгустился мрак ночной,
На небе звезд не видной ни одной.
Здесь дети ночи, Бога умертвив,
Напрасно ждали, что придет другой.

Над Западом сгустился мрак ночной,
Здесь всякий занят полной ерундой.
Законы веры знать им не дано,
Здесь брюхо застит окоем собой.

Исчадья тьмы дорогой тьмы идут,
Их и Муса ¹ не вызволит из пут.
Айса ², сын Божий, распят ими был,
Лишь крови жаждал их неправый суд.

О, дети ночи, под покровом мглы,
Лишь Вельзевулу ³ поклонялись вы.
И Библию, топтали, и Коран,
Восславив брюхо, что еще могли?

О, дети ночи, вы – заре враги,
Ваш Каин ⁴ первый вырос на крови.
Животное, чей идеал лишь плоть,
Как может знать высокий зов любви?!

¹ Муса – библейский Моисей.

² Иисус.

³ Другое имя Сатаны.

⁴ По Библии, сын Адама, убивший своего брата Авеля. Это было первое убийство в человеческой истории.

Так в половодье волн страшит накат,
Так яд в крови рождает в ней распад.
О, дети ночи, ваш повержен мир,
Над Западом – раскаты канонад.

В кромешной тьме царит над всеми ночь,
В ней голоса, и всхлипы, и не прочь
В ней кто-то засмеяться, зарыдать,
Незримый кто-то там до игр охоч.

Незримый кто-то воеет и орет,
Таких, как сам, на шабаш он зовет.
Вот он споткнулся, снова побежал,
Слепой во тьме, как путь он разберет?

В кромешной тьме он ходит, востроглаз,
Беда и кровь нашли тут свой экстаз.
И задыхаясь от паров таких,
Он ходит в думах тяжких как напасть.

В кромешной тьме и время медлит ход,
Не сдержишь тут и мыслей хоровод.
С незрячих глаз лия потоки слез,
С Востока он теперь пророка ждет.

Был в древности рожден от Солнца гунн,
От гунна – я, как пламя, вечно юн.
Я ликом чист, глазами я раскос,
И, пламенея, жду я свой канун.

О, не грусти, слепец мой, дай мне срок,
Я Солнца сын, верней, его зрачок.
Иду я к вам, пылая словно весть,
Рожденный гунном солнечный пророк.

Слепец несчастный, ты глаза раскрой
С Востока я иду к тебе с зарей.
Иду к тебе, я – призванный пророк,
Дождись меня, готовься к «Отходной».

Я – свет с Востока, радостный восход,
Мой голос сотрясает небосвод.

Над миром всем сгустился мрак ночной,
Дам миру свет я, Солнце вновь взойдет.

В кромешной тьме печален плач осин,
В кромешной тьме рыдает ночи сын.
В кромешной тьме – луч солнца золотой,
То я иду, пророк и Палладин.

ОГОНЬ

Я от Солнца рожден,
Я пылаю как Он,
Предан Солнцу душой.
Узких глаз моих взор
Искрометен и скор!
Я люблюсь собой!
На Земле одинок,
Лишь огонь только Бог!

С нежным пламенем слит,
Он, целуя, палит,
Усмехнется и вон!
Взбудоражив, смутив,
Уберет всех с пути.
Его имя – Огонь!
Так зовут и меня,
Я – поклонник Огня!

Красно небо огнем,
Все бледнеет при нем.
Жар вдохну я, и – бодр.
Божеества нет святей,
Я святыне моей
Капну масла в костер!
Капну масла, он, чист,
Гордо выгнется ввысь!

Заклинает он змей,
Он дракона сильнеей.
Вон пылает, маня.
Пламенеет огонь,
Быстроглаз я, как он.
Мы – прямая родня!
Пламенею и я –
Огнебога дитя!

Суд над тьмою творя,
Занялася заря,
Я зарею рожден!
Я и сердцем – в зарю,
Я и верой горю,
Солнцу лишь мой поклон!

Сын зари и огня,
До последнего дня
Я со мглою в вражде.
С гор алтайских до стран
В пиках Альп и Балкан,
Пролетал я везде.
Пролетал как стрела, –
Чтобы не было зла!

*Подготовил к печати Аскер Додуев,
народный поэт КЧР, почетный член АМАН*

Марина ГЕРИЕВА

Марина Муссаевна Гериева – учитель английского языка, высшей категории МКОУ СОШ № 6 г. о. Нальчик, педагогический стаж – 28 лет. Победитель конкурса лучших учителей Российской Федерации в рамках Приоритетного национального проекта «Образование» в 2014–2015 учебном году, обладатель президентского гранта,

ветеран труда. Награждена почетными грамотами министерства образования и науки РФ, Парламента КБР, министерства образования и науки КБР, местной администрации г. о. Нальчик, Департамента образования местной администрации г. о. Нальчик. Победитель муниципального этапа республиканского конкурса «Учитель года – 2009» в номинации «Самый классный «Классный».

Марина Гериева родилась и выросла в учительской семье и поэтому главными учителями считает своих родителей. Мама, Соня Хажмусаевна, проработала в школе 50 лет. Папа, Байдаев Мусса Керимович, известный в республике прозаик и поэт, член Союза писателей СССР, проработал управляющим по делам религии в Совете министров КБР 20 лет, но свою трудовую деятельность начинал преподавателем истории в школе.

Сегодня она – опытный педагог, заслуженно пользующийся уважением коллег и любовью своих подопечных. Успех для Марины Муссаевны – это радость самореализации. Важным моментом в её работе является создание ситуации успеха, где ребенок имеет возможность испытать радость, почувствовать веру в себя. Её увлечения: поэзия, национальные танцы, вокал, очень любит писать разные сценарии и заниматься тематическими постановками.

Моя Кабардино-Балкария

Великие горы, великий народ!
Здесь много могучих и снежных высот!
Здесь каждому гостю рады всегда!
Мы вместе – Балкария и Кабарда!

Здесь много прекрасных традиций, не счесть!
Здесь правят веками лишь мудрость и честь!

Здесь чтят стариков и джигитов растят.
Великий Кавказ, ты каждому рад!

А как здесь танцуют, а как здесь поют!
Мелодии наши, как реки, текут.
Джигиты, как скалы, – тверды и сильны,
А девушки наши – красивей луны!

Гордись, наш великий и гордый народ!
Пусть мир процветает и дружба растёт!
И где б ни ходили и не жили мы,
Мы – дети Кавказа! Ему мы верны!

Ода семье

Сегодня радость в нашем доме –
Друзьями полон родной дом.
Кругом весёлый смех раздольный
И детский громкий перезвон.

Что может быть на свете ярче,
Чем радость матери, отца.
Что может быть на свете жарче,
Чем эти детские сердца.

Живите, радуйтесь, растите!
А мы вас будем обожать.
И обязательно научим
Родных и близких уважать.

Мы постараемся, поверьте,
Нас жизнь связала навсегда.
Пусть вас ведёт по этой жизни
Любовь родителей всегда.

Какая прелесть эти дети –
Дочурки наши, сыновья.
Как хорошо когда на свете,
Есть слово ценное – семья!

Не ищи меня больше...

Не ходи со мной рядом, я уже не твоя.
Не сверли нежным взглядом, у меня жизнь своя.
Не пытайся задобрить моё сердце в ночи,
Не ищи меня больше, никогда не ищи!

Иногда всё проходит, мой родной человек.
Жизнь нас крепко заводит, но, увы, не навек.
И поступки свершая, судьбе вопреки,
Забываем частенько, как мы были близки.

Убежать друг от друга – не такой тяжкий труд,
Но куда же нам деться от невзгод и разлук?
Как заставить наш разум выбрать правильный путь?
Чтобы с болью проститься и с тобою, мой друг.

Все волнения и страсти у нас позади,
И как сложно принять, что теперь – далеки...
Но наш жизненный опыт с нами будет всегда,
Всё что прожито вместе, не забыть никогда!

Я скучать буду вечно, это знаю лишь я.
Увы, жизнь скоротечна, всем известно, друзья.
Но поскольку нам свыше дан счастливый билет,
Мы обязаны жить и дарить добрый свет.

Пусть со мной ты не рядом, я теперь не твоя.
У меня, знай, дружище, есть правда своя!
Это дети, родные и, конечно, друзья.

Ну а ты оставайся со своею судьбой.
Только жизнь тебе скажет, кто ты такой.
Не пытайся задобрить мое сердце в ночи,
Не ищи меня больше, никогда не ищи.

Мой Кавказ

Сколько б на свете дорог ни прошёл,
Краше Кавказа я не нашёл.
Эльбруса вершины, паря над тобой,
Как исполины, берегут твой покой.

Великий Кавказ, твой гордый народ,
Сегодня тебе эту песню поёт!
Давай, зажигай! Мы – единый народ!
Лезгинка Кавказа нас ждёт!

Кабардино-Балкария, всех собирай!
Адыгея, Чечня, песню гор запевай!
Карачай и Черкесия, в круг выходи!
Осетия, тоже не жди!

Ингуши, Дагестан, мы с вами, друзья!
Мы дети Кавказа! Это наша Земля!
И сколько б на свете ни прошёл я дорог,
Любовь я к Кавказу сберёг!

Великий Кавказ, твой гордый народ
Сегодня тебе эту песню поёт!
Давай, зажигай! Мы – единый народ!
Лезгинка Кавказа нас ждёт!

*Павел СИДОРУК,
председатель совета Кабардино-Балкарского
Общественного движения
«За единение – «Сябры»,
почетный член Адыгской (Черкесской)
международной академии наук*

ПИСЬМО В БЕЛАРУСЬ

3 июля Беларусь отметила незабываемую дату – 74-летие освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Здесь, далеко от родных мест, где живу более сорока лет, острее воспринимаешь события военного времени на территории Белоруссии и глубже ценишь понятия – СССР, Родина, дружба народов. Время безжалостно. В Кабардино-Балкарской республике, медаль учрежденная президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко «60-лет освобождения Республики от немецко-фашистских захватчиков», была вручена 168 ветеранам, «Участнику освобождения Белоруссии» (65-летие) – 101 чел., (70-летие) – 12. В прошлом году на встречу в их честь, проводимую ежегодно нашим общественным движением «Сябры» в день Независимости республики Беларусь, смогло прийти три ветерана.

Чем дальше мы от тех страшных лет, тем более важно помнить и знать, какой ценой и как досталась Победа, кто сложил голову во имя нашей жизни. Донести правду до молодежи постсоветского времени и мирового сообщества. Не дать исказить подвиг советских людей и нашу Победу.

Живет в Кабардино-Балкарии Нахушев Ахмед Беталович, служащий ФНС России по Баксанскому району, который вместе с тремя детьми (школьники и студентка) все свободное время занимается розыском лиц, удостоенных боевых наград во время Великой Отечественной войны (уже разыскали и торжественно вручили 106 чел.), но в силу различных обстоятельств в обстановке боевых действий, зачастую смерти, не получивших их в свое время. Случалось, что о награждении орденами, медалями не знали ни сами герои, ни их дети, внуки. Сколько судеб, сколько боли и радости одновременно при выявлении таких лиц. Праведные слова «награда нашла своего героя» имеют место.

Почему пишу вам, жителям Беларуси? Первое, многие выходцы из Кабардино-Балкарии партизанили в лесах Белоруссии, мы разыскали и опубликовали их имена в СМИ Кабардино-Балкарии, таких 27 человек, а многие погибли при ее освобождении. Второе,

горжусь, что мои земляки не очерствели к событиям военных лет. И этому есть факты.

18 января 1944 года в ожесточенном бою западнее города Мозырь, подняв бойцов на очередной штурм укрепленного рубежа, смертью храбрых погиб гвардии старший лейтенант Мухарби Дамжукович Геррандоков, начальник штаба 62-го гвардейского кавалерийского полка 16-й гвардейской Черниговской кавалерийской дивизии. Приказом по войскам Первого Белорусского фронта № 44 от 28.04.1944 г. (посмертно) он награжден орденом Кутузова III степени (единственный кавалер этого ордена в КБР). Похоронен в братской могиле в деревне Мелешковичи, Мозырьского района. А. Нахушев, узнав о неврученном ордене на сайте «Победы», сделал все, чтобы о герое знали земляки. И в день очередной годовщины гибели М. Геррандокова Глава Кабардино-Балкарской Республики Юрий Александрович Коков от имени Президента России В. В. Путина передал орденский знак и удостоверение к нему на хранение в Национальный музей Кабардино-Балкарии. Музей, который от разграбления фашистами в годы оккупации (есть документы) спас уроженец Белоруссии Савчук Степан Петрович, родом с д. Щербин, которая возле Бреста. А орден – на хранение, исключение из правил, вручается только удостоверение.

Уже в послевоенное время родилась в деревне Иваново Мозырьского района девушка по имени Кристина Прокопович, которая по месту работы в Москве встретила с двоюродной племянницей М. Геррандокова Маритой. Не осталось сердце Кристины равнодушным, когда она узнала

о его боевом пути. Будучи дома, она и ее родители посетили братскую могилу, где захоронен М. Герандоков, возложили цветы, передали землю на родину героя. Полководческого ордена Александра Невского за освобождение Белоруссии удостоен (посмертно) и другой уроженец Кабардино-Балкарии – подполковник Карданов Сагид Асхадович. Погиб 10 января 1944 года. Первичное захоронение – г. Городок Витебской области. О его судьбе и участии в боевых действиях недостаточно и книги, а статья – просто дань уважения защитнику страны.

Нет, не прерывается память поколений, не очерствели сердца от времени. Спасибо и Кристине, и Алене Бестаевой, уроженке Беларуси, которая помогла Тимуру Карданову – руководителю патриотического клуба «Родина» из республики Северная Осетия-Алания, в розыске судьбы земляка Альбина Харитоновича Канукова. Он сын двух народов, кабардинского и осетинского, в годы войны – командир партизанского отряда им. М. В. Фрунзе, действовавшего в моем Жабинковском районе Брестской области. В грозном 1942 году за участие в боях на территории Донецкой и Ростовской областей он был представлен к званию Героя Советского Союза, но награжден орденом Боевого Красного Знамени. Управление Вооруженных Сил Республики Беларусь по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войны очень ответственно отнеслось к просьбе А. Нахушева выяснить место захоронения и уточнить биографические данные рядового Шогенова Хазраила Татуевича, погибшего 15 ноября 1943 г. в Городецком районе Витебской области, буквально за десять дней до смерти награжденного медалью «За отвагу». Нашли, уточнили, сообщили. Перезахоронен в д. Холомерье Вировлянского сельского Совета. А удостоверение к медали в 2018 г. торжественно вручили сыну фронтовика. Да, и в наше время есть те, кто достойно продолжает дело защиты страны. Шогемов Залим Долетгириевич, кавалер двух орденов Мужества, полученных в наше время, – племянник М. Герандокова. Полковник запаса, все свободное время посвятивший розыску погибших земляков и увековечению их имен через СМИ и издание книг.

В тревожное время мы живем. Нет уверенности в будущем. Нет идеи, за которую гибли защитники Советского Союза. Почему-то стыдимся патриотических чувств. Но пока есть мы, дети и внуки участников Великой Отечественной войны, воспитанные на примерах их самоотверженности и верности воинскому долгу, любви к родине, мы не дадим исказить историю Великой Отечественной, предать забвению имена павших. Это общая Победа народов бывшей великой страны СССР.

ГРАЖДАНСКИЙ ВОЕННЫЙ

Очерк

5 апреля нынешнего года в концертном зале Центрального Академического театра Российской армии состоялось торжественное мероприятие, посвященное 100-летию образования военных комиссариатов страны. На него в числе прочих были приглашены и трое представителей республиканского военкомата Кабардино-Балкарии, среди которых был ветеран Вооруженных Сил РФ, полковник в отставке Владимир Сабасович Киштиков. Остановимся на его личности подробнее.

Владимир Сабасович Киштиков

Владимир Сабасович родился 10 декабря 1938 года в селении Лескен II Лескенского района тогдашней КБАССР в семье колхозников. По окончании Великой Отечественной войны, когда ему исполнилось семь лет, как и тысячи его сверстников, пошёл учиться в Лескенскую среднюю школу, которую и окончил в 1955 году. А уже в следующем поступил в Кабардино-Балкарский Государственный университет на отделение иностранных языков. Студент Киштиков учился прилежно и через пять лет получил специальность «учитель немецкого языка». Однако стен университета молодой специалист не покинул, поступив на работу ассистентом кафедры иностранных языков, и до августа 1962 года преподавал немецкий студентам сельскохозяйственного и биологического факультетов. 1962-й год в истории нашей страны стоит особняком. В памяти старшего поколения наших сограждан он остался, в основном, как год Карибского кризиса, когда отношения между двумя супердержавами – СССР и США обострились до предела и в штабах обеих стран всерьез обсуждались перспективы – казавшейся неизбежной – ядерной войны. Нужно напомнить, что в 1955 году, в противовес НАТО, социалистические страны Восточной Европы создали

свой военный блок, получивший название по месту подписания соответствующего соглашения – Варшавский договор. В частях советского контингента, которые дислоцировались теперь на территории Германской Демократической Республики, Польши, Чехословакии, Румынии и других стран народной демократии, стал остро ощущаться дефицит военных переводчиков, и, как человек владеющий языком одного из вероятных противников, к тому же окончивший военную кафедру в звании лейтенанта, Владимир Киштиков был призван на военную службу в кадры Вооруженных Сил СССР. Первым местом службы молодого специалиста стала ГДР – передний край холодной войны в Европе. Здесь, в составе Группы советских войск в Германии (ГСВГ), в городах Нойштрёлиц (земля Мекленбург-Передняя Померания) и Фюрстенберг (земля Бранденбург) в должности переводчика начальника разведки спецчастей Владимир Киштиков прослужил семь лет, после чего в январе 1969 года был откомандирован из ГСВГ на родину, где был назначен на должность заместителя военного комиссара Зольского района КБР.

О сути своей службы в составе разведки специальных частей ГСВГ Владимир Сабасович, по причинам её секретности, рассказывает неохотно и достаточно скупно. Гораздо охотнее – о впечатлениях от жизни граждан Восточной Германии.

«Немецкий быт, традиции, устройство жизни немцев, конечно, удивляли, – вспоминает Владимир Сабасович. – Сравнивая ГДР с Советским Союзом, наши офицеры с горечью отмечали, что мы, вчерашние победители и хозяева одной шестой части Земного шара, живем заметно хуже своих недавних, проигравших войну, врагов. Здесь, в Восточной Германии не было ни очередей за самыми необходимыми продуктами, ни карточной системы, которую в СССР отменили немногим более десяти лет назад, ни жалоб на маленькую заработную плату. Причиной всему – железный немецкий «орнунг» – пронизывающий все сферы жизни местного общества, включая, конечно, и армию. Во время совместных учений офицеры вооруженных сил ГДР успевали выполнять все свои служебные обязанности вовремя и, соответственно, у них всегда было время на полноценный отдых и даже развлечения. У нас же были постоянные авралы, и часто приходилось работать до глубокой ночи, а иногда и вовсе без сна. Считаю, что это происходило из-за самодурства некоторых высших начальников и непрофессионализма части офицеров.

Владимир Сабасович объяснил, что задача разведки спецчастей ГСВГ, в которой он служил, состояла в добывании информации о проходящих на территории Западной Германии (ФРГ) военных приготовлениях и манёврах. Это были радиоперехваты, сортировка информации и подготовка оперативных сводок для тогдашнего командующего ГСВГ генерала армии Якубовского.

В должности районного замвоенкома Владимир Киштиков пробыл всего год, после чего был направлен на службу в военный комиссариат КБАССР – старшим помощником начальника мобилизационного отдела. Находясь в этой должности, он одновременно продолжал повышать свой образовательный и профессиональный уровень, и в 1974 году, уже будучи майором, экстерном окончил Орджоникидзевское общевоинское военное училище. Спустя два года после этого судьба вновь забросила нашего героя в Зольский районный военкомат, но уже на должность военного комиссара.

«В августе 1978 года меня опять перевели в Нальчик, где я получил новое назначение – на должность заместителя начальника мобилизационного управления военкомата республики, – говорит Владимир Сабасович. – В 1983-м назначают уже начальником 1-го отдела и одновременно заместителем военкома КБАССР. С этой должности в апреле 1989 года я и вышел в отставку в звании полковника и мундир уже не надевал».

Но и выйдя на пенсию, Владимир Киштиков продолжал работать – теперь уже в министерстве сельского хозяйства республики на должности специалиста по гражданской обороне. Правда, эта сугубо гражданская служба длилась недолго. Уже в 1995 году он вернулся на службу в военкомат КБР старшим помощником начальника отдела.

«В это время в стране происходили грандиозные, но далеко не всегда оправданные преобразования, – вспоминает Владимир Сабасович. – Кадровых военных в военном комиссариате становилось всё меньше, их места всё чаще стали занимать люди, далёкие от военной службы и военного дела. Шла первая чеченская кампания, и потенциальные призывники под любыми предлогами старались уклониться от службы в рядах Российской армии. Армейская служба вообще стала непрестижной. Никто не хотел волею обстоятельств попасть в Чечню и участвовать в войне, которую наши демократические СМИ окрестили «позорной» и «неправедной». Однако мы, сотрудники военкомата КБР, продолжали делать свою работу и, думаю, что выполняли мы её добросовестно».

Среди наград, полученных Владимиром Киштиковым за годы службы, помимо юбилейных, числятся медали «За безупречную службу» всех трёх степеней, медаль «Ветеран Вооруженных Сил», а также благодарность министра обороны Польской Народной Республики маршала Спыхальского (1906–1980). За свою деятельность в гражданских структурах Владимир Сабасович отмечен медалью «За трудовую доблесть» и Почётной грамотой КБР.

В начале 2000 года Владимир Сабасович возглавил мобилизационный отдел военкомата КБР. На этой должности, несмотря на пенсионный возраст, он служит до сих пор.

«Теперь уже в военкомате практически не осталось кадровых военных, – сетует он. – Кругом одним цивильные костюмы. Дело в том,

что гражданский специалист получает зарплату, которая в шесть-семь раз уступает жалованью кадрового офицера. Это результат недолгой, но бурной деятельности экс-министра обороны РФ Анатолия Сердюкова, который стремился экономить буквально на всём. Сегодня, после известного скандала, большинство граждан России поняли, куда пошли сэкономленные таким образом средства. Мы между собой называли его «мебельщиком», так как до начала своей головокружительной карьеры в военном ведомстве он был директором мебельного магазина.

Однако и после отстранения Сердюкова ситуация практически не изменилась. Сотрудники военкомата республики, несмотря на важность того дела, которым они занимаются, по-прежнему получают очень низкие зарплаты – 12–15 тысяч.

«Тем не менее, – говорит Владимир Сабасович, – объем работы, который выполняет наш отдел, остаётся прежним. В круг обязанностей сотрудников возглавляемого мной подразделения входит подготовка мобилизационных ресурсов – офицеров запаса, сержантов, старшин, рядовых и матросов в соответствии с их военно-учётными специальностями. На контроле мобилизационного отдела также находится вся техника, задействованная сегодня в народном хозяйстве – грузовой и пассажирский автотранспорт, автомобили спецназначения – тягачи, дорожно-строительная техника, подъёмные краны, пожарные машины, тяжёлые мотоциклы, квадроциклы и т. д. Завтра, в случае вооруженного конфликта, это техника может быть использована различными войсковыми подразделениями. Нами учитываются также объёмы производства и закладки продовольствия, количество автозаправочных станций, наличие и объёмы разных видов топлива».

Помимо перечисленного, подчинённые Владимира Кишტიкова осуществляют взаимодействие с ГИБДД, «Ростехнадзором», «Статуправлением» и другими организациями республики, и вся эта работа выполняется пятью (!) специалистами мобилизационного отдела.

На вопрос о том, чем он любит заниматься в свободное от работы время и есть ли у него какое-нибудь хобби, Владимир Сабасович с улыбкой отвечает: «Хобби у меня есть – это моя дача в микрорайоне «Дубки». Но добираться я до неё нечасто. Во всяком случае, гораздо реже, чем хотелось бы: всё время отнимает работа, однако и без неё я уже не могу. Даже не представляю, чем буду заниматься, когда окончательно уйду на покой».

Тамара СОЗАЕВА,
преподаватель МХК КБГУ

ЖИВОПИСЬ – ЦАРИЦА ИСКУССТВ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Наверное, нет на свете ни одного образованного человека, который не знал бы имени Леонардо да Винчи. Он был великим художником, человеком, внесшим большой вклад в разные области науки. О жизни и деятельности Леонардо много написано, пишется и будет написано. Отдельного внимания достоин тот факт, имеющий много документальных подтверждений, что матерью его была черкешенка. Ученый и писатель Кертис Билл Пеппер в своем романе о Леонардо, над которым он работал пятнадцать лет, рассказывает историю матери художника. По-английски название этого романа звучит так: «Leonardo a biographical novel». Эту книгу мне привезли друзья из Америки. Отрывки о детстве Леонардо и о его матери были переведены на русский и кабардинский языки. С английского на русский его перевела кандидат филологических наук Залина Дадова, а с русского на кабардинский – поэт Петр Хатуев. Мы надеемся, что данная работа в будущем поможет нашим молодым исследователям раскрыть подробности исторических связей между адыгами и средневековой Италией.

Леонид Шогенов

То, что принято называть Возрождением, было утверждением преемственности великой античной культуры, утверждением идеалов гуманизма. Это было концом средневековья и началом новой эры.

Гуманизм! Проповедники новой культуры называли себя гуманистами, производя это слово от латинского *humanus* – «человечный – человеческий».

Истинный гуманизм провозглашает право нового человека на свободу, счастье, признает благо человека основой социального устройства, утверждает принципы равенства, справедливости, человечности.

Итальянские гуманисты открывали мир классической древности (классицизм), раскрывали в забытых хранилищах творения древних авторов. На этом новом пути особенно рано выдвинулась Флоренция – крупнейшей во всей тогдашней Европе центр производства шерстяных тканей. Новый вольный ветер проносится в этом городе. Флорентийская республика освобождает крестьян от крепостной повинности (1239 г.), основывая такое решение поразительным для того времени политиче-

ским «кредо»: человек не может зависеть от произвола другого лица, и республика укрепляла его на всей территории.

Шаг за шагом, подчиняясь своему влечению, гуманисты эпохи Возрождения утверждали в практической жизни гуманизм. Его исследовательская мощь прокладывала себе путь во всех областях знания. Тому свидетельство – творчество великого Леонардо да Винчи (15 апр. 1452 – 1519–1520 гг.) Величественный пейзаж открывается в тех местах, где протекало его детство: темные уступы гор, буйная зелень виноградников и туманные дали.

Исключительная одаренность будущего великого мастера проявилась очень рано. По словам Вазари (библиограф Леонардо), он уже в детстве настолько преуспел в арифметике, что своими вопросами ставил в затруднительное положение преподавателей. Великий живописец и изобретатель вел свои записные книжки, где описывал действия боевых кораблей, разрывных снарядов, новый вид артиллерии, экскаваторы, водные лыжи, водометные костюмы и целый проект подводной войны с грозной надписью, обращенный к неприятелю: «Если через четыре часа не сдадитесь – пойдете ко дну! Леонардо». И, конечно же, здесь разнообразные аппараты – прообразы и самолетов и вертолетов, а к ним – парашюты.

В XV–XVI веках Турция вела победоносные войны со средиземноморскими государствами. Недавно был обнаружен перевод письма Леонардо к султану Баязиду II с проектом построения грандиозного моста через Босфор. Почему не воспользовался этим проектом султан – неизвестно, хотя проект был очень заманчивым для любого правителя того времени, если учесть, что итальянские города-государства подвергались нашествию извне, а также нападали друг на друга из-за материальных ценностей. Таковы каноны средневековья и эпохи Возрождения.

Я же хочу рассказать о создании картины «Джоконда» знаменитого Леонардо да Винчи.

...Прогуливаясь, по своему обыкновению, ранним утром, Леонардо однажды услышал удивленный возглас женщины, которая любовалась с балкона утренней зарей. Притягиваемый звуками этого голоса, Леонардо вошел в дом, откуда он доносился. Дом принадлежал флорентийскому купцу Франческо дель Джокондо. Жену этого человека звали Мона Лиза (Джоконда). Получив разрешение на позирование, художник обратился к следующему приему: во время работы над картиной он приглашал музыкантов, которые играли на лире и пели, и шутов, которые постоянно поддерживали в его модели веселое настроение.

Все это для того, чтобы меланхолия не исказила её черты. О картине библиограф Вазари скажет: «Глаза имеют тот блеск и ту влажность, которые постоянно наблюдаются у живого человека... Нос со своими прекрасными отверстиями, розовыми и нежными, кажется живым... рот...

представляется не сочинением размытых красок, а настоящей плотью. Улыбка столь приятная, что, глядя на этот портрет, испытываешь более божественное, чем человеческое, удовольствие... Губы великий художник рисовал двенадцать лет.

Есть замечательные картины в истории искусств, поражающие нас богатым содержанием, полнотой жизни и совершенством живописи. Но «Джоконда» – единственная картина, где так много выражает это «живое» лицо. Все живет и трепещет в её фигуре, она подлинна, как сама жизнь.

На лице её едва играет улыбка, которая приковывает к себе зрителя силой, действительно неудержимой. Эта улыбка особенно поразительна в контрасте с направленным на зрителя бесстрастным, словно испытующим взглядом. Что означают они, этот взгляд и эта улыбка? Много об этом писалось, но каждый, кто почувствует на себе их воздействие, откроет в них и мудрость, и лукавство, и высокомерие, знание какой-то тайны, как и опыт всех предыдущих тысячелетий человеческого бытия. Это не радостная улыбка, которая сквозит во всем мироощущении Леонардо, и кажется нам, будто эта улыбка разливается по всей картине. Леонардовская улыбка – одновременно мудрая, лукавая, насмешливая и манящая, но, взглянув на неё, мы подпадаем под её власть – власть великой притягательной силы. Леонардо создает портрет с прекрасными руками, хотя правая рука уже парализована (по словам исследователей).

Да, действительно, руки вот-вот поднимутся или покоятся в такт мысли. Джоконда продолжает очаровывать зрителя гармоничностью черт лица, пронизательностью ума, богатством интеллекта. Сложностью духовного мира, тонкостью эмоций. Джоконда удивляет и притягивает нас к себе. Кажется, вот-вот заговорит с нами, поделится самым сокровенным, или внимательно вас слушает, или ответит на ваше суждение, или разозлится, или успокоит вас. Всей этой психологической гармонии великий художник добился благодаря освоению «сфумато» – тончайшего перехода красок от светлого к темным тонам и наоборот. Масляные краски были впервые изобретены в Нидерландах, но таящиеся в них новые возможности в передаче света и тени, живописных нюансов, почти незаметных переходов из тона в тон были впервые изучены и до конца использованы Леонардо.

А вот другая версия создания картины «Джоконда».

Великого Леонардо, полного сил художника, призвал в Рим Джулиано Медичи – брат папы Римского Льва X (Медичи) – для написания картины своей возлюбленной синьоры Пачифики Брондано, названной Джокондой – играющей. Картина писалась долго, она поражала зрителя отделкой всех деталей, особенно – лицо и глаза. Джоконда на картине была как живая. Но у некоторых зрителей, несмотря на красоту изобра-

женной женщины, возникало чувство страха, им казалось, что вместо нее может возникнуть чудовище. Исследователи не исключают действия отрицательных биотоков, глядя на «Джоконду».

В «Неделе» (№ 48 за 1993 г.), основываясь на биоэнергетическом обследовании больных, так называемых энергетических вампиров, Станислав Смирнов – почетный член Международной академии энергоинформационных наук пишет: «... Такое случается, когда человек испытывает острый дефицит собственного биополя. Чтобы не умереть, такой вампир поглощает энергию своих близких, приводя их к болезням и несчастьям. Именно поэтому судьба людей, приближающихся к ней, оказывалась трагической. Непростой сложилась судьба Пачифики. Её брак с испанским дворянином был недолгим – муж скоро умер. Джулиано Медичи (правитель Флоренции) тоже недолго был её возлюбленным, умер от чахотки. Их сын Ипполит скончался молодым. Да и здоровье самого Леонардо за время работы над портретом пришло в полное расстройство».

Может быть, больной Джулиано чувствовал страшную силу картины и поэтому оставил её художнику. В 1502–1503 годах король Франции Франциск I приглашает Леонардо во Францию. Леонардо дает согласие и картину увозит с собой. Вот таким образом мировой шедевр оказался в музее Лувра во Франции.

Картина хранится за водо-пыле-пуленепробиваемым стеклом. Стоит картина в рамке (60x90 см), на рессорах – на случай землетрясения. Но, как сказано в книге Экклезиаста, «ничто не вечно под луной». Самый страшный враг старых картин – калюкер – порча – разрушение красок, покрывающих холст.

Из Японии в 1974 году «Джоконду» привезли в Москву для демонстрации. Поместили шедевр в музей им. А. С. Пушкина. По словам автора этой статьи, люди занимали очередь очень рано. Очередь тянулась на расстоянии где-то в 500–600 метров. В каждом ряду по 12–15 человек. Мы (с подругой) подошли к 8-ми часам. Картина демонстрировалась уже второй месяц. Это говорит об огромном желании людей увидеть мировой шедевр. Мы попали в демонстрационный зал в первом часу ночи. Люди в толпе говорили, чтобы пообщаться с Джокондой, надо попасть в фокусное расстояние.

Фокус – расстояние от оптического центра до объектива. Это значит – смотреть в глаза Джоконды. Глаза в глаза. Когда это достигается – происходит чудо! Ты отводишь глаза в сторону – она в сторону, ты влево – она влево, ты вправо – она вправо, ты улыбаешься – она улыбается и т.д.

И это чудесное мгновение продолжается до тех пор, пока не нарушится фокус. Пока я шла спиной к выходу, не отрываясь от её глаз, Джоконда была рядом. Но как только отведешь взгляд, картина оказывается на первоначальном месте – в начале зала.

Существует четыре версии создания картины «Джоконда», но справедлива только одна – на картине не Мона Лиза, не сам автор и не Констанца, а Пачифика Брондано. Только в этой версии, как в полностью разгаданном кроссворде, сходятся все обстоятельства. Получает объяснение даже ее траурная вуаль на голове, ставящая в тупик исследователей двух первых версий. Это память об умершем муже-испанце, а может быть, и траур по будущим жертвам. И только версией Пачифики объясняется огромная незатухающая злая сила картины.

Слова о злой картине – не только теория. Так, Ирина Чернышова рассказывает: будучи недавно в Лувре, в конце осмотра подошла к «Джоконде». Был вечер, музей закрывался, никого в зале не было. Через минуту Ирине стало не по себе, а затем и вообще возникла тоска и стало страшно. По словам Станислава Смирнова, у Ирины начиналось проявление синдрома Стендаля, когда люди падают в обморок перед некоторыми картинами от внезапного биоэнергетического истощения. Ирина подошла к выходу и только на улице успокоилась, но тяжелое впечатление сохранилось надолго.

Еще один рассказ о картине художницы Натальи Алексеевны.

Ее знакомый привез из Парижа хорошую репродукцию «Джоконды». Но через некоторое время он отдал ее Наталье со словами: «Что-то с ней меня стали преследовать неудачи. Может, тебе повезет». Но теперь неудачи началась у новой владелицы. И вообще, всякий раз, когда она подходила к этой репродукции, возникала глухая тоска. Наталья в испуге хотела сжечь ее, но она не горела. Только на даче, хорошо разогрев печку, удалось избавиться от опасного подарка. И сразу же стало легче.

Картин с отрицательной энергией немало, в частности это относится и к картине Ф. Бруни «Медный змий». Что... уничтожить эти картины?

На это Станислав Смирнов отвечает – это бы явилось актом преступления против человечества.

Изучение, догадки, распознавание великого произведения. Вопрос – как можно создать такой шедевр? Ответа нет.

Разводя руками, исследователи тешат себя тем, что великий Леонардо да Винчи – пришелец из параллельных миров.

С разных сторон предстает перед нами богатая поисковая работа великого живописца и художника, возбуждает интерес к эпохе Возрождения.

В ПОТОКЕ ЖИЗНИ

Недавно вышедшая из печати книга культуролога Г. Д. Базиевой «Этнические традиции и современные инновации в художественных текстах» в точности соответствует поставленной автором цели: подвергнуть «анализу художественные тексты как культурологические феномены, обладающие этнокультурными и эстетическими признаками, определяющими универсальные и специфические знаковые системы в творческих практиках». Объектом рефлексии для Г. Базиевой становятся форма, символика и семантика художественных произведений кабардино-балкарских мастеров искусств, которые

она рассматривает в контексте общемировых и российских тенденций и направлений в различных видах творчества.

Охватывая огромный исторический период, начиная с древности и до наших дней, культуролог стремится создать многомерную панораму искусства коренных народов республики. Правда, изучая глобализационные процессы, протекающие в мировой культуре, которые повлияли на развитие культуры Кабардино-Балкарии, она явно сужает объем используемого ею местного материала, в то время как теоретическая база – множество цитат из трудов выдающихся западных и российских мыслителей – чрезвычайно и, может быть, даже неоправданно обширна.

Среди достоинств научного издания нельзя не отметить способность автора ощущать связь времен, умение показать причины и следствия происходящих в жизни и искусстве перемен, очевидные и скрытые пружины взаимодействия и взаимовлияния между культурой и общественно-политической жизнью Кабардино-Балкарии. Еще одно достоинство книги: она позволяет вести диалог с читателем, который может соглашаться или не соглашаться с выводами автора. Все это дает надежду на то, что книга культуролога Г. Базиевой, совершенно естественно влившаяся в поток нашей жизни, не останется незамеченной и привлечет внимание потенциальных читателей, которым она и адресуется: «студентам, аспирантам вузов, гуманитариям широкого профиля».

Евгений ЛИСТОПАДОВ

Евгений Иванович Листопадов широко известен в Кабардино-Балкарии как фотохудожник, работы которого неоднократно представлялись на всевозможных выставках в республике и за ее пределами, публиковались в периодической печати. Состоялись три персональных выставки. Свет увидели и три больших персональных фотоальбома, рассказывающие о красоте нашего края.

Евгений Иванович был руководителем народной киностудии на заводах «Телемеханика» и СКЭП, стал дипломантом многих всесоюзных и всероссийских конкурсов любительских фильмов в Москве, Туле, Калининграде и т.д. В республиканских СМИ не раз появлялись его зарисовки и заметки, отличавшиеся нестандартным стилем письма. Публиковался Е. Листопадов – член Союза журналистов СССР – и в центральной прессе.

В 2007 году в государственном книжном издательстве «Эльбрус» вышел в свет роман Е. И. Листопадова «Поезд идет во все стороны» – о жизни разных слоев нашего общества в годы правления И. Сталина, увиденной глазами многих людей и собранной воедино в творческом объективе автора. Он принимал участие в коллективном сборнике писателей Северного Кавказа «Возвращение домой», изданном в Москве Фондом социально-экономических программ С. Филатова. В 2015 году в издательстве «Эльбрус» вышла вторая часть дилогии «С памятью не расставаться».

ЖУЧОК МАЙСКИЙ*Рассказ*

Утомленный утренним обменом любезностями с женой, опустив голову, не спеша, он шагал по пешеходной дорожке, направляясь в аптеку за пилюлями от головной боли и мазью «Гель» от скрипа в коленях.

Ярко-желтый майский жучок лежал на спине и дрыгал всеми шестью лапками. Он его заметил сразу.

Вот бедолага! Летел, летел... Устал, небось, и брякнулся прямо на асфальт. Тут же хищники вокруг! Шустрый попрыгунчик, вездесущий воробей, увидит – склюет. Воронья развелось – тьма! Он, конечно, для них добыча не важная. Так – мелочь! Если и увидит какая чернокрылая и бездарная певица, но жгучая шатенка, эту беспомощную букашку, может, и пренебречь.

А вот муравьи!.. Эти если обнаруживают на земле крошку хлеба, или еще чего из съестного, даже микроскопического размера, – строем, в одну вытянутую в затылок шеренгу, и другими боевыми порядками, нападают и волокут в свой муравейник на прокорм своего многотысячного потомства.

В Индии или Пакистане с Ираном, по их религиозному учению буддизма о переселении душ, это красивое насекомое может оказаться его дальней родней, пра-пра-бабушкой или пра-пра-дедушкой. В зависимости от того, самка это или самец. А он, – она, с неутомим упорством болтает ножками, намереваясь перевернуться со спины на брюшко. Но тщетно!

У нее же панцирь полукружием, как у черепахи. Она когда из моря выходит на берег, ее волной тоже может кинуть брюхом вверх, но набежавшая следующая волна или перевернет, или слизнет и унесет обратно в море-океан.

А тут еще на тебя, бабуля-дедуля, кто-нибудь из прохожих, не заметив, наступит и раздавит. И тогда мое генеалогическое древо может пострадать. Почечка засохнет, веточка обломится, кора треснет, а то и все дерево рухнет. Мне вот! Еще и сорока пяти нету, а скелет уже трещит, колени трясутся. А голова? Вчера за триста, еще сто пятьдесят принял – болит.

Нет, надо кого-то из этих дремучих пращуров спасать.

Размышляя и философствуя так, он подобрал опавший березовый листик, осторожно и бережно, – бабуля и дедуля, устав, перестали дрыгаться.

Он краешек листика подсунул под панцирь и перевернул ее-его на спину. Букашка, наверное удивившись на несколько секунд, не подавала признаков жизни. Уж точно не понимая, что это ее пра-пра-внук спасает от смертельной опасности. Затем из-под панциря высунула правое крыло и сразу левое. Осторожно и медленно подошла к самому краю листика, пошевелив усиками, взмахнула несколько раз крыльями и, оттолкнувшись всеми своими конечностями, взлетела. Он какое-то время наблюдал ее в полете, размышляя о превратностях всего живого на земле и человека в том числе. Оказывается жизнь, счастье, любовь и прочее зависит всегда, везде и во всем от его величества случая. И твердо решил: ходить по земле помедленнее и смотреть под ноги. Что у тебя там ползает и бегают.

Когда пришел домой и рассказал жене о своем благородном поступке, она поверила, но с ехидцей заметила: «Очень может быть! Но это не о твоей дальней родне, а о моей поближе, – теще твоей любимой с тестем».

– Да, а ты лекарство купил? Или уже голова не болит? И колени перестали дрожать?

– Да купил, купил... И пилюли, и мазь, гель мне. А тебе настойку пустырника. И опять себе. Пузырь настойки боярышника. На два или три бабок не хватило. Не ной! Дай десятку и еще пять рублей. Это будет

четыре пузыря. Аккурат сто грамм. Она же из организма вчерашний алкоголь выталкивает, навсегда! Не ной! Я курить сегодня брошу! Вот те крест! Да и не хочу я! Не желаю в другой жизни ходить или ползать. Я летать хочу. Я твой голубь сизокрылый, а ты – моя горлица. А дашь двадцать рублей, мы с тобой в заоблачную высь воспарим! Я – горный орел, ты – орлица! А гнездо у нас будет на самой высокой скале в Гималаях. А дашь три десятки, я и водку пить брошу. Только пиво, и то по будням! Не редко, а иногда. Только в красные дни календаря с субботы!..

Проза жизни с поэтической строкой схлестнулась.

Малиновую настойку! Боярышника! А дашь пятьдесят рублей, так обязательно и чернику форте!

МИШКА

У опушки леса столкнулся с медведем.

– Здорово, Вася! – медведь ему говорит.

– Да я... я... не Вася! – опешив от неожиданности и заикаясь, возражает он.

– А кто ты? Если не Вася? И решился в одиночку и без ножа и ружья в мои владения забрести. Нет, ты точно – Вася! – утвердительно и весело похохатывая, обзывает его Топтыгин.

– Я Петя! – робко пытается возразить ему Вася.

– Да нет! Ты не Петя. Петя – имя неблагозвучное! Я вот – Миша! А ты Вася! Это и звучит и произносится легко, без усилий и ущерба для дикции. А в лесу оно повторяется многократно, как эхо. Вот, послушай! Ва-ва-ся! – басом пророкотал Миша. Да так громко, что стая ворон, ночевавших на деревьях, всполошилась и черной тучей зависла над лесом.

– Да ты разве сам-то не слышишь? Или тебе медведь на ухо наступил?

– Нет! – уже окончательно придя в себя и осмелев, сказал Вася. – Не наступил. Разве что ты?..

– Я не наступлю, – обещает Топтыгин.

Помолчали. Оба призадумались. Ситуация... Затем Миша спросил:

– Ну так куда-нибудь и зачем-то пойдём?

– А можно бы и здесь поговорить. Обсудить, чего да как, – предложил Вася.

– Да о чем в лесу разговаривать? Ну вот разве что о погоде, о цветах лесных, полевом разнотравье, сенокос-то уже был. О птахах, зверюшках разных мелких. Из крупных здесь только я. Давай лучше пойдём к тебе на село. Вот где будет весело, – скаламбурил Михаил.

– А че! Идем, – согласился Вася.

Пошли. Подходят к окраине. Деды и бабки, что сидели на скамейках у забора и судачили, – их как ветром сдуло. Базарчик в центре

села. Торговки, как увидели Петьку, идущего в обнимку с бурым медведем, который выше его на голову, в страхе побросав товар и провизию, разбежались кто куда, а другие – по домам. Топтыгин мимоходом сгрел с прилавка и нанизал на свободную лапу несколько корзинок с ягодами.

– А тута имеется, если не ресторан, так хоть буфет, что ли? – спрашивает у Василия.

– А то как же. Столовка есть.

– Так зайдём?

– Ну да! – Зашли.

Официантку, мило улыбающуюся девицу в цветастом сарафане пшеничного цвета, с короной кос на голове, Мишка осторожно и ласково погладил лапой по разруганной от смущения или робости щеке, и, просительно мурлыкая, говорит:

– А ну, красавица! Мечи все, что есть в печи.

– А у нас уже все съели! – все так же застенчиво улыбаясь, проворковала русская красавица. – Вот разве что оладушки, да про запас в кладовке сметана да сливки будут.

– Во! Во! – обрадовался Мишка. – Ему – оладушки, а мне сметану, да сливки подавай. Все, сколько есть в кладовке. Я очень! Ну очень! Страсть как обожаю всякие ягоды со сметаной! Особенно со сливками.

Поставил на стол плетеные корзинки с лесной ягодой малиной и домашней клубникой.

– А ты, Вася, подмогни Меланье. Тебя так ведь величают, красавица ты наша? – Она кивнула головой. – Из погреба провизию наверх доставить.

Медведь проглотил пару корзинок ягод, запивая их сметаной и сливками и засовывая в трехлитровые баллоны лапу и облизывая ее, вычерпывая «остатки сладки», а Василий съел с десятков суховатых оладий, тоже окуная их в глиняную миску со сметаной, которую услужливо принесла и наполнила Меланья.

Мишка, довольный обильной трапезой, сложив лапы на брюхе, с шутками да прибаутками приставать начал к Меланье.

– А если б я был не медведь, пошла бы за меня замуж?

– Если бы да кабы, – зардевшись от смущения, отвечала Меланья, также весело. – Не пошла бы, не дошла, не ушла...

– Ишь ты! Ушлая ты, видно, девка! – сказал Михаил и, обратившись к Васе, тоже спросил: – Ну, а у тебя, Василий, какие дела семейные? Дети есть? Жену любишь? Ласкаешь?

– А то! Еще как! – воскликнул Василий. – У меня двойня: мальчик и девочка. Мальчику семь лет, в честь моего деда Семеном назвали. Доченьке, соответственно, тоже семь лет будет. Нарекли Поленькой. Так звали ее бабулю, матери мать, стало быть, тещу мою. Царствие ей небесное!

Померла надысь. Вроде чего-то не то съела или устала от житья такого. Работа у нее была тяжелая! В литейном цехе она обломщицей трудилась. И зимой жарко и летом не холодно. Ей завтра на пенсию выходить, а она сегодня возьми и помри. Прилегла и как бы заснула. Навсегда!

– Грустная история! – сочувственно произнес Михаил. И Меланья подобрала концом повязанной на голове белоснежной косынки скатившуюся по щеке слезинку.

– А жену мою славную и любимую Марусей зовут. Она у меня предприниматель. Оптом берет чего по рублю, в розницу отдает по рубль двадцать. Рабочий поселок рядом и заводик при нем. Там мы с Машей моей и трудились. Я по слесарному и кузнечному делу, она в бухгалтерии.

«Мы кузнецы, и дух наш молод, Куем мы счастья ключи!» – басом пропел Михайло.

– Отгудел, отгремел заводит. Потух, в общем. А я нынче вот... В лес погулять вышел и тебя встретил.

– А у меня четверо годовалых, – перебивает его Михаил Топтыгин. – Трах! Тах! Бум! Бах! Все самцы. Ихняя мать нас бросила. Ее сманил дрессировщик, из проезжавшего по лесной дороге цирка-шапито. Она с ним и убежала. И сейчас в цирке на трапеции выступает и жонглирует. Разо-де-тая! С зонтиком в правой лапе, с веером – в левой. Отдельная клетка. На завтрак, обед и ужин фрукты и овощи заморские. Он ей еще и сладости во время выступления в пасть сует. Ну, я, пожалуй, побег! Топтышки мои в берлоге небось голодные!

Мишка коготками поскреб лохматую грудь. Кинул на стол клочок волос.

– Это в оплату. Да и чего еще с меня взять?

Поднял с пола десятилитровый железный бидон с молоком, обнял его левой лапой.

– А ты, Вася, заходи в лес, когда хошь. Сам али с семьей! И ты, Меланьюшка! Я укажу, где какие грибы, ягоды, орешки лесные, чего другого разного полезного вам имеется.

Михаил прыжками на трех лапах ринулся на выход. А затем, ломая кусты, опрокидывая изгороди, и огородами, огородами... Быстро достиг лесной опушки и скрылся в лесной чаще.

– Приду, Миша! Обязательно приду! Если не вчера, так завтра!

– Вставай, соня! Детей надо в школу вести! – тормошит Петра его Маруся. – С кем это ты так громко разговаривал? Рычал, мычал, словно медведь.

– Ага! Миша!.. Оладушки... сметана... сливки! Ягоды лесные, орехи, – бормочет спросонья Петр. – Да не Петя – Вася я...

МОХНАТИК

Он был высоким, толстым, сильным многоногим, многоруким, неуклюжим и мохнатым.

Однако очень добродушным, веселым и ласковым. Он и прибыл же издалека, чтобы вернуть людям утерянные либо атрофированные у большинства из них чувства добра, справедливости, уважения, а они...

То дернут за один, то за другой хвост. Передние лапы отдают, задние прищемят, за уши больно потреплют, щелкнут по носу, пнут ногой в бок, по шее дадут, поленом огреют. Плесканут в морду чем-то кисло-соленым. Хуже того! Похабно-непотребными словами обзывают.

Он самый большой и сильный, а они – вот так с ним! Немногие, еще живые, милые сердобольные старушки да любознательные старички, сопереживая ему – советуют:

– Да ты что же это, а?.. Зачем?.. Почему?.. Ну понятно, некрасивый! Но – умный, образованный! Добрый! Обаятельный! Любознательный! А еще самый могучий! Прикрикни на одних, да дай другим так – чтобы они от страха напугались...

И он терпел, терпел и, в конце концов, все же обиделся. Оскорбился даже. Взял да убежал от них.

Взобрался на самую высокую гору и сидит там, свесив над пропастью все четыре нижние лапы, а четырьмя верхними – всхлипывая, сопли и слезы вытирает. Да не могу я! Заорал он от боли и обиды. Да так громко, что гора, на которой сидел, подпрыгнула, вода в реках вспять побежала, в океанах волна поднялась метров на двадцать пять-тридцать. Крыши в домах посрывало. Деревья и столбы повалило. Озоновый слой испарился, кислород воспламенился. Там, где было жарко, стало холодно, и наоборот. Это полюса сдвинулись или поменялись местами. В своей и соседней галактиках несколько обитаемых и необитаемых планет с орбит соскочили и покатались, покатались...

– Не могу я! Не могу! Гу! У-у-у! – всхлипывал и рыдал мохнатик. – Они запрограммировали меня на безграничное добро! Беспредельную любовь! Бесконечную ласку!

Еще громче орал мохнатик на весь мир и даже на всю вселенную.

В номере:

<i>Елена Пачева. Еще раз о Бекмурзе. Очерк</i>	2
<i>Виталий Ершов. История черкесского зарубежья в творчестве ученого, публициста и общественного деятеля М. М. Хафицэ. Статья</i>	18
«Душа скучает по родному краю: разбросаны по миру земляки...» <i>Стихи поэтов черкесского зарубежья</i>	27
<i>Задин Маремов. Счастливая судьба репатрианта из Сирии Шамиля Балкара и его семьи. Очерк</i>	38
Наш Задин Маремов	41
<i>Кашиф Унежев. Этническая история адыгов (черкесов). Статья</i>	42
<i>Саадула Кануков. Девочка из Ленинграда. Главы из романа</i>	65
<i>Инна Кажарова. «Девушка из Ленинграда» Саадулы Канукова. Модальность оригинала и перевода. Статья</i>	74
<i>Рубин Физиков. Вопреки всему. Главы из романа</i>	88
<i>Мурадин Ольмезов. Нарат, я вернулся. Рассказ</i>	109
<i>Адам Гутов. Логика Дабаго. Новелла</i>	126
<i>Светлана Моттаева. Космогония его творческих озарений. Очерк</i>	136
<i>Мурат Боттаев. Место и значение литературного языка. Статья</i>	139
<i>Мадина Буранова. «Книга – ценность патриотического воспитания подрастающего поколения в современном обществе». Статья</i>	145
«Звезда ученого» профессору А. Д. Закураеву	155
<i>Аслан Закураев. Создание транспортного коридора СКФО–Абхазия в районе западного Кавказа на основе инновационных транспортных проектов. Статья</i>	156
<i>Кристина Караханова. Стихи</i>	160
<i>Магжан Жумабаев. Стихи</i>	162
<i>Марина Гериева. Стихи</i>	168
<i>Павел Сидорук. Письмо в Беларусь. Статья</i>	172
<i>Ибрагим Гукемух. Гражданский военный. Очерк</i>	175
<i>Тамара Созаева. Живопись – царица искусств. Леонардо да Винчи. Статья</i>	179
<i>Жаухар Анпаева. Потоки жизни. Рецензия</i>	184
<i>Евгений Листопадов. Жучок майский. Мишка. Мохнатик. Юмористические рассказы</i>	185

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Ж. Кандоровой, Е. Бит-Сава*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 03.07.18. Подписано к печати 28.07.18.
Выход в свет 15.08.18. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 925 экз. Заказ № 291. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).